

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.А. Добролюбова

ВЕСТНИК
**Нижегородского государственного
лингвистического университета**
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 14

Нижний Новгород

2011

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО НГЛУ*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 14. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. – 248 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С.Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В.Плисов (*отв.секретарь*),
В.М.Бухаров, М.А.Викулина, М.А.Грачев, Е.Н.Дмитриева, В.Г.Зусман,
В.И.Карасик (Волгоград), З.И.Кирнозе, Л.П.Крысин (Москва),
Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А.Львов,
М.И.Никола (Москва), О.Г.Оберемко, Е.Р.Поршнева, М.С.Ретунская,
Е.П.Савруцкая, Т.Н.Синеокова, В.В.Сдобников, О.Н. Сенюткина,
В.М.Строгецкий, А.А.Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин,
Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н.Шамов, Л.Е. Шапошников,
Д.Боксэ (США), Д.Марке (Бельгия), Д.Мийе-Жерар (Франция),
У.Реннер-Хенке (Германия), М.Руэп (Германия), К.Флидль (Австрия),
С.Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2011

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 14

Nizhny Novgorod

2011

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 14. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2011.
– 248 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B.Zhigalev

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Vikulina, M.Grachev, E.Dmitryeva, V.Zusman,
V.Karasik (Volgograd), Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L.Lvov, M.Nikola (Moscow), O.Oberemko,
E.Porshneva, M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova, V.Sdobnikov,
O. Senyutkina, V.Strogetsy, A.Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A.Shamov, L. Shaposhnikov, D.Boxer (USA),
D.Markey (Belgium), D.Millet-Gérard (France), U.Renner-Henke (Germany),
M.Ruep (Germany), K.Fliedl (Austria), S.Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- А.Е. Бочкарев** (*Нижний Новгород*)
О значении «значения» 11
- Т.В. Градская** (*Нижний Новгород*)
Гипонимическое поле английских глагольных лексем со значением
непроизвольной звуковой реакции человека 18
- Р.А. Иванова** (*Нижний Новгород*)
Логико-семантическая категория делиберативности как
герменевтический признак сакрального текста 27
- Н.Д. Ионова** (*Тверь*)
Экспликационные и импликационные тенденции построения
презентации прямой речи в художественном тексте 36
- А.О. Лалетина** (*Нижний Новгород*)
Язык и норма в контексте глобализации и виртуализации общения 44
- Т.М. Наумова** (*Нижний Новгород*)
О роли аллюзивных антропонимов в формировании межконцептных
связей внутри британской национальной концептосферы (на примере
концепта *failure*) 51

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

- Ch. Nord** (*Magdeburg, Germany*)
Gained in Translation: How the Translator Makes the Source-Text Grow 57
- M. Pursglove** (*Great Britain*)
From *Дым* to *Rauchen* in Baden-Baden: a new translation of Turgenev's
Smoke 66
- Т.В. Иванова** (*Нижний Новгород*)
Оценка качества устного перевода: коммуникативный подход 79
- К.Е. Калинин** (*Нижний Новгород*)
Презентация выходного сообщения в контексте адекватности устного
перевода 88

И.Р. Перевышина, Т.Н. Дутова (<i>Белгород</i>)	
К проблеме переводимости и непереводимости	95
О.В. Петрова (<i>Нижний Новгород</i>)	
Переводческие стратегии в свете коммуникативно-функционального подхода к переводу	105
В.В. Сдобников (<i>Нижний Новгород</i>)	
Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода	114
А.П. Седых, Е.И. Гливич (<i>Белгород</i>)	
Алгоритм учебного перевода	125

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

М.К. Бронич (<i>Нижний Новгород</i>)	
Природа и город в творчестве Сола Беллоу: полемика с Л.Н.Толстым	133
Н.М. Грищенко (<i>Минск, Беларусь</i>)	
«Открытость» поэтического произведения как фактор формирования читателя (на примере испанской поэзии конца XIX – начала XX веков)	141
И.В. Никитина (<i>Нижний Новгород</i>)	
Проблема перевода стихотворения-эпиграфа, предпосланного поэме У.Уитмена «Листья травы»	148
М.Б. Феклин (<i>Нижний Новгород</i>)	
С.М. Степняк-Кравчинский: от террориста к литератору и переводчику	158
С.М. Фомин (<i>Нижний Новгород</i>)	
Романы Андрея Макина: проблема перевода	171

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Г. Виноградова (<i>Нижний Новгород</i>)	
Формирование толерантной личности студента в вузе: средовой аспект	179

Б. Делатр (<i>Страсбург, Франция</i>)	
Перевод с листа в преподавании и практике синхронного перевода	188
Л.П. Загорная, Е.А. Щепеткова (<i>Нижний Новгород</i>)	
Обучение студентов-лингвистов интерактивной стороне общения на иностранном языке (продвинутый этап)	201
Е.Р. Поршнева, И.Ю. Зиновьева (<i>Нижний Новгород</i>)	
Программа подготовки бакалавра лингвистики как основа профессионального переводческого образования	213
Т.С. Серова, Л.П. Шишкина (<i>Пермь</i>)	
Двухязычный лексикон тезаурусного типа как средство формирования переводческого билингвизма	222
 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
Ю.А. Гуторов (<i>Нижний Новгород</i>)	
Проблема «Восток – Запад» в творчестве евразийцев	233
Е.И. Кузнецова (<i>Нижний Новгород</i>)	
Философские концепции мифа в свете проблемы медиальности	241

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Andrey Bochkarev** (*Nizhny Novgorod*)
On the Meaning of «Meaning» 11
- Tatiana Gradskaya** (*Nizhny Novgorod*)
Hyponymic Field of English Verbal Lexemes Denoting a Person's Involuntary
Sound Reaction 18
- Rimma Ivanova** (*Nizhny Novgorod*)
Logic-semantic Category of Deliberativity as a Hermeneutic Feature of the
Sacral Text 27
- Nadezhda Ionova** (*Tver*)
Explicit and Implicit Tendencies in Presenting Direct Speech in Fiction 36
- Alexandra Laletina** (*Nizhny Novgorod*)
Language and Norm in the Context of Globalization and Virtualization of
Communication..... 44
- Tatiana Naumova** (*Nizhny Novgorod*)
On the Role of Allusive Anthroponyms in Establishing Interconceptual
Relationships in the British National Conceptual Sphere 51

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

- Christiane Nord** (*Magdeburg, Germany*)
Gained in Translation: How the Translator Makes the Source-Text Grow 57
- Michael Pursglove** (*Great Britain*)
From *Дым* to *Rauchen* in Baden-Baden: a New Translation of Turgenev's
Smoke 66
- Tatiana Ivanova** (*Nizhny Novgorod*)
Assessment of Interpreting: Communicative Approach 79
- Kirill Kalinin** (*Nizhny Novgorod*)
Presentation in Interpreting Adequacy 88

Irina Perevyshina, Tatiana Dutova (<i>Belgorod</i>) On the Problem of Translatability and Non-Translatability	95
Olga Petrova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Translation Strategies in the Context of Communicative-Functional Approach to Translation	105
Vadim Sdobnikov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Communicative Situation as a Factor in Choosing a Translation Strategy	114
Arkadiy Sedykh, Elena Glivich (<i>Belgorod</i>) Algorithm of the Translation Training	125

CROSS-CULTURAL ASPECT OF LITERARY DISCOURSE

Marina Bronich (<i>Nizhny Novgorod</i>) Nature and City in Saul Bellow's Writing: Debate with Leo Tolstoy	133
Natalia Grishchenko (<i>Minsk, Belarus</i>) «Openness» of a Poetic Text as a Factor of Forming a Reader (in the Spanish Poetry at the Turn of the 19 th – 20 th Centuries)	141
Irina Nikitina (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Problem of Translating Walt Whitman's Poem-Epigraph Premised to “Leaves of Grass”	148
Mikhail Feklin (<i>Nizhny Novgorod</i>) S.M. Stepnyak-Kravchinsky: From the Terrorist to Man-of-Letters and Translator	158
Sergey Fomin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Andrei Makin's Novels: Problems of Translation	171

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Elena Vinogradova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Formation of Tolerance in University Students: Environment Aspect	179
--	-----

Benoît Delatre (<i>Strasbourg, France</i>) At-Sight Translation in Teaching Interpreting and in Simultaneous Translation Practice	188
Lilianna Zagornaya, Evgeniya Shchepetkova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Organization of Interactive Communication for Advanced Students of Foreign Language at Linguistic Universities	201
Elena Porshneva, Irina Zinovieva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Bachelor of Linguistics Program as a Foundation of Professional Training Interpreters and Translators	213
Tamara Serova, Larisa Shishkina (<i>Perm</i>) Bilingual Lexicon of Thesaurus Type as a Means of a Translator's Bilingualism Formation	222
CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION	
Yury Gutorov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Russia and Problem "East-West" in Creativity Eurasians	233
Elena Kuznetsova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Philosophical Conceptions of the Myth in the Light of the Mediacy Problem	241

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81'371

О ЗНАЧЕНИИ «ЗНАЧЕНИЯ»

А.Е. Бочкарев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Выводимое в ходе анализа значение понимается в единстве с применяемой в анализе моделью значения. В формальной семантике значение сопрягается с операциями по исчислению высказывания, в дескриптивной лингвистике – с дистрибуцией, в условно-истинностной семантике – с истиной и референцией, в когнитивной семантике – с ментальными репрезентациями в виде прототипов, социальных стереотипов или фреймов. В этом смысле исследуемое семантикой значение равнозначно знанию о том, каким представляется в той или иной системе исчисления значение «значения».

Ключевые слова: значение, истина, референция, знание, верификация.

On the Meaning of «Meaning»

Andrey Bochkarev

A meaning deciphered as a result of the analysis is understood in the unity of the meaning itself and the meaning model used for the analysis. A meaning is conjugated with operations used to estimate an utterance in formal semantics, with distribution – in descriptive linguistics, with the truth and reference – in condition-truth semantics, with mental representations in the form of prototypes, social stereotypes or frames – in cognitive semantics. Thus, a meaning studied by semantics is equivalent to the knowledge of how the meaning of “meaning” is seen in a system of utterance estimation.

Key words: meaning, truth, reference, knowledge, verification.

В теоретико-познавательном аспекте значение равнозначно знанию, в том числе знанию о том, каким представляется в данной системе исчисления значение «значения».

Обратившись к различным парадигмам лингвистического знания, нельзя не отметить, что отправным ориентиром подавляющего большинства теорий значения служит по умолчанию восходящая к Аристотелю триада *слово — понятие — вещь*^{*}, а точнее профилирование складывающихся внутри этой триады отношений: (i) *имени к реалии* или (ii) *имени к понятию*.

---

* Известная в научной литературе под именем треугольника Огдена и Ричардса.

Значение как отношение имени к вещи. В семантической концепции значения как отношения к вещи значение анализируемого языкового выражения, прежде всего имени, определяется через его отношение к обозначаемой вещи. В таком определении значение не растворяется, конечно же, в вещи, а подтверждает разве только факт ее существования, знание о том, что именно эту вещь называют так-то, а не иначе. Но для сторонников экстенциональной семантики этого достаточно, чтобы гипостазировать функцию обозначения, а за основу анализа значения взять определение вида «Имя обозначает объект. Объект – его значение» (Л. Витгенштейн), «...обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению» (Г. Шухардт) или «...все слова обладают значением в том простом смысле, что представляют собой символы, которые замещают нечто, не являющееся им самим» (Б. Рассел).

Основанием теории значения может быть в таком случае только теория референции [1]. В такой теории анализ значения подчиняется изучению отношений между языковыми выражениями и обозначаемыми ими реалиями и сводится с необходимостью к установлению условий, которым анализируемое выражение должно удовлетворять, чтобы правильно обозначать. Особую трудность для экстенциональной семантики вызывают при этом безденотатные имена вроде *химер*, *русалок* или *единорогов* да размытость экстенционала. Ибо если значение равнозначно обозначению, как поступать с выражениями с неопределенным или фиктивным референтом, с тем, что неопределенно или не существует? Чтобы выйти из затруднительного положения, не остается ничего другого, как признать эти выражения неопределенными или фиктивными, а их интерпретацию – непрозрачной и даже неоднозначной. И тем самым различать определенные и неопределенные дескрипции, а в отношении определенных дескрипций применять вслед за Доннеланом два вида толкования: атрибутивное или референтное [2. С.139–144].

Значение как отношение имени к понятию. В семантической концепции значения как отношения к понятию значение языкового выражения определяется через отношение к «представлению в душе» (в определении Аристотеля) или отраженному в сознании представлению (в современном понимании). При этом спорным остается по-прежнему вопрос: что понимать под аристотелевским

«представлением в душе» – *понятие* или *представление*, совокупность сущностных свойств или данный нам в чувственном восприятии образ, сигнификативное значение или ментальную репрезентацию?

От ответа на этот вопрос зависит как состав исследуемого значения, так, собственно, и способы его репрезентации в металингвистическом описании. Например, в онтологически ориентированной семантике компоненты значения отождествляются с сущностными свойствами обозначаемой словом вещи, так что единственно возможной процедурой анализа становится условно-истинностный анализ, наиболее приемлемым инструментарием – рационально-объективные системы знания. Когнитивная семантика ориентируется, напротив, на обиходные представления, а в качестве базовой модели значения избирает систему главным образом обыденного знания с когнитивными аналогами в виде типичных примеров, идеалов и образцов (в понимании Э. Рош) или социальных стереотипов (в понимании Х. Патнэма). В терминах типичных примеров *птицу*, например, представляют как воробья, *идеального мужа* – как хранящего верность жене и всемерно заботящегося о семье, *стереотипного политика* – как интригана. Вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий более подходящим в таком случае становится анализ в терминах «семейного сходства». Из всех потенциально возможных свойств отбираются общие прототипические свойства, из которых складывается инвариантное значение и по которым задается идеализированная репрезентация «нормального случая» типа *птицы вьют гнезда, короли правят страной, колдуньи наводят порчу* и т. д.

Значение как употребление. Значения «значения» не исчерпываются отношениями между элементами семантической триады. Кроме указанных случаев, выделяются и некоторые другие. За счет обращения главным образом к переменным условиям употребления в определениях типа «Значение слова – это его употребление в языке» [3. С.99], «значение – это только постоянные, не меняющиеся условия употребления слов» [4. С.243], «Дайте мне контекст, в котором вы встретили это слово, и я объясню вам его значение» [5. С.434].

Так складываются принципиальные для семантики аксиоматические постулаты:

- значение языкового выражения есть функция его употребления: частное значение соотносится с единичным употреблением, общее – с множеством потенциально возможных ситуативных употреблений;

- как знание употребления значение языкового выражения равнозначно знанию контекстов и ситуаций, в которых употребляется это выражение;

- способ употребления можно рассматривать в качестве условия проверки на соответствие если не реальному положению вещей, то общепринятым «культурным ожиданиям».

Эти положения уточняются с разной степенью полноты в соответствующих теориях значения.

Значение как совершаемые с языковым выражением операции. С семантической концепцией значения как употребления смыкаются отчасти и разного рода операциональные теории значения, в которых значение анализируемого выражения отождествляется с производимыми над ним операциями. В дескриптивной лингвистике, например, «значение как способ употребления» уточняется путем изучения дистрибутивных возможностей и ограничений на сочетаемость, а в логико-семантических исследованиях – совершаемых с языковым выражением операций. Причем под операциями понимаются как действия, совершаемые с языковым выражением в процессе его применения, так и действия по проверке истинности высказывания, компонентом которого является данное выражение.

Значение как способ верификации. С теорией значения как употребления смыкается определение значения как способа проверки истинностного значения. Ибо, полагают, говорить об употреблении какого-то языкового выражения мы в состоянии лишь при наличии знаний об условиях истинности этого выражения: «...знание условий истинности некоторого предложения дают говорящему знание полного употребления этого предложения» [6. С.134]; «...истинность или ложность являются функциями употребления предложения или выражения» [7. С.64].

Так центральными понятиями теории значения становятся понятия истины и верификации. Отождествляясь со способом верификации, значение всякого квантифицируемого выражения сводится к стандартным условиям истинности и определяется

соответственно в терминах «предметной области», «существования», «объекта» и «выполнимости» по формуле вида: $(\exists x) P(x)$ истинно, если и только если в данной предметной области существует некоторый объект, выполняющий предикат P .

Разумеется, в познавательном аспекте далеко не безразлично, какие избираются «базисные суждения» (А. Айер), относительно которых верифицируют (истинностное) значение. Весьма симптоматичным представляется в этой связи приведение значения к установкам мнения: знанию, верованию или убеждению. Эти установки обладают, безусловно, разным «весовым числом», но остаются тем не менее необходимыми «эпистемологическими предпосылками», которыми мы руководствуемся, пока не появятся убедительные основания для отказа от них, и которые, это главное, служат нам всякий раз если не верификатором истинности суждения, то достаточным его основанием. Так модифицируется принципиальным образом верификационная модель значения. При сохранении общей корреспондентной основы на место истины ставится правдоподобие, так что условно-истинностная обработка высказывания оборачивается проверкой на соответствие излагаемого в нем мнения (объекта мнения) общепринятым социальным нормам типа *doxa*: «...что кажется правильным всем или большинству людей» [8. С.349].

Значение в отношении к ситуации. Изучение значения как способа употребления экстраполируется естественным образом и на коммуникативную ситуацию, в которой употребляется анализируемое выражение. Причем интерес здесь представляет не сама по себе ситуация, пусть и в стереотипном ее представлении, а сопрягаемое с ней процедурное знание: знание, как вести себя и какой придерживаться в той или иной ситуации коммуникативной стратегии. В аналитической философии с таким знанием совпадают отчасти пропозициональные установки, в теории речевых актов – конвенциональные процедуры и интенциональные состояния, в исследованиях по искусственному интеллекту – семантические поля (слоты), в когнитивной семантике – фреймы, прототипы, социальные стереотипы и идеализированные когнитивные модели, в интерпретирующей семантике – социальные нормы в функции затекстовых интерпретантов.

Значение как отношение между знаками. Изучение значения как способа употребления экстраполируется естественным образом и на складывающиеся в употреблении отношения между знаками в определениях типа «значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами» [9. С.123].

Предпосылкой такого определения значения служит учение о значимости Ф. де Соссюра, а необходимым логичным завершением – интенциональная модель значения с аксиоматическими постулатами вида:

- понятийный субстрат языкового значения нельзя изучать в отрыве от языка;
- вместо отношения к понятию и/или вещи интерпретантом знака может быть в интенциональном определении только отношение к другим знакам;
- от существующих в системе языка различий можно заключать к операциональным возможностям;
- в интенциональном определении истинностное значение релятивизируется относительно языковой конвенции, позволяющей, например, понять, почему нем. *grün* «зеленый» употребляется совместно как с *Apfel* «яблоко» в выражении вида *ein grüner Apfel* «зеленое яблоко», так и с *Junge* «юноша» в выражении вида *ein grüner Junge* «зеленый юнец».

Сопоставив различные подходы к значению, нельзя, таким образом, не отметить, что именно исследовательская позиция задает концептуальную схему анализа, способы постановки и решения исследовательских задач. Во всех случаях, идет ли речь об употреблении, дистрибуции, отношениях между знаками, способах и видах верификации, все без исключения значения «значения» релятивизируется необходимым образом относительно парадигмы теоретического знания. Поэтому в формальной семантике значение сопрягается с операциями по исчислению высказывания, в условно-истинностной семантике – с истиной и референцией, в когнитивной семантике – с ментальными репрезентациями в виде прототипов, социальных стереотипов или фреймов, в интерпретирующей семантике – с интерпретирующими возможностями контекста, социальными нормами и прочими фоновыми знаниями в функции прагматической пресуппозиции. Причем интерес для лингвистической семантики представляют все без исключения

значения «значения». Хотя бы потому, что показывают, как эволюционирует научное знание и как меняется с научной парадигмой состав исследуемого значения.

Библиографический список

1. Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 99–120.
2. Доннелан К. С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 134–160.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
6. Даммит М. Что такое теория значения // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 213–233.
7. Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 109–133.
8. Аристотель. Топика // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 347–531.
9. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 320 с.

Сведения об авторе

Бочкарев Андрей Евгеньевич
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры французской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: abotchkaev@sinn.ru

УДК 811.111'367.625:81'37

ГИПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПРОИЗВОЛЬНОЙ ЗВУКОВОЙ РЕАКЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Т.В. Градская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье представлены результаты исследования лексической семантики английских глагольных лексем со значением произвольной звуковой реакции человека. В работе эксплицируются понятия семантического и гипонимического полей; анализируется семный состав ЛСВ (денотативный аспект лексического значения); выстраивается семантическая классификация исследованной ЛСГ; определяются семантические гипонимические отношения между ЛСВ.

Ключевые слова: гипонимическое поле, семантическое поле, ЛСВ, лексическое значение, глагольная лексема, семантическая классификация.

Hyponymic Field of English Verbal Lexemes Denoting a Person's Involuntary Sound Reaction

Tatiana Gradskaia

The present article focuses on the results of the research on lexical semantics of English verbs denoting a person's involuntary sound reaction. The author considers the concepts of hyponymic and semantic fields, analyses the composition of each lexico-semantic variant (only the denotative aspect of lexical meaning is studied), presents the semantic classification of the lexico-semantic group of the verbs under research, establishes the semantic hyponymic relations between the lexico-semantic variants.

Key words: hyponymic field, semantic field, lexico-semantic variant, lexical meaning, verbal lexeme, semantic classification.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты занимались исследованием лексического значения глагола и семантических полей [1], [2], [3], [4], [5]. Согласно многочисленным определениям, семантическое поле представляет собой совокупность парадигматически связанных слов, имеющих в структуре значений общий семантический признак и различающихся по крайней мере по одному дифференциальному признаку [6], [7], [8].

Целью анализа семантического поля является установление семантических отношений между членами поля одного уровня обобщения (эквонимов по отношению друг к другу), с одной стороны,

и между каждым отдельно взятым членом по отношению к элементу более высокого уровня обобщения (гипонимов по отношению к гиперониму), с другой. Изучение отношений гипонимии и явилось первоочередной задачей нашего исследования. Эти двоякого рода отношения между входящими словами по содержанию – эквонимические (межвидовые) и гиперо-гипонимические (родо-видовые), как пишет М.В. Никитин, «реализуясь в различных узлах гиперо-гипонимической иерархии словаря, образуют лексико-семантические микроструктуры – совокупности слов, объединенных системными отношениями» [9. С. 74].

С учетом этого разнообразия отношений между значениями вслед за Ю.А. Найдой будем различать две основные процедуры семантического анализа глагольных значений – «процедуру вертикально-горизонтального анализа» и «процедуру анализа пересекающихся значений» [10]. При процедуре вертикально-горизонтального анализа нами исследуются отношения гиперо-гипонимии. При процедуре же анализа пересекающихся значений исследуются эквонимические отношения между лексемами.

Вслед за В.В. Богдановым [11] различаем два основных типа семантических полей – гипонимическое и синонимическое. Однако предметом рассмотрения данной статьи является гипонимическое поле исследуемых глагольных лексем. Гипонимическое поле, как известно, строится по принципу родо-видовых отношений между образующими его словами. Семантическое поле глагольных лексем со значением произвольного звучания включает в себя три микрополя.

При характеристике глагольных лексем, обозначающих произвольную звуковую реакцию человека, выявились следующие семантические классифицирующие признаки: «место образования звука», «причина звуковой реакции», «характер звучания» и «способ производства звука».

Обратимся к семантической классификации английских глагольных лексем со значением произвольной звуковой реакции человека. Иерархически организованная система понятия-значения произвольной звуковой реакции человека содержит четыре уровня обобщения (I, II, III, IV) и, соответственно, гиперсема 'to make an involuntary sound' имеет три ступени своей спецификации.

На первом уровне анализа обобщения (I) имеется множество глагольных лексем со значением непроизвольной звуковой реакции человека.

На втором уровне анализа обобщения (II) это множество лексем распадается на четыре подмножества на основании семантического признака «место образования звука». Сравнение эквонимов этого уровня выявляет в них общую часть, содержательно равную гиперониму «использование какого-либо органа при непроизвольной звуковой реакции человека». Различаются же они за счет следующих гипосем: «вибрация голосовых связок», «прохождение воздуха через внутренние органы», «локализация звука в других органах» и «ощущение звучания в голове».

На третьем уровне анализа (III) получаем лексико-семантические подгруппы, составные компоненты которых объединяет категориальный признак «звуковая реакция человека на внешнее или внутреннее раздражение».

На основании семантического признака «виды голосовых звуков» получаем семь лексико-семантических подгрупп глагольных лексем, обозначающих звучание голоса человека:

1) лексем, обозначающие речь: babble², bawl³, blurt, boom³, buzz³, chatter², chuckle³, clatter⁸, crack⁴, cry³, drawl, drone², echo³, gabble, gasp³, giggle², groan², growl¹, grumble¹, grunt², gush, hiccup², hiss³, hum⁴, laugh², lisp, moan², mumble¹⁻², murmur²⁻³, mutter¹⁻³, pant², rattle⁷, ravel¹⁻², roar^{4,6}, rumble⁴, scream², screech², shriek², sigh², snap⁴, snort², sob², spit³, splutter¹, sputter², stammer¹⁻², stutter¹⁻², swear, thunder³, wail², wheeze², whimper², whine², whisper¹, yawn², yell²;

2) лексем, обозначающие крик: bawl¹, cry¹, roar⁵, scream¹, screech¹, shriek¹, squall, squeak², squeal¹, whoop, yell¹, yelp;

3) лексем, обозначающие смех: bubble², chuckle¹⁻², giggle¹, gurgle³, laugh¹, roar⁷, scream⁶, screech⁶, shriek⁶, snigger, squeak³, squeal³, titter;

4) лексем, обозначающие плач: bawl², cry², howl¹, sob¹, wail¹, weep, whimper¹, whine¹;

5) лексем, обозначающие стон: groan¹, moan¹;

6) лексем, обозначающие музыкальные голосовые звуки: hum¹;

7) лексем, обозначающие хмыкающие звуки: grunt¹

При общем гиперониме «голосовые звуки» данные эквонимы обнаруживают различительные признаки, представленные следующими гипосемами, выявляемыми в составе их лексических значений: ‘to utter words’, ‘to utter a sudden cry’, ‘to utter sounds accompanied by movements of the face and body expressing feelings’, ‘to utter inarticulate sounds accompanied by tears’, ‘to utter a low, dull sound from grief or pain’, ‘to utter low murmuring musical sound with the lips closed’, ‘to make short deep rough sounds in the throat’.

Сравним следующие примеры: “I tell you the idea’s crazy”, he **snapped** /A. Hailey/; Blank Sign **yelled** in pain and despair /L. Niven/; At some names they **laughed** delightedly, at some indulgently and even tenderly /W. Cather/; Ben **was** still **whimpering**, though not loud /W. Faulkner/; She **moaned** whenever the physiotherapist made her move her fingers and toes /M. Spark/; She **was** still **humming** when she reached the fork of the road /E. Glasgow/; Then the D.T.M. **grunted**, “Sorry, Tanya, I guess I’m passing on to you what I’ve been getting from New York” /A. Hailey/.

На четвертом уровне анализа (IV) изучаемые глагольные лексемы с категориальным признаком «виды голосовых звуков» далее распределяются по лексико-семантическим подгруппам.

Глагольные лексемы, обозначающие речь, на основании семантического признака «характер речевой реакции» делятся на три лексико-семантические подгруппы: (8) глагольные лексемы, обозначающие речь, обусловленную эмоциональным состоянием человека; (9) глагольные лексемы, обозначающие речь, сопровождаемую физиологическими процессами организма; и (10) глагольные лексемы, обозначающие речь, обусловленную индивидуальными особенностями человека или его голосового аппарата. Данная группа эквонимов, содержащих в интенционале своих значений гиперсему ‘to utter words’, различаются следующими гипосемами: ‘being emotionally aroused’, ‘being in a certain physiological state’, ‘being conditioned by peculiar characteristics of a voice /such as deepness, loudness, monotony, etc./

Подгруппу (8) составляют лексемы *chuckle*³, *crack*⁴, *swear*, *hiss*³, *snap*⁴, *yell*², *echo*³, *gabble*, *gasp*³, *gush*, *stammer*², *stutter*², *whisper*¹: “That was a good one”, Mr. Petherton **chuckled** /A. Huxley/; “Where in God’s name is your father?”, she **hissed** /D. James/; подгруппу (9) составляют лексемы *stammer*¹, *stutter*¹, *lisp*, *ravel*¹, *pant*², *groan*²,

hiccup², wheeze², yawn²: “I’ll be all right in a minute”, he **wheezed** /G. Swift/; “Are we nearly there?” Alice managed **to pant out** at last /L. Carroll/; подгруппу (10) составляют лексемы boom³, thunder³, drone², drawl: “No!” he **thundered**. (Why have small men such large voices?) /R. Kipling/.

Глагольные лексемы, обозначающие крик, на основании семантического признака «причина крика» делятся на три лексико-семантические подгруппы: (11) глагольные лексемы, обозначающие крик, вызванный положительными эмоциями; (12) глагольные лексемы, обозначающие крик, вызванный отрицательными переживаниями и ощущениями; и (13) глагольные лексемы, обозначающие крик, вызванный любыми эмоциями и ощущениями. Данные эквонимы, содержащие в интенционале своих значений гиперсему ‘to utter a sudden cry under the influence of emotions’, различаются следующими гипосемами: ‘positive emotions’, ‘negative emotions’, ‘any emotions’.

Подгруппу (11) составляют лексемы whoop, yelp: Glass **whooped** with glee /I. McEwan/; He jumped in the air and **yelped** with delight /L. Carroll/; подгруппу (12) составляют лексемы roar⁵, scream¹, screech¹, shriek¹, squall, squeal¹: She **was squalling** with every step she made /J. London/; подгруппу (13) составляют лексемы bawl¹, cry¹, squeak², yell¹: We could hear Nancy singing and **yelling** /W. Faulkner/.

Глагольные лексемы, обозначающие смех, на основании семантического признака «характер смеха» делятся на три лексико-семантические подгруппы: (14) глагольные лексемы, обозначающие веселый, доброжелательный смех; (15) глагольные лексемы, обозначающие насмешливый, злорадный смех; (16) глагольные лексемы, обозначающие истеричный смех. Данные эквонимы, содержащие в интенционале своих значений гиперсему ‘to utter sounds accompanied by movements of the face and body expressing feelings’, различаются следующими гипосемами: ‘merry, hearty laugh’, ‘sardonic (ironical, derisive and mocking) laugh’, ‘hysterical laugh’.

Подгруппу (14) составляют лексемы bubble³, chuckle¹, gurgle³, laugh¹, squeak³, squeal³: He **laughed** delightedly /J. Steinbeck/; подгруппу (15) составляют лексемы chuckle², giggle, snigger, titter: The old gentleman **chuckled** as though congratulating himself on the success of some peculiarity ingenious stroke of policy /A. Huxley/; Groups of both sexes gossiped and **giggled** by café doors /A. Gray/; подгруппу (16)

составляют лексемы *roar*⁷, *scream*⁶, *screach*⁶, *shriek*⁶: *She staggered and **screech**ed with laughter* /W. Golding/.

Глагольные лексемы, обозначающие плач, на основании семантического признака «характер плача» делятся на три лексико-семантические подгруппы: (17) глагольные лексемы, обозначающие судорожный плач; (18) глагольные лексемы, обозначающие протяжный плач; (19) глагольные лексемы, обозначающие как судорожный, так и протяжный плач. Данные эквонимы, содержащиеся в интенционале своих значений гиперсему ‘to utter inarticulate accompanied by tears’, различаются следующими гипосемами: ‘convulsive catching of the breath’, ‘a prolonged, mournful cry’, ‘any cry’.

Подгруппу (17) составляют лексемы *sob*¹, *whimper*¹: *Alison **sob**bed aloud* /I. Murdoch/; *The driver **was whimper**ing and refused food and drink* /B. Aldiss/; подгруппу (18) составляют лексемы *howl*¹, *wail*¹, *whine*¹: *The women **wail**ed in the forest way, lifting their bellies and dropping them heavily again* /V.S. Naipaul/; подгруппу (19) составляют лексемы *bawl*², *cry*², *weep*: *O’Villan **cried** like a baby* /J. London/; *They **wept** and hugged, hugged and **wept*** /E. Jong/.

Рассматривая гипонимию как парадигматическое отношение между включенным и включающим ЛСВ (или в терминологии Д. Лайонза *субординативной* и *суперординативной* лексемами [12], представим пары глагольных лексем, значения которых находятся в отношениях внешней гипонимии.

В области, очерчиваемой гиперонимом «плач», выявились две глагольные пары, в которых наряду с общим семантическим содержанием ‘to cry to manifest strong feelings by shedding tears’ содержится дополнительный признак ‘convulsive catching of the breath’: *cry*²::*sob*¹; *weep*::*sob*¹. Еще четыре пары лексем с общим родовым значением ‘to manifest grief by shedding tears’ различаются признаком видового значения ‘a prolonged cry’: *weep*::*wail*¹; *cry*²::*howl*¹; *cry*²::*whine*¹; *cry*²::*wail*¹.

В области, очерчиваемой гиперонимом «смех», выявились три глагольные пары, в которых наряду с общим семантическим содержанием ‘to express merriment, amusement, nervousness, etc with a vocal outburst of chuckling noise’ содержится дополнительный признак ‘uncontrolled hysteria’: *laugh*¹::*shriek*⁶; *laugh*¹::*scream*⁶; *laugh*¹::*screach*⁶.

В области, очерчиваемой гиперонимом «крик», выявилось шесть глагольных пар, в которых наряду с общим семантическим содержанием ‘to make loud sounds with the voice, under the influence of emotions’ содержится дополнительный признак ‘shrill/piercing voice’: cry1::scream1; cry1::screech1; cry1::shriek1; cry1::squall; cry1::squeal1; cry1::squeak2.

В двух парах cry1::bawl1; cry1::roar5 наряду с общим семантическим содержанием ‘to cry out loudly under the influence of emotions’ содержится дополнительный признак ‘in a rough, hoarse voice’. В случае пары лексем cry1 и whoop имеет место включение видового значения «радостный крик» в родовое значение «издавать крик».

Разные ЛСВ одной лексемы могут находиться в гипонимическом отношении с ЛСВ других лексем в пределах данной гипонимической структуры. Так, ЛСВ cry1 /’to make (usu. loud) sounds that express feelings (e.g. pain, fear) but not ideas, thoughts’/ [13] находится в гипонимическом отношении со значением лексемы shout /’to cry out in a loud voice’/ [13], в то время как ее другой ЛСВ cry2 /’(of persons) weep; shed tears (with or without sounds)’/ [13] находится в гипонимическом отношении с ЛСВ weep.

Приведем еще ряд примеров взаимодействия гипонимических связей между ЛСВ глаголов со значением непроизвольной звуковой реакции человека. ЛСВ roar5 /’to cry out with a full, very loud, continued sound as in distress or anger, as a person in pain’/ [14] находится в гипонимическом отношении со значением лексемы cry1 (см. выше); другой ЛСВ той же лексемы roar7 /’to laugh loudly, exuberantly, or boisterously’/ [14] является гипонимом laugh2 /’to cause oneself to become boisterous by laughing’/ [14].

ЛСВ whine1 /’to make a long complaining cry, usu. expressive of pain or distress’ [14] находится в гипонимическом отношении с ЛСВ weep /’to cry to manifest grief or other strong feeling by shedding tears’/, а ЛСВ whine2 /’to complain (too much) in an unnecessary sad voice usu. about something unimportant’/ [14] является гипонимом complain. Сюда же можно отнести лексемы scream, shriek, chatter, разные ЛСВ которых находятся в отношении внешней гипонимии с ЛСВ других лексем: scream1 – shout; scream4-laugh1; shriek1-shout; shriek3-laugh2; chatter3-clatter1. ЛСВ chuckle1, bubble3 и gurgle3 находится в гипонимическом отношении с laugh1.

Итак, гипонимическое поле глагольных лексем со значением произвольной звуковой реакции человека имеет четырехъярусную структуру.

Установленные в результате компонентного анализа исследованных глагольных значений гипонимические семантические отношения между ЛСВ позволили выявить 18 глагольных пар в отношениях внешней гипонимии.

В семантике исследованных лексем отмечается сложное взаимодействие их гипонимических связей со всей гипонимической структурой, членами которой они выступают.

В настоящее время любое исследование гипонимии как одного из видов семантических отношений между единицами лексико-семантической системы языка (ввиду ослабленного интереса лингвистов к данной проблематике) в рамках лексической семантики представляется весьма актуальным и значимым как в практическом, так и в теоретическом планах.

На современном этапе развития зарубежной лингвистики структурный подход при проведении компонентного анализа глагольных значений предполагает рассматривать их как *n*-местные предикаты [15], [16], [17]. Репрезентация смысла лексем в виде иерархической структуры отражает синтаксическую структуру пропозиционального содержания предложений.

Библиографический список

1. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3-12.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высш. школа, 1987. 272с.
3. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1983. 127 с.
4. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. XIV. С. 23-60.
5. Bendix E.H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese // Journal of American Linguistics, 1966. Vol. 32. № 2, pt 2, pp. 1-190.
6. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 105-113.

7. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1986. 120 с.

8. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 195 с.

9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1988. 168 с.

10. Найда Ю. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. XIV. С. 61-74.

11. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 204 с.

12. Lyons J. Semantics. London, 1978. Vol. 1. P. 295.

13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English // A.S. Hornby with the assistance of A.P. Cowie. Oxford: OUP, 1980. Vol. 1. 509 p.

14. New Webster's Dictionary of the English Language: College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1989. 1824 p.

15. Lyons J. Linguistic Semantics: an Introduction. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 376 p.

16. Massam D. Null Objects and Non-Thematic Subjects // Journal of Linguistics. Cambridge University Press. 1992. Vol. 28. No. 1, pp. 115-137.

17. New Trends in Semantics and Lexicography: Proc. of the Intern. Conf. At Kazimierz /ed. H. Kardela and G. Persson. Umez: Swed. Science Press. 1995. 231p.

Сведения об авторе

Градская Татьяна Вячеславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: tvgrad@rambler.ru

УДК 811.111'37:81'367

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОСТИ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА

Р.А. Иванова

*Государственный университет – Высшая школа экономики,
Нижегородский филиал, Нижний Новгород*

Статья посвящена проблеме реализации логико-семантической категории делиберативности на уровне смысловой структуры предложения посредством лексико-грамматических индексов. Лексико-грамматические индексы эксплицируются глаголами со значением делиберативности. Языковые средства реализации исследуемой категории анализируются на материале сакрального текста, представляющего собой особую форму речетворчества.

Ключевые слова: логико-семантическая категория делиберативности, смысловая структура предложения, лексико-грамматические индексы, сакральный текст.

Logic-semantic Category of Deliberativity as a Hermeneutic Feature of the Sacral Text Rimma Ivanova

The article deals with the realization of deliberativity as a logic-semantic category in the semantic structure of the sentence by means of lexico-grammatical indexes. Lexico-grammatical indexes are explicated by the verbs, referring to the sense-group “verba dicendi”. Means of language realizing this category are studied on the material of the sacral text which can be considered as a specific form of creative writing.

Key words: logic-semantic category of deliberativity, the semantic structure of the sentence, lexico-grammatical indexes, the sacral text.

Любое суждение опирается на определенный тип логических отношений, являющихся отражением «положения дел», «фактов», «предметных отношений». В системе языка логический критерий определяет потенциальную возможность (способность) языковых средств воспроизводить мысль, так как, с одной стороны, различие смысловых отношений возможно только на основе логического мышления, отражающего предметы и отношения реального мира, а, с другой стороны, логика лежит в основе реальной практической и языковой коммуникации. Логические операции интерпретируются через детерминированные понятия, формулируемые с помощью средств языка, преобразуются в соответствии с нормами мышления и

согласно грамматическому оформлению в концептуальные структуры, и, прежде всего, в структуру смысла.

Поскольку логике всегда была присуща организация рационального сознания, представляется возможным и интересным проанализировать структуру и функциональные особенности языковых единиц на основе универсальных категорий логики.

Логическую структуру предложения можно исследовать путем установления лексико-семантического наполнения предиката. Предикат – особая сущность языка, типизирующая язык не в форме слов языка, а в форме структурных схем предложения [1]. Именно предикат выступает как логический код к прочтению всей смысловой структуры любой синтаксической единицы.

Логико-лингвистический концепт характеризуется спецификой наполнения семантического логического предиката, который структурируется на основе выделения логического критерия. «Суть предиката состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности и их отношений друг к другу. В области предикатов дифференцируются значения, шлифуется система понятий» [2].

В ходе исследования, выполненного на материале англоязычного текста Евангелия от Матфея, цель которого состояла в установлении и типологизации основных типов встречающихся в исследуемом тексте предикатов, удалось выделить 10 основных логико-семантических типов: (1) бытийный, (2) акциональный, (3) делиберативный, (4) перцептивный, (5) свойства, (6) состояния, (7) локативный, (8) темпоральный, (9) идентифицирующий, (10) классифицирующий.

Соответствующий тип логического предиката репрезентируется различными лексико-грамматическими индексами (ЛГИ) [3], в состав которых входят различные компоненты, но главной синтаксической категорией, репрезентирующей предикат, является глагол, который не используется вне предиката [4].

Рамки статьи не позволяют изложить детально результаты анализа каждого из логико-семантических типов предиката, поэтому целесообразно, на наш взгляд, ограничиться рассмотрением делиберативного типа как одного из наиболее широко представленных в ряду перечисленных выше.

Данный тип логического предиката репрезентирует один из типов речевого акта – иллокутивный, поскольку предложение представляет собой коммуникативную единицу, тесно связанную с теорией речевых актов, конвертирующих прагматический аспект высказывания [5]; [6]; [7]; [8].

Следует отметить, что евангелический текст понимается нами как особый вид специального текста, репрезентирующий религиозный свод жизненных правил, заповедей Иисуса Христа, выступающего в роли Наставника, Учителя, Советчика, Увещателя. Тем самым Сын Человеческий с помощью слов пытается оказывать влияние на поведение слушающих его, и, следовательно, с точки зрения лингвистики, его речь можно рассматривать как исполнение иллокутивной функции, так как эта функция присуща любому высказыванию и понимается как выражение коммуникативной интенции и речевого действия. Одновременно всякое высказывание является еще и перформативом, так как оно тождественно действию [9].

В связи с тем, что делиберативный предикат, как сказано выше, реализует иллокутивный акт, и с учетом того, что речевая деятельность представляет собой трихотомию «продуцент – речевой акт – реципиент», структура находит свое выражение в следующей дистрибутивной формуле: Deliberative – Predicate – Object – Addressee.

В данной формуле *deliberative* – это говорящее лицо, представляющее собой в структуре левый аргумент, содержащий сему антропонимичности, поскольку речь может быть свойственна только живому существу; *object* – это предмет речи, который может быть одушевленным или неодушевленным; *addressee* – партнер говорящего: *And he called His name Jesus (Mtt., 1: 25); And going on from there, He saw another two brothers, James the son of Zebedee and John his brother, in the boat with Zebedee their father, mending their nets; and He called them (Mtt., 4: 21).*

Глаголы, актуализирующие исходный тип предиката, обычно поливалентны. Исследование позволило выявить в структуре высказываний двух- и трехвалентные глаголы:

а) предложения с предикатом, представленным двухвалентным глаголом: *And Jesus said unto the centurion, Go thy way; and as thou hast believed, so be it done unto thee. And his servant was healed in the*

selfsame hour (Mtt., 8: 13); *But they went out and spread reports about Him in all that land* (Mtt., 9: 31);

б) предложения с предикатом, представленным трехвалентным глаголом: *This man came to Pilate and asked for the body of Jesus* (Mtt., 27: 58); *While he spake these things unto them, behold, there came a certain ruler, and worshipped him, saying, My daughter is even now dead: but come and lay thy hand upon her, and she shall live* (Mtt., 9: 1).

Как отмечает Л.М. Васильев, «в основе тождества всех классов, конституирующих поле речи, лежит семантический множитель «речь». Функции его в составе семем данного поля различны: в одних случаях он указывает на речь как самостоятельный процесс порождения языковых знаков (*произносить, бормотать, тараторить*), в других – как на орудие осуществления каких-либо иных процессов и действий (*высказываться, разговаривать*)» [10]; [11].

Как показывает исследование, в тексте Нового завета наиболее типичной синтаксической особенностью глаголов речи является их употребление в конструкциях с прямой речью: *And Jesus saith unto him, See thou tell no man; but go thy way, shew thyself to the priest, and offer the gift that Moses commanded, for a testimony unto them* (Mtt., 8: 4).

В отличие от многих других типов предложением структурам с делиберативным предикатом свойственна сема комментабельности. Для сакрального типа текста данный признак не является характерным, так как основной задачей евангельского текста признается передача слов Иисуса Христа, выражение его идей таким образом и в такой форме, которая позволила бы избежать искажения содержания его высказываний и сохранить (сформировать) у реципиента ощущение сопричастности происходящему (эффект личного присутствия).

Наряду с семой информативности, точнее перформативности, данный тип предикат облигаторно манифестирует и сему акциональности, поскольку проповедь всегда предполагает некое поствербальное действие.

Многими лингвистами неоднократно предпринимались попытки дать классификацию типов значений перформативных высказываний [12]; [13]. В нашем исследовании за основу принимается типология локутивных актов перформативного содержания, предложенная

Д. Вундерлихом [14]. Его классификация наиболее полно отражает коммуникативно-прагматический аспект высказывания.

Согласно Д. Вундерлиху, делиберативному предикату свойственны следующие семантические признаки.

1. Директив (побуждение, просьба, указание, распоряжение).

And when they were departed, behold, the angel of the Lord appeareth to Joseph in a dream, saying, Arise, and take the young child and his mother, and flee into Egypt, and be thou there until I bring thee word: for Herod will seek the young child to destroy him (Mtt., 2: 13).

Then Joseph her husband, being a just man, and not willing to make her a publick example, was minded to put her away privily (Mtt., 1: 19).

2. Комиссив (обещание, объявление угрозы).

Then Herod, when he saw that he was mocked of the wise men, was exceeding wroth, and sent forth, and slew all the children that were in Bethlehem, and in all the coasts thereof, from two years old and under, according to the time which he had diligently inquired of the wise men (Mtt., 2: 16).

Whosoever therefore shall break one of these least commandments, and shall teach men so, he shall be called the least in the kingdom of heaven: but whosoever shall do and teach them, the same shall be called great in the kingdom of heaven (Mtt., 5: 19).

3. Эротический тип (quaestio erotica).

Then Herod, when he had privily called the wise men, inquired of them diligently what time the star appeared (Mtt., 2: 7).

4. Репрезентатив (утверждение, описание, констатация, объяснение, заверение):

But when he heard that Archelaus did reign in Judaea in the room of his father Herod, he was afraid to go thither: notwithstanding, being warned of God in a dream, he turned aside into the parts of Galilee (Mtt., 2: 22).

5. Сатисфактив (извинение, благодарность, ответ, обоснование, оправдание).

And then will I profess unto them, I never knew you: depart from me, ye that work iniquity (Mtt., 7: 23).

6. Ретрактив (заявление о невозможности выполнить обещание, уточнение о ранее сделанном утверждении, разрушении).

But he answered and said, It is written, Man shall not live by bread alone, but by every word that proceedeth out of the mouth of God (Mtt., 4: 4).

Jesus said unto him, It is written again, Thou shalt not tempt the Lord thy God (Mtt., 4: 7).

7. Декларация (называние, определение, назначение, приговор).

And think not to say within yourselves, We have Abraham to our father: for I say unto you, that God is able of these stones to raise up children unto Abraham (Mtt., 3: 9).

8. Вокатив (обращение, вызов, зов).

In those days came John the Baptist, preaching in the wilderness of Judaea (Mtt., 2: 6)

And saying, Repent ye: for the kingdom of heaven is at hand (Mtt., 2: 18).

В реализации этого типа предиката принимают участие ЛГИ, к которым относятся глаголы говорения (*verba dicendi*). Гиперонимом этой группы ЛГИ является глагол *say*.

При более подробном рассмотрении ЛГИ классифицируются следующим образом.

1. Глаголы с наиболее общим значением говорения: *say, speak, talk, tell*.

2. Глаголы, обозначающие различные виды речевой деятельности: *reproach, upbraid, compliment, praise, promise, repeat, keep silence*.

3. Глаголы обсуждения: *discuss, debate, talk over*.

4. Глаголы со значением объяснения: *explain, account, clear up*.

5. Глаголы со значением «заметить»: *remark, notice, observe, sight*.

6. Глаголы волеизъявления: *entreat, beg, implore, supplicate*.

7. Глаголы вопроса: *inquire, want to know*.

8. Глаголы ответа, возражения: *deny, disclaim, refute, negate*.

9. Глаголы со значением сообщения: *report, let know, advise*.

10. Глаголы со значением «кричать»: *cry, shout, scream, yell*.

11. Глаголы со значением неясного говорения: *mutter, mumble*.

12. Глаголы со значением «шептать»: *whisper*.

13. Глаголы со значением «болтать»: *chatter, natter, gabble, prattle*.

Ведущей архисемой всех ЛГИ, вышеперечисленных в рамках этого подтипа, является сема говорения. При этом главное в значении этих ЛГИ – достижение результата, воздействия на эмитента, установление вневременных качественных отношений между объектами реальной действительности, а не конкретизация процесса коммуникации.

Необходимо отметить, что сема делиберативности свойственна не только данному подтипу предиката, но является ведущей для всего корпуса сакрального текста и рассматривается как особый герменевтический признак указанного типа текста, поскольку слова «Евангелие» или «Благовестие» (как синоним) нередко являются составной частью различных словосочетаний. Например, в Новом Завете встречаются такие словосочетания, как «the gospel of the kingdom» (Mtt., 4: 23), «the gospel of the kingdom of God» (Mk., 1: 14), то есть радостная весть, рассказывающая о Царстве Божиим, «the gospel of Christ» (Rom., 1: 16), весть о Христе, «the gospel of peace» (Eph., 6: 15), то есть радостная весть о мире, «the Glorious gospel», «the everlasting gospel», «the gospel of salvation» (Eph., 1: 13), то есть благая весть, «the gospel of the grace of God», то есть радостная весть о благодати Божьей (Acts., 20: 24).

Таким образом, текст Нового Завета является для верующих средством молитвы, хвалы и благовестия, то есть можно говорить о доминирующей делиберативной семантике текста, которая находит свое внешнее выражение в специфическом наборе языковых средств, актуализирующих значение говорения.

Язык Евангелия является для верующих средством:

1) молитвы: «*Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven. Give us this day our daily bread. And forgive us our debts, as we forgive our debtors And lead us not into temptation, but deliver us from evil: For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever. Amen*» (Mtt., 6: 9–13);

2) хвалы: «*At that time Jesus answered and said I thank thee, O Father, Lord of heaven and earth, because thou hast hid these things from the wise and prudent, and hast revealed them unto babes*» (Mtt., 11: 25);

3) благовестия: «*And Jesus went about all Galilee, teaching in their synagogues, and preaching the gospel of the kingdom, and healing all*

manner of sickness and all manner of disease among the people» (Mtt., 4: 23).

Новый Завет представляет собой повествование, которое включает, с одной стороны, метафизические размышления, в которых события прошлого и настоящего осмысляются в категориях сакрального мира; с другой стороны, Новый завет можно рассматривать как литературное произведение, утрачивающее по мере углубления в этот текст известный динамизм, свойственный художественному произведению, и приобретающее черты проповеди.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Современные связи лингвистики и логики // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 312.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М: Наука, 1976. С. 131.
3. Иванова Р.А. Лексико-грамматические индексы в сложноподчиненном предложении (на материале современного немецкого языка). Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. С. 46.
4. Мещанинов И.И. Типология структуры предложения // Вопросы общего языкознания. Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Л., 1967. С. 134.
5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: ЛГУ, 1977.
6. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
7. Dijk Teun A. van. Some Aspects of Text Grammars. A Study in Theoretical Linguistics and Poetics // *Ianua Linguarum, Series Major*, 63. The Hague/Paris, 1972.
8. Wunderlich D. *Pragmatik und sprachliche Handeln*. Frankfurt/M, 1972.
9. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и к речи. М.: МГУ, 1976. С. 208.
10. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 29.
11. Васильев Л.М. Семантические модели предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1976. С. 122-128.
12. Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула: Тульский ГПИ, 1973. С. 8.

13. Searle J.R. *Speech Acts*. Cambridge, 1969. P. 14.
14. Wunderlich D. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt, 1978. S. 77-101.

Сведения об авторе

Иванова Римма Анваровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков ГУ-ВШЭ
E-mail: holzmann2009@yandex.ru

УДК 811.111'37:81'42

ЭКСПЛИКАЦИОННЫЕ И ИМПЛИКАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н.Д. Ионова

Тверской государственный университет, Тверь

В статье анализируется, как через интерпретацию экспликационных и импликационных тенденций построения презентации прямой речи реализуется установка на воссоздание мета-смысла текста. Анализируется смыслообразующий потенциал текстовых метасредств при создании коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: экспликационность, импликационность, смыслообразование, коммуникативная ситуация, презентация прямой речи.

Explicit and Implicit Tendencies in Presenting Direct Speech in Fiction

Nadezhda Ionova

In this article the author analyses the process of reconstructing a text's metameaning through interpretation of explicit and implicit tendencies in its presentation of direct speech and looks at the meaning-building potential of these metameanings in a communicative situation.

Key words: explicitness, implicitness, sense construction, communicative situation, presentation of direct speech.

Художественный мир произведения кажется зеркальным отражением мира реального, но для рефлектирующего читателя это отображение становится действительно многогранным. Одними из важнейших метасредств пробуждения рефлексии в художественном тексте являются экспликационная/импликационная тенденции текстопостроения. На значимость данных тенденций указывали: И.В. Арнольд, Г.И. Богин, И.Р. Гальперин, И.М. Гусейнова, К.А. Долинин, О.Л. Каменская, М.М. Коровкин, М.В. Оборина, П.В. Пихновский, Ю.М. Скребнев и др.

В лингвистических исследованиях экстенционал приравнивается к «значению» / «денотату», таким образом отражая «объём понятия» и являясь областью проникновения в содержательную сторону языковых знаков. Интенционал определяется как «сигнификат» / «смысл», отражающий «содержание понятия», где опредмечено

понимание ситуации [1. С. 30, 43, 46, 73]; [2. С. 129]; [3. С. 444]; [4. С.82].

Понятия «экстенциональность» и «интенциональность» являются важными средствами пробуждения рефлексии в текстах художественной литературы, а значит, и в презентации прямой речи (ППР) как важном элементе композиционной структуры произведения.

ППР – это сложное сюжетно-композиционное текстовое образование, в котором фиксируются ключевые элементы коммуникативной ситуации через языковые средства, отражающие особенности вербального и невербального поведения коммуникантов, несущие конкретную предметную, культурологическую и смысловую нагрузку. ППР играет значительную роль в построении мира произведения, т.к. является средством создания мизансцены коммуникации, передаёт портретную характеристику персонажей, указывая на характер их взаимоотношений.

Смыслообразующий потенциал конструкций, вводящих прямую речь, возможен в силу того, что в художественном тексте всегда имеет место «отклонение» в сторону экспликационности, либо импликационности, где экстенционал есть установка на понятийную конституцию смысла, а интенционал – на смысл ситуативной глубины конституции [5. С. 79]. При этом вся система вербальных и невербальных смыслонесущих средств способствует сужению или расширению интерпретационных возможностей в ППР.

Согласно исследованию М.В. Обориной, дихотомия экспликационной либо импликационной тенденций текстопостроения может использоваться как универсальный инструмент интерпретации художественных текстов [6]. Автор определяет экспликационность как тенденцию «к разворачиванию и смыканию смыслового пространства» [5. С. 199], а импликационность как тенденцию «к его размыканию и сворачиванию» [5. С. 199]. Таким образом, при экспликационной тенденции текстопостроения формируются развёрнутые и замкнутые структуры, в то время как при импликационной тенденции структуры разомкнутые и свёрнутые.

При этом необходимо подчеркнуть, что сам по себе текст вне контакта с адресантом или адресатом никакого смысла не содержит. В тексте, как таковом, нет идеального содержания, оно может быть лишь в голове читающего. Обладателем смысла является не текст, а

субъект. Таким образом, можно сделать вывод, что смысл существует потенциально, тогда как актуально он возникает лишь при реализации механизма понимания.

Исходя из вышеизложенного, видно, что содержание сообщения обуславливается не только внешними факторами, но и факторами внутренними, относящимися к сфере личности адресанта. Именно говорящий со своим собственным взглядом на объективную действительность создает «некоторый субъективный момент, накладывающийся на объективную фактическую информацию о процессах и предметах» [7. С. 123].

Из этого следует, что рефлексия над языковыми средствами, входящими в состав ППР, открывает возможность проникновения в субъективность сознания продуцента, так как «при создании смысла сознание не может быть свободно от установки, которая опредмечивается в создаваемом им тексте. Она, в частности, позволяет усмотреть цель действия продуцента, каковая и является причиной того, что он понимает так или иначе» [6. С. 83].

Таким образом, «в рефлексии сначала отправителя, а затем получателя сообщения возникает интенция (которая, соответственно, предстаёт как метасмысл), поскольку интенция и есть опредмеченная в тексте цель действия продуцента текста» [6. С. 83].

Экспликационность в художественном тексте мы встречаем, когда автор использует прямую номинацию для описания художественной реальности. Так, в рассказе А.П. Чехова «Каштанка» мы находим описание эмоционального состояния персонажа через развёрнутую и замкнутую структуру прилагательных: *Тетка, отлично изучившая во время уроков его лицо и интонацию, догадалась, что он был взволнован, озабочен и, кажется, сердит. Немного погодя, он вернулся и сказал: «Сегодня я возьму с собой Тетку и Федора Тимофеича. В египетской пирамиде ты, Тетка, заменишь сегодня покойного Ивана Ивановича. Черт знает что! Ничего не готово, не выучено, репетиций было мало! Осрамимся, провалимся!»* [8. С. 242].

Рассмотрим экспликационную тенденцию с точки зрения содержательности текста, на примере произведения Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (Wilde «The Picture of Dorian Grey»). Автор прибегает к средствам эксплицитного указания на временные характеристики ситуации для описания творческого процесса работы

художника над картиной: *After about a quarter of an hour Hallward stopped painting, looked for a long time at Dorian Gray, and then for a long time at the picture, biting the end of one of his huge brushes and frowning. "It is quite finished," he cried at last, and stooping down he wrote his name in long vermilion letters on the left-hand corner of the canvas.* [9].

Помимо прямого указания на то, сколько времени прошло, что подчеркивает медлительность художника, Оскар Уайльд также замедляет ход повествования через подробное описание последовательности его действий: Холлворд остановился, долго смотрел на Дориана, на картину, покусывал кончик кисти, хмурился, подписал своё имя длинными буквами. Монотонность и детальность повествования передаёт наслаждение, с которым художник работает над своим произведением, как он поглощен своей работой и восхищается ей. Экспликационная тенденция с точки зрения её смыслообразующей функции, даёт возможность читателю уловить мимолётность времени, становящейся такой ценной, когда творит гений.

Как мы видим, экспликационность – это параллельная презентация содержательных единиц [10. С. 11]. В то время как «импликационная тенденция представляет собой отдельность презентации содержательных единиц (“сказано” одно, “показано” другое, “категорировано” третье)» [10. С. 12].

Рассмотрим импликационную тенденцию с точки зрения её смыслообразующего потенциала на следующем примере: *"No, she will never come to life. She has played her last part. But you must think of that lonely death in the tawdry dressing-room simply as a strange lurid fragment from some Jacobean tragedy, as a wonderful scene from Webster, or Ford, or Cyril Tourneur. . <...> There was a silence. The evening darkened in the room. Noiselessly, and with silver feet, the shadows crept in from the garden. The colours faded wearily out of things. After some time Dorian Gray looked up. "You have explained me to myself, Harry," he murmured with something of a sigh of relief. "I felt all that you have said, but somehow I was afraid of it, and I could not express it to myself. How well you know me! ..."* [9].

Время размышления Дориана описано метафорически: как сумрак окутал комнату, так равнодушие, безжалостность и чёрствость овладели сердцем юноши. Вползающие тени – это бездушные речи

лорда Генри, которые проникают в голову Дориана. Выцветание красок – это выцветание истинной красоты, красоты души Дориана Грея.

О наличии импликационного содержания в ППР сигнализируют различные языковые средства, отражающие особенности как вербального, так и невербального поведения коммуникантов. Восстановление скрытых смыслов происходит за счёт фоновых знаний, разного рода контекстов, пресуппозиций, прецедентных феноменов с комплексом вызываемых ими ассоциаций. С этим связана и неоднозначность восстановления «скрытого» смысла, потому что он зависит от жизненного опыта, знаний реципиента, референтного пространства, параметров данной коммуникативной ситуации, а также установки на понимание.

Как мы видим, средства текстопостроения – это не просто знаки. «Это – способы существования смыслов в человеке» [1. С. 80]. В ППР этими формами выступают жесты, взгляд, мимика и др. В силу их социальной значимости, т.е. освоенности всем человеческим социумом, они способны провоцировать усмотрение идейного содержания. Так, указание направления взгляда персонажа на часы может означать, что герой опаздывает, у него заканчивается терпение или он ждёт кого-то. В следующем примере не только направление взгляда оказывается смыслообразующим компонентом, но и описание самих часов предоставляет нам детальный психологический портрет хозяйки дома: *He was rather sorry he had come, till Lady Narborough, looking at the great ormolu gilt clock that sprawled in gaudy curves on the mauve-draped mantelshelf, exclaimed: "How horrid of Henry Wotton to be so late! I sent round to him this morning on chance and he promised faithfully not to disappoint me."* [9].

Дается описание часов в ППР, и мы уже многое можем сказать об их владельце – леди Нарборо. Показное величие, публичность жизни светской львицы считываются при взгляде на огромные часы – не золотые, а позолоченные. Розовато-лиловый цвет драпировки каминной полки, ассоциируемый с нежностью и чистотой, не гармонирует с кричащим узором самих часов, что говорит об отсутствии вкуса у хозяйки дома. Как стрелки неумолимо отбивают ход времени в вычурной «скорлупе» огромных часов, так и настоящая жизнь утекает, и не видно её в напускном величии и безвкусице светских вечеров.

Рассмотрим ещё один пример, где элементы художественной реальности, описанные в ППР, выступают полноценными смыслообразующими средствами, образуя разомкнутые и свёрнутые структуры имплицитности. *Под ногами гуляющих трещал гравий. Оркестр с небольшими перерывами исполнял Штрауса, Брамса и Грига. Светлая толпа, лепеча, катилась мимо старого предводителя и возвращалась вспять. Тень Лермонтова незримо витала над гражданами, вкушавшими мацони на веранде буфета. Пахло одеколоном и нарзанными газами. «Подайте бывшему члену Государственной думы», – бормотал предводитель [11].*

Аллюзия на великих композиторов, на гениального поэта, которые стали свидетелями унижения Ипполита Матвеевича, усугубляют трагичность жалкого состояния Кисы. Кажется, все ощущения Воробьянинова обострились: он слышит не только музыкантов, но и лепет прохожих, шорох гравия; его обоняние просто удивительно: он улавливает все ароматы и одеколона, и мацони, и даже нарзана. Только зрение его не обострено: все гуляющие слились в одно целое,двигающееся туда и сюда. Это имплицитное указание на то, что от позора Ипполит Матвеевич не в силах поднять глаз.

В следующем примере импликационная тенденция реализуется через отношение персонажа к цветам и их ароматам и является значимой для раскрытия его внутреннего мира. Человек, который наслаждается ароматом цветов, легко смотрит на жизнь – это романтик полный искренних чувств, готовый познавать мир и открытый людям: *Lord Henry went out to the garden and found Dorian Gray burying his face in the great cool lilac-blossoms, feverishly drinking in their perfume as if it had been wine. He came close to him and put his hand upon his shoulder. "You are quite right to do that," he murmured. "Nothing can cure the soul but the senses, just as nothing can cure the senses but the soul."* [9].

Так же как сирень – символ великолепия, красоты и возрождения, прекрасен и Дориан в это мгновенье, когда он упивается ароматом цветов, как вином. Молодой человек полон искренних чувств, он готов познавать мир и наслаждаться им.

Со временем приобретённая не без помощи лорда Генри озлобленность и внутренняя чёрствость Дориана меняют и его отношение к цветам. Если он и нюхает цветок, то это лишь автоматичный жест, за которым ничего не стоит, но что он делает от

всего сердца, так это мнёт цветок. В данном контексте цветок выступает символом красоты, чистоты и искренности, но это всё Дориан уничтожает собственными руками, так же как убивает Сибил, Бэзила и как губит самого себя:

There was neither real sorrow in it nor real joy. There was simply the passion of the spectator, with perhaps a flicker of triumph in his eyes. He (Dorian) had taken the flower out of his coat, and was smelling it, or pretending to do so.

"What does this mean?" cried Hallward, at last. His own voice sounded shrill and curious in his ears.

"Years ago, when I was a boy," said Dorian Gray, crushing the flower in his hand, "you met me, flattered me, and taught me to be vain of my good looks. [9].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что через интерпретацию экспликационных и импликационных тенденций, реализованных в средствах ППР, происходит установка сознания на воссоздание метасмысла текста и определяется направленность рефлексии при воссоздании данного метасмысла.

Импликационные и экспликационные тенденции при построении ППР способны приводить к экономии языковых средств в силу своей способности дополнять, замещать и предвосхищать речевые высказывания, конкретизируя психоэмоциональные состояния героя, подчеркивая особенности межличностных отношений коммуникантов, внося большой вклад в создание выразительного образа персонажа, описывая ситуацию общения.

Таким образом, мы можем сказать, что процесс создания коммуникативной ситуации в ППР с помощью реализации экспликационных и импликационных тенденций текстопостроения представляет собой процесс создания художественной реальности, в ходе которого возможно более глубокое познание объективно-субъективной действительности.

Сказанное позволяет проиллюстрировать, каким образом понятия «экстенциональность» и «интенциональность» характеризуют установку продуцента на опредмечивание и реципиента на распредмечивание метасмыслов повествования. Смыслообразующий потенциал конструкций, вводящих прямую речь, возможен в силу того, что в художественном тексте всегда имеет место «отклонение» в сторону экспликационности, либо импликационности, где

экстенционал есть установка на понятийную конституцию смысла, а интенционал – на смысл ситуативной глубины конституции. При этом вся система смысловесущих языковых средств способствует разнообразию интерпретационных возможностей ППР.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь, 1993. 137 с.
2. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Система языковая // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 452-454.
3. Булыгина Т.В., Крылов А. Референт // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 410-411.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 352 с.
5. Пихновский П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 136 с.
6. Оборина М.В. Понятие «импликационная и экспликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста: Дис. канд. филол. наук. Тверь, 1993. 215 с.
7. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М: Наука, 1980. 149 с.
8. Чехов А.П. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. 735с.
9. Wilde O. The Picture of Dorian Grey // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/174/pg174.txt>
10. Оборина М.В. Понятие «импликационная и экспликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1993. 18 с.
11. Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: Мысль, 1982. 252с.

Сведения об авторе

Ионова Надежда Дмитриевна
аспирант кафедры английской филологии
Тверского государственного университета
E-mail: ionova_nd@list.ru

УДК 811.111

ЯЗЫК И НОРМА В УСЛОВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ*

А.О. Лалетина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются подходы к определению понятия «языковая норма», проблемы нормирования/ стандартизации языка в условиях глобализации. Рассматривается смена парадигмы в описании языковой нормы, определяются некоторые функции языкового варьирования в контексте языковой нормы.

Ключевые слова: языковая норма, английский язык, глобализация, виртуализация общения.

Language and Norm in the Context of Globalization and Virtualization of Communication

Alexandra Laletina

The paper focuses on approaches to defining 'language norm' and problems of language standardization in the context of globalization. It highlights the shift in the paradigm of language norm description and the functions of language variation.

Key words: language norm, English, globalization, virtualization of communication.

В условиях глобализации, расширения языковых контактов, взаимодействия языков вопросы о языковой норме, о способах и средствах регулирования процессов инноваций в языке, о необходимости создания условий для защиты языка и гарантии его дальнейшего существования приобретают особую значимость.

Разнообразие, разнотипность речи в различных ситуациях общения, среди различных социальных групп говорящих, а также в различных ареалах традиционно определяется как вариантность [1. С.71], при этом варьирование трактуется как «различие в воспроизведении, состоящее в изменении звукового состава или значения структурной единицы языка без утраты ее тождеств» [1. С.72]. На протяжении долгого периода времени именно изучение социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры

---

* Статья подготовлена в ходе выполнения НИР в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2011 гг.

ставилось во главу угла социолингвистики. Накоплен значительный теоретический и эмпирический материал исследования диалектальных, социальных, профессиональных, ситуативных параметров языковой вариантности. Одним из основных направлений в описании инвариантов в языковой системе является оппозиция «норма» - «отклонение от нормы».

Традиционно норма в языкознании понимается как «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентации), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1. С. 270-271]. Нормативное использование языка обладает более высоким социальным статусом («социальным престижем» [2], а отклонение от нормы, в свою очередь, считается менее престижной речью и рассматривается как индикатор принадлежности говорящего к определенной социальной группе. Альтернативная (стилистическая) трактовка понятия «норма» предполагает наличие множества языковых норм. Норма, в данном случае, рассматривается как критерий соответствия используемых языковых единиц ситуации общения [3].

В обоих случаях норма представляет собой некий идеологический конструкт, который отражает представления носителей языка, интуитивные и полученные в процессе социализации, о наиболее эффективных языковых образцах, а также набор достаточно жестких предписаний и запретов. Следование требованиям нормы обеспечивает понимание в процессе коммуникации и положительно оценивается всеми носителями данного языка. Языковая норма «общественно одобряется», что выражается в общественном противостоянии спонтанным языковым новациям [4. С. 244]. Поддержание стабильности литературной нормы является необходимым условием для успешного осуществления социальных интеракций, а функция регулирования и трансляции литературной нормы принадлежала образовательным учреждениям, книгоиздательской промышленности, средствам массовой информации, иногда органам государственной власти. Законодателями нормы, источниками образцового употребления всегда являлась небольшая группа людей, которые, преследовали свои цели в стандартизации языка, например, книгоиздатель Кэкстон [5], или органы государственной власти в СССР и современной России [6].

К другим характеристикам нормативного языка относят: кодифицированность, полифункциональность и постоянную дифференциацию и диверсификацию. Именно способность языка к вариативности, по мнению Т. Неваляйнен, является условием для успешной коммуникации в условиях изменяющегося мира [5. С. 285].

Обе взаимонаправленные тенденции существования литературного языка – поддержание стабильности и стремление к вариативности – наиболее выпукло проявляются в научных дискуссиях относительно статуса английского языка в современном глобализирующемся мире. Интернационализация английского языка, появление его новых разновидностей, их независимое развитие, размывание представления о том, что есть общий английский язык, ставят перед исследователями важный вопрос о языковой норме. Наиболее актуальна проблема языковой стандартизации и нормирования в преподавании английского языка как иностранного. Достаточно полно изучить и описать некий усредненный стандарт (норму) английского языка, который позволил бы успешно общаться носителям разных языков, не представляется возможным. Перед преподавателями и изучающими английский язык открываются две альтернативы: продолжать ориентироваться на урождённых носителей языка, другими словами, изучать один из вариантов английского языка Внутреннего Круга [7], или изучать национальную разновидность английского языка, полагаясь на её понятность для носителей других языков.

Ориентация на стандарт английского языка, на нормы традиционной грамматики если не эксплицируется в данных исследований, то подразумевается. В противном случае возникает вопрос об обоснованности отнесения тех или иных языковых явлений к разряду специфических. Другим методологическим принципом является разграничение между ошибкой, окказиональным отклонением от стандарта, и регулярным употреблением языкового явления. Последовательным представляется классификация, предложенная Т.А. Иванковой, которая различает ошибки, девиации и инновации. Ошибки трактуются как «нестандартные языковые явления» в устной речи, вызванные психолингвистическими причинами и внутриязыковой интерференцией. Национально и культурно специфичные языковые черты письменной речи, которые не имеют коммуникативной значимости, имеют статус девиаций.

Закрепленные в использовании «авторитетных источников» нестандартные языковые явления приобретают черты инновации [8. С. 18-19].

Рассматривая дальнейшие пути развития английского языка, Д. Кристал утверждает, что изучающие язык будут непременно ориентироваться на нормы урождённых носителей языка [9]. Стилистическая модель международного разговорного варианта английского языка (World Standard Spoken English (WSSE)) – официально-деловой субъязык, характеризующийся четким произношением, следованием правилам традиционной грамматики и использованием общелитературной лексики.

Современные технологии коммуникации, позволяющие одновременно множеству пользователей сети Интернет общаться друг с другом, продуцировать тексты, а также иметь доступ к множеству текстов, дискурсивных практик, делают невозможным установить языковую норму прескриптивным образом. Пользователи с различным культурным, образовательным и профессиональным багажом, с различными наборами демографических показателей одновременно воспроизводят все существующие инварианты языковых образцов. Процесс стандартизации/нормирования становится всё более дескриптивным и благодаря современным технологиям статистического анализа позволяет с более или менее точной степенью уверенности говорить о более частотных или менее частотных языковых образцах (произношение, выбор грамматических категорий, семантические признаки языковой единицы и пр.). Описательный характер современной лингвистики наиболее ярко прослеживается на примере грамматических справочников и орфоэпических словарей английского языка. Произносительный словарь, изданный под редакцией Дж. Уэллса, не только приводит британский и американский варианты произношения, но и перечисляет социальные варианты произношения, полученные путем опроса носителей языка различного возраста [10].

Язык (отклонение от общепринятого произношения или написания слова) в таких условиях становится все более важным средством индексации идеологической позиции или требованиями стилистической нормы. Так, например, исследование Холл-Лью, Коппок и Старр [11] выявило зависимость между фонологическими переменными и идеологической позицией говорящего. Политический

консерватизм партии республиканцев выражается не только в политической платформе партии, но и в тенденции произносить вторую гласную в слове Ирак (Iraq) как /á/, в то время как представители демократов склонны индексировать свой политический либерализм, произнося гласную как /a:/. Искажение традиционной орфографии слов в компьютерно-опосредованном общении является характерной чертой данной коммуникативной практики [12].

Помимо языковых норм, в условиях активно развивающегося международного сотрудничества особого внимания заслуживают коммуникативные нормы или нормы вежливости, обеспечивающие благоприятный эмоциональный фон общения. Расширение международных контактов в различных сферах жизни и деятельности побуждает сотрудничающие стороны искать наиболее эффективное средство коммуникации, которым зачастую становится английский язык. Однако, несмотря на общность языка и отсутствие необходимости в переводчике, коммуниканты ведут себя в соответствии с прагматическими правилами родного языка и своей культуры [13]; [14]. Более того, в различных территориальных вариантах английского языка некоторые языковые единицы и формулы вежливости приобретают новые (свойственные данному языковому сообществу и его культуре) значения, незнание которых говорящими, использующими другие 'варианты' языка, в том числе теми, для кого английский является родным языком, может привести к полному провалу в коммуникации. Например, в кенийском варианте английского «not mind» означает «очень хотеть» и, как правило, выражает желание вежливо и с благодарностью принять предложение или приглашение [15].

Таким образом, английский язык, выполняющий уникальную посредническую функцию в межкультурной коммуникации, представляет собой объемный эмпирический материал, на основании которого возможно сформулировать принципы развития языка в эпоху глобализации, имеющие, однако, довольно полемический характер. По мере расширения языковых границ возникает ряд дискуссионных вопросов: во-первых, это вопрос о целостности языка – один язык или совокупность разновидностей; следовательно, существует ли единый стандарт; какова роль урождённых носителей языка; социокультурные параметры какого социума должны

учитываться в межкультурной коммуникации посредством языка-посредника для всех участников интеракции.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
2. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учеб. пособие для студ. и аспирантов филолог. специальностей; Мин-во просвещения РСФСР, ГГПИИЯ им. Н.А.Добролюбова. Горький: Изд-во ГГПИИЯ, 1975. 174 с.
3. Гриценко Е.С. Вербальное поведение как способ конструирования социальной идентичности: вербальные коды и стилистические модели // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып 10. 2010. С. 44-57.
4. Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание. М.: Академия, 2009. 448 с.
5. Nevalainen T. Standardisation // A History of the English Language, ed. by Richard Hogg and David Denison. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 271–311.
6. Дуличенко А.Д. К смене лексических и их составляющих в русском языке XX столетия. // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии / Отв. ред. Вл. Жданова. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009. С. 59-68.
7. Kachru Ya., Smith L.E. The Karmic Cycle of World Englishes: Some Futuristic Constructs // World Englishes. 2009. Vol. 28. No. 1. P. 1-14.
8. Иванкова Т.А. Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка (на материале письменных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 26 С.
9. Crystal D. English as a Global Language. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 229 p.
10. Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd edition. 2008.
11. Hall-Lew L. Indexing political persuasion: variation in the Iraq vowels // American Speech, Spring 2010, Vol. 85. P. 91 – 102.
12. Crystal D. Language and the Internet. Second Edition, reprinted. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 304 p.
13. Charles M. Language matters in global communication // Journal of Business Communication. 2007. Vol. 44. Issue 3. P. 260-282.

14. St. Amant K. When Culture and Rhetoric Contrast: Examining English as the International Language of Technical Communication // IEEE Transactions on professional communication. Vol. 42. No. 4, December 1999. P. 297-300

15. Skandera P. "At Least We've Had a Nice Day": Miscommunication and New Politeness Phenomena in Global English // Globalisation. Swiss Papers in English Language and Literature (SPELL) 15. Ed. Frances Ilmberger, Alan Robinson., Gunter Narr Verlag Tübingen, 2002. P. 169-184.

Сведения об авторе

Лалетина Александра Олеговна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alaletina@yandex.ru

УДК 811.111'37 (410)

**О РОЛИ АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМОВ В
ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКОНЦЕПТНЫХ СВЯЗЕЙ ВНУТРИ
БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА FAILURE)**

Т.М. Наумова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена выявлению роли аллюзивных антропонимов в формировании связей между концептами британской национальной концептосферы. В качестве примера используются аллюзивные антропонимы, входящие в структуру лингвокультурного концепта “failure”. На основе анализа неденотативных значений соответствующих антропонимов и актуализирующих их прецедентных ситуаций выявляются связи данного концепта с другими концептами, входящими в национальную британскую концептосферу.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, аллюзивный антропоним, неденотативное значение, национальная концептосфера.

**On the Role of Allusive Anthroponyms in Establishing Interconceptual Relationships in
the British National Conceptual Sphere**

Tatiana Naumova

The article looks at the role of allusive anthroponyms in establishing interconceptual relationships in the British national conceptual sphere. Allusive anthroponyms representing the concept “failure” are analysed as an example. The analysis of their non-denotational meanings as well as of the contexts in which they first appeared allows to reveal their links with the other concepts constituting the British national conceptual sphere.

Key words: linguo-cultural concept, allusive anthroponym, non-denotational meaning, national conceptual sphere.

В современной лингвистической науке высок интерес к способам языковой репрезентации лингвокультурных концептов и роли прецедентных и аллюзивных имён в формировании национальной концептосферы, которая представляет собой «упорядоченную совокупность концептов народа» [1. С. 131]. Аллюзивные антропонимы (прецедентные имена, основное неденотативное значение которых приобрело устойчивый характер и зарегистрировано в словарях) наполняют концепты дополнительным

содержанием и отражают взаимосвязи различных концептов в концептосфере.

Аллюзивные антропонимы входят в образную составляющую соответствующих концептов наряду с внутренней формой языковой единицы (являющейся именем концепта), образами-схемами в сознании представителя той или иной культуры, а также образами, заключёнными в прецедентных текстах.

Для выявления роли аллюзивных антропонимов в формировании межконцептных связей обратимся к анализу аллюзивных имён собственных, входящих в образную составляющую британского лингвокультурного концепта *failure*. Данный концепт представлен аллюзивными антропонимами как исконного, так и неисконного происхождения. Фиксация соответствующих имён в британских лексикографических источниках свидетельствует об их принадлежности к британской лингвокультуре, даже если этимологически они не являются британскими.

Концепт *failure* представлен именем собственным *Frankenstein*, американским антропонимом *Casey* и греческими мифонимами *Icarus*, *Sisyphus*. Проведем их анализ.

Frankenstein refers to “a scientist, Victor Frankenstein, who created a destructive monster from parts of corpses in the novel by Mary Shelley (1818)” [2. С. 608]. В конечном итоге, монстр убивает Франкенштейна, своего создателя. Соответственно, антропоним *Frankenstein* приобрёл аллюзивное значение “a person who creates something that brings about his ruin” [там же], а выражение *Frankenstein’s monster* – “a thing that destroys its creator” [там же].

Устойчивым стало и употребление имени *Frankenstein* для обозначения самого монстра: “In popular culture, people have tended...to refer to the monster as “Frankenstein”” [3]. Такое же значение зарегистрировано в «Новом большом англо-русском словаре»: «создание, приводящее к гибели своего создателя; разг. чудовище в облике человека» [4. С. 813]. Об этом же свидетельствует пример аллюзивного использования данного имени в прессе: “*Fabrice Tourre, the Goldman Sachs bond trader embroiled in the SEC fraud case against the bank, sent a number of conflicted emails to his girlfriend about his role in creating ultimately doomed securities, referring to them as “like a little Frankenstein turning against his own inventor”* [5].

В каком бы из вышеперечисленных значений ни использовался данный антропоним, он представляет концепт *failure*, поскольку попытка создания гомункула не удалась. Обратимся к ситуации романа для выявления причин неудачи. Написанный в эпистолярном жанре, роман повествует об истории Франкенштейна от имени рассказчика – Уолтона, который, встретив созданного учёным гомункула, узнаёт от него о его печальной судьбе, а также причинах смерти его создателя. Прощаясь с Уолтоном, его новый знакомый пытается предостеречь его от совершения тех же ошибок, что и его создатель – ошибок, которые привели к трагедии. “*Farewell, Walton! Seek happiness in tranquility and avoid ambition, even if it be only the apparently innocent one of distinguishing yourself in science and discoveries*” [6]. Таким образом, в качестве основной причины неудачи, обернувшейся трагедией, приводится чрезмерная амбициозность, честолюбие, тщеславие, подталкивающие человека к созданию чего-либо без обдумывания возможных последствий своих действий. Итак, концепт *failure* связан с концептом *ambition*.

В этом контексте важным представляется также само название романа – “*Frankenstein; or, The Modern Prometheus*”. Аллюзивный антропоним *Prometheus*, использованный в названии книги, отсылает нас к следующей прецедентной ситуации: Прометей, помогая людям, идёт против воли богов, за что и получает наказание (привязан к скале, и каждый день орёл клюёт его печень). Франкенштейн, создавая человекоподобное существо огромных размеров, тоже вмешивается в естественный ход вещей, берёт на себя роль Бога, создателя, за что тоже оказывается наказанным. Отметим, что такое поведение, вероятно, обусловлено именно тщеславием, излишней амбициозностью.

Однако имя собственное *Prometheus* не ассоциируется в британском сознании с излишней амбициозностью (*excessive ambition*). Данный антропоним используется в аллюзивном значении “*a courageous rebel*” [7. С. 340], представляя концепт *rebellion*. Он имеет положительную коннотацию, в отличие от имени собственного *Frankenstein*. Это, по-видимому, связано с тем, что Прометей действительно помог людям, выступив против богов, тогда как Франкенштейн принёс окружающим лишь несчастья.

На взаимосвязь концептов *failure* и *ambition* указывает и аллюзивное значение мифонима *Icarus*. “*In Greek mythology, Icarus*

was the son of Daedalus. Daedalus constructed wings which he and Icarus used to fly to freedom from Crete. However, the wings were attached by wax, and when Icarus flew too close to the sun, the wax melted and he fell to his death in the Aegean Sea. Icarus can be alluded to as someone who fails because of excessive ambition” [7. С. 209]. Неумение вовремя остановиться и адекватно оценить свои возможности приводят героя мифа к гибели.

Аллюзивное значение американского антропонима *Casey* (the hero of the late 19th-century ballad “Casey at the Bat” by Ernest L. Thayer) – “*failure when success was confidently expected*” [7. С. 85]. В данном случае неудача происходит в ситуации, когда человек уверен в собственном успехе. Эта излишняя самоуверенность приводит к тому, что он перестаёт прилагать усилия для достижения результата: “*Casey was confidently expected to save the day in a baseball game but, having not even tried to hit the first two balls, he struck out on the third*” [7. С. 454]. Итак, его поражение связано с чрезмерной верой в себя, с тем, что считая себя заведомо лучше других, он смотрел на них свысока, он принимал победу как должное. Концепт *failure* через рассматриваемое имя собственное представляется связанным с концептами (*excessive*) *self-confidence, arrogance*.

Прецедентная ситуация, связанная с мифонимом *Sisyphus*, указывает на другие аспекты неудачи. “*In Greek mythology, Sisyphus was a king of Corinth, punished in Hades for his misdeeds in life by being condemned to the eternal task of rolling a huge stone to the top of a hill. Every time he approached the summit, the stone slipped and rolled down to the bottom again. His name can allude to efforts to achieve or finish something that constantly fails or to a seemingly endless ordeal*” [7. С. 385-386]. В данной дефиниции подчёркивается связь между неудачей, которая постоянно сопутствует деятельности героя мифа, и страданием, которое он при этом испытывает. В подобном значении используется и прилагательное *Sisyphean (task)* – “*actually or seemingly endless or futile*” [2. С. 1436]. Таким образом, прослеживается связь между концептом *failure* и концептами *suffering, ordeal*.

Однако страдания, вызванные отсутствием результата деятельности, – это следствие неудачи. Обратимся к анализу прецедентной ситуации, связанной с именем Сизифа, чтобы выяснить, что привело к невозможности добиться успеха. Согласно

мифу, Сизиф был обречён после смерти на вечные муки за своё поведение при жизни: “*Sisyphus promoted navigation and commerce, but was avaricious and deceitful, violating the laws of hospitality by killing travelers and guests. He took pleasure in these killings because they allowed him to maintain his dominant position... He seduced his niece, took his brother's throne and betrayed Zeus' secrets*” [8]. Этот неполный список его злых дел указывает на то, что Сизиф не останавливался ни перед чем ради власти (*dominant position*). Будучи жадным и лживым, он предавал других и мог даже убить ради собственной выгоды. Его вечная обречённость на неудачу связана с тем злом, которое он сделал другим. Таким образом, концепт *failure* оказывается связанным с концептом *evil* (*punishment for evil behaviour*).

Таким образом, анализ аллюзивных антропонимов, входящих в образную составляющую британского лингвокультурного концепта *failure*, позволил установить его связи с концептами *excessive ambition, self-confidence, arrogance, suffering, evil, punishment*. Наличие данных связей указывает на причины и следствия неудачи и акцентирует отрицательную окрашенность данного концепта, определяя его место в британской национальной концептосфере.

Библиографический список

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Воронеж: Восток-Запад, 2007. 320 с.
2. Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2000. 1785 p.
3. Электронный ресурс Интернет: <http://en.wikipedia.org/wiki/Frankenstein>
4. Новый большой англо-русский словарь / Под ред. Ю.Д. Апресяна [и др.]. Том 1. М.: Русский язык, 2002. 832 с.
5. Carty D. Fabrice Turre: Goldman Investments Like "Frankenstein" // CBS News. – 2010. – 26 April. Электронный ресурс Интернет: http://www.cbsnews.com/8301-503983_162-20003402-503983.html
6. Shelley M. Frankenstein // Электронный ресурс Интернет: <http://www.literature.org/authors/shelley-mary/frankenstein/chapter-24.html>
7. Oxford Dictionary of Allusions. New York: Oxford University Press, 2005. 472 p.
8. Электронный ресурс Интернет: <http://en.wikipedia.org/wiki/Sisyphus>

Сведения об авторе

Наумова Татьяна Михайловна
ассистент кафедры английского языка
факультета английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tmnow@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 81'255.4

«GAINED IN TRANSLATION»: HOW THE TRANSLATOR MAKES THE SOURCE-TEXT GROW

Christiane Nord

Hochschule Magdeburg-Stendal, Germany

«Loss in translation» is a commonplace lament. Authors and scholars complain of losses in content caused, among other things, by the gap between cultures and their specific value systems, or losses in form caused by the lack of correspondence between language systems or by the specificities of an author's way of expressing his or her thoughts and feelings. On the other hand, there are and always have been successful translations where nobody would think of speaking about «loss». Sometimes, translators are appreciated even as «authors» in their own right. Drawing on the etymology of the word *author*, which means «someone who makes something grow», and on the statements of a number of authors and scholars from various fields, this paper aims at demonstrating, from a skopos-theoretical viewpoint, that translation does indeed produce quite a few «gains»: quantitative gains, qualitative gains, functional gains, and – last but not least – personal gains.

Key words: loss in translation, gain in translation, translator as author, author as translator, skopos theory.

«Приобретения в переводе»: как благодаря переводу возрастает значение исходного текста Кристиане Норд

«Потери в переводе» являются широко обсуждаемой проблемой. Авторы и исследователи выражают недовольство потерями в содержании, вызванными, кроме прочего, различиями культур и их ценностных систем, или потерями в форме, вызванными различиями в системах языков или авторскими особенностями выражения мыслей и чувств. С другой стороны, всегда существовали удачные переводы, «потерь» в которых никто не искал. Иногда переводчиков считают полноправными «авторами». Учитывая этимологию слова «автор», согласно которой это «некто, увеличивающий что-либо», а также позиции многих авторов и исследователей, представляющих различные сферы деятельности, мы намереваемся показать, с точки зрения теории «Скопос», что в переводе достигаются некоторые приобретения: количественные, качественные, функциональные и – не в последнюю очередь – личностные.

Ключевые слова: потери в переводе, приобретения в переводе, переводчик как автор, автор как переводчик, скопос-теория.

Preliminary remark

Some time ago, I was invited to give a talk at a conference called «The translator as author», which made me feel rather uneasy. The translator as an author? I am very much in favour of enhancing the translator's status and social image – but: an author? According to the usual dictionaries and encyclopedias, an author is «a person who originates or gives existence to anything». In legal terms, authorship determines responsibility for something that is created. If we agree on the very general definition of a translation as some kind of new version of a text that was created by an author before, we cannot regard the translator as an author of equal rights. I do not want to elaborate on the philosophical question that there cannot be anything new with respect to texts since every new text relies, in one way or another, on all the previous texts that were ever written or spoken. Along these lines, the second Vatican Council used the Latin verb *conscribere* for what the New Testament authors did with their sources. The verb means «to author», but was translated as *redigieren*, «to redact or edit», into German, which led to a whole theory of the New Testament authors being redactors who edited, changed or even falsified the texts they used. Theological scholars started to discover all sorts of «layers» of text which they attributed to the persons who wrote the gospels and the letters. As a more literary definition of authorship we could quote Kafka who said: «Writing means revealing oneself to excess...» Given these definitions of an author, we cannot subscribe to the equation translator-author.

However, if we look at the concept from a historical point of view, we might come to a different conclusion. The word *author* is derived from the Latin verb *augere*, «to increase», and its original meaning is «one who causes to grow» (Online Etymology Dictionary). I don't know how and when the change in meaning came about, but it may be well worth our while to reflect on what this means for our culture-specific understanding of authorship as a kind of creation «ex nihilo», from the void. In any case, along these lines, we might indeed consider the translator as an author, as someone who causes a source text to grow. The idea seems quite appealing to me.

Whatever our idea about the intertextual relationship which «should», «must» or just «does» hold between a translation and its original or source text, we have to admit that some kind of text exists before the

translator comes into play, and that the translator works on this text, processing and changing it in order to make it accessible to people who would not be able to understand it without such changes.

What is lost in translation?

With regard to the changes the translator performs – either forced by certain conditions of the languages and cultures involved or aiming at some purposes of their own, we often hear complaints about «loss» in translation, whereas gain in translation is not really discussed. A short Google search produced approximately 17.700 pages elaborating on «loss in translation» and only 92 mentioning «gain in translation». Most of these 92 pages dealt with gain in a negative sentence («no gain»), and those which actually stated that there might be some gain through translation hardly ever gave any details of how this gain is brought about. The section entitled «Loss and gain» in Susan Bassnett's book *Translation Studies* is a good illustration of this point. Of the two pages of the section, only one sentence addresses the gains, where the author says:

It is again an indication of the low status of translation that so much time should have been spent on discussing what is lost in the transfer of a text from SL to TL whilst ignoring what can also be gained, for the translator can at times enrich or clarify the SL text as a direct result of the translation process [1. P. 36].

Another typical comment: When asked about the faithfulness of the English edition of his tales, Isaac B. Singer said that any translation falls short of perfection, especially when the given texts contain humour, folklore or poetry:

It is true that in every translation the author loses – you do not gain in translation. Once in a while you may gain in one sentence, but as a rule you keep on losing: this is true in all translations, because translation is a kind of compromise. I would say that some writers lose a lot and some lose less. This Gogol of whom I spoke before was one of the heaviest losers. He had a wonderful style – his language was very idiomatic and so, naturally he lost a lot, while Tolstoi or Dostoyevski or Turgenyev lost less. Poetry almost loses everything: you just cannot translate it. The same is true about humor, especially when it is connected with folklore. In my case I lost a lot, but since I myself take care of the translation, I know that I am not losing everything [2. P. 341].

In an interview with Ruth Whitman, Singer goes even further:

It seems that translation, although it does damage, can't kill an author. If he is really good, he will come through even in translation (Isaac B. Singer, quoted in [3]).

If an author can prevent loss by «taking care of the translation» (which in Singer's case meant supervising), maybe it is not translation as such but the translator's incompetence that causes the loss? Or is Singer suggesting that authors should translate their own works themselves in order to avoid loss? Are authors better translators?

The Encyclopedia of Literary Translation into English (ELTE 2000) dedicates a whole article to «Translation Loss» [4. P. 1413–1414]. The author, Raquel de Pedro, sees two main reasons for the fact that translations usually fall short of their source texts. One is the gap between cultures and their respective systems of values, and the other one is the «absence of a total, univocal correspondence between the elements of any given pair of languages». The first causes losses with regard to contents, the second losses affecting linguistic form. Dealing with the losses of contents, the author refers to culture-bound realities like the Finnish *sauna* or the English *Beefeater*, as well as humour or connotative meanings. Her examples of formal loss refer mainly to the specific stylistic devices used in poetry, like alliterations or rhyme, prosody or rhythm, whereas in prose translation untranslatable features can be compensated for by compensation strategies.

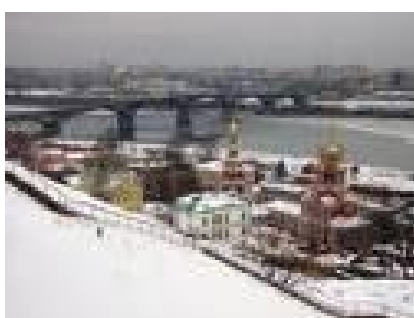
Personally, I do not like being a professional of something impossible or next to impossible and having trained young students for more than forty years to become people who are bound to fail in their professional activities. Of course, I have been mainly training translators of technical and other non-literary texts – and here, obviously, loss is not really an issue. (Why not?) Therefore, I would like to argue that translation makes the source text gain! I am not pretending to solve this long-debated question in the next few minutes – I am merely inviting you to look at it from a more positive standpoint.

What is gained in translation?

So, let us look at the material the translator is working on: the text. From a skopos-theoretical point of view, a text is an «offer of information», from which every receiver «picks» what he or she wants or

is able to process, according to their interests, abilities, experience, background knowledge, socio-cultural values etc. Function or functionality is not a quality that is inherent in a text but it is attributed to a text by the receiver in the act of reception: this text has a particular function or functions for me here and now, and it may have a different function or functions for me at another place or in another moment, and of course again another function for anyone of you at a certain place or moment in time.

Let us look at an example:

Pretending that this photo is a text, we would find that it is processed in different ways by different receivers: a German tourist, a Russian from Moscow, a Russian from Nizhniy Novgorod or an American on a business trip, just to name a few examples.

The translator's reception is a special case. In fact, the translator might not even belong to the addressed audience or the addressed culture, at least if they are translating into their native language and culture, which is usually the case in literary translation. To make up for this drawback, their translation competence includes the ability to analyse and interpret a text from various viewpoints, maybe even to put themselves in their client's or their intended audience's shoes.

It is the translation brief (with its specification of addressed audience, time and place of reception etc.) that determines which items from the ST offer of information has to be transferred in the translation process. A translation, therefore, is an offer of information presented in a target language-and-culture about (certain aspects of) an offer of information which is or was produced in a source language-and-culture. The difference between any direct receiver of the source text and a translator as receiver is that translators are text experts, i.e. professionals with regard to text reception and text production, and that their target group may be smaller or

more specific than that of the source-text author, which might result in a text that is more adequate to the communicative needs or desires of this group. But of course, like an original text, a translation may also be read (or listened to) by all sorts of other people outside the addressed audience.

In any case, we may say that the translator widens the scope of a text, giving it a larger, and more diversified audience. While the source text is directed at a source-culture audience, whether large or small, target texts add to this audience by being accessible to a number of other audiences. This is perhaps only a quantitative growth. But it turns into a qualitative growth if the various receptions and interpretations in turn enrich the target-culture's own literary repertoire, which may take up models and patterns from the source culture. As Susan Bassnett states, this was an integral part of the Roman concept of translation.

New and different audiences also facilitate new interpretations. If every new receiver looks at the source text through translation, they may even discover «items of the information offer» which were not available to the source-culture audience. This is underlined by the Jordanian author Ahmad Abu-Mahfouz in his article «Translation as a Blending of Cultures» [5]:

... every translation becomes an extension of the original text, bringing fresh appreciation to it, as well as enrichment to the TL. However, such a process needs to be clearly recognized, not as a mere mechanical transference from one linguistic register to another but as an encounter between two languages and two cultures. A whole range of latent socio-cultural responses between two linguistic registers is brought to the surface through the process of translation.

Sometimes, the new readings have not even been thought of by the author, as Umberto Eco writes, referring to the translations of *Il nome della rosa*:

Nothing is of greater consolation to the author of a novel than the discovery of readings he had not conceived but which are then prompted by his readers. When I wrote theoretical works, my attitude toward reviewers was judicial: Have they or have they not understood what I meant? With a novel, the situation is completely different. I am not saying that the author may not find a discovered reading perverse; but even if he does, he must remain silent, allow others to challenge it, text in hand. For that matter, the large majority of readings reveal effects of sense that one

had not thought of. But what does not having thought of them mean?¹ [6. P. 506].

On the other hand, reading a translation may invite the readers to reflect on the peculiarities and specificities of their own language and culture, as Soenke Biermann, a Human-Rights activist living in Australia, points out.

The element of translation brings to light the peculiarity of the otherwise invisible elements of one's own language and ways of thinking. As such, it is as important a tool for self-reflection as it is for communication [7. P. 130].

According to Biermann, who draws on María Rosa Menocal's book *The Ornament of the World: How Muslims, Jews and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain* [8], translation may even help create a more tolerant society: «The process of translation makes foreign ideas accessible, opens up vaults of other knowledges and challenges the hegemony of unilateral thinking» [7. P. 128].

He quotes Menocal, who argues that «a culture of translation [is] perforce a culture of tolerance» [8. P. 197] as the collaborative engagement of different cultural perspectives requires a basic level of mutual respect and the appreciation of other philosophical standpoints. This is illustrated by the situation in Al-Andalus between the 9th and 15th century, where under various rulers and in diverse political contexts, diverse cultural perspectives joined in architecture, literature, music, the arts and all areas of secular knowledge. The cities of Toledo and Granada became nucleus points of translation, introducing new ideas, and reintroducing forgotten ones, into medieval society. Most of the Greek classics, transcribed and preserved in Arabic, were translated back into Latin in these cities, along with the works of Hebrew poets and Muslim astronomers. If it had not been for translation, we (Europeans) would not know anything about them.

---

¹ Nulla consola maggiormente un autore di un romanzo che lo scoprire letture a cui egli non pensava, e che i lettori gli suggeriscono. Quando scrivevo opere teoriche il mio atteggiamento verso i recensori era di tipo giudiziario: hanno capito o no quello che volevo dire? Con un romanzo è tutto diverso. Non dico che l'autore non possa scoprire una lettura che gli pare aberrante, ma dovrebbe tacere, testo alla mani pensino gli altri a contestarla, testo alla mano. Per il resto, la gran maggioranza delle letture fa scoprire effetti di senso a cui non si era pensato. Ma cosa vuol dire che non ci avevo pensato? [9. P. 508].

Different translations for different purposes

A last aspect I would like to address is that of the diversity of translation forms. Apart from the classical dichotomies of translation types known by concept pairs such as literal vs. free or foreignisation vs. domestication, taking the reader to the text or the text to the reader (Schleiermacher), or documentary vs. instrumental translation, as I would call them, we can distinguish various sub-types or forms which may serve different purposes.

Following a top-down procedure guided by the translation brief, the translator would first choose between one of these types and then decide on the specific form that would best suit the translation purpose. Thus, different aspects of the source text may be highlighted in the translation. Some readers may want a literal translation, others a literal translation with notes or glosses, or a bilingual edition where source and target texts can be read side by side; others prefer a fluently written text although they know that they are reading a translation, and others are not aware of reading a translation and don't care because they are interested in the story or the scientific findings of the author.

Conclusions: Gain by translation(s)

We can assume various forms of gain by translation. On the one hand, a quantitative gain: the source text is made available to more readers, which widens its scope and enhances the diversity of potential audiences. On the other hand, there is also a qualitative gain both with regard to language and culture: Translations refer to source-culture realities and ways of behaviour, which more often than not could not be expressed in the target language before a translator had to find new linguistic forms (by borrowing, coining neologisms or creative ways of paraphrase) to tell the audience about them. And this applies to culture, too. People learn about other cultures' forms of behaviour through translations (which they sometimes even imitate and adopt for their own lives).

Thirdly, we may observe a «functional» gain. Different forms and types of translation focusing on different aspects of a source text allow for diverse interpretations and insights into the foreign language and culture. And finally, personal gain is fostered through translations. Readers reflect on other cultures, seeing their own in a new light. This opens up new

horizons and new worlds of thinking. In the light of all these gains – who would seriously speak of «loss in translation»?

Bibliography

1. Bassnett S. *Translation Studies*. London – New York: Routledge, 2002.
2. Kresh P. *Isaac Bashevis Singer, the Magician of West 86th Street: A Biography*, New York: Dial Press, 1979.
3. Garrin S. *Isaac Bashevis Singer as Translator. ‘Apprenticing in the kitchen of literature’* // Miller D. N., Singer I. B. (ed.). *Recovering the canon: essays on Isaac Bashevis Singer*. Leiden: Brill, 1986. P. 50–57.
4. *Encyclopedia of literary translation into English (ELTE)*. Ed. Classe O., 2nd ed. London – Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 2000.
5. Mahfouz A. *Translation as a Blending of Cultures in Journal of Translation*, Volume 4, Number 1 (2008) // Internet source: <http://www.sil.org/siljot/2008/1/51140/siljot2008-1-01.pdf> (retrieved 25/05/2009).
6. Eco U. *Postscript to The Name of the Rose. The Name of the Rose*, tr. William Weaver. Orlando – Austin – New York – London: Harcourt, 1994. P. 505–535.
7. Biermann S. *Found in translation: differences, tolerance and enriching diversity* // Garbutt R. (ed.). *Activating Human Rights and Peace: Universal Responsibility Conference 2008. Conference Proceedings*, Byron Bay, NSW, 1-4 July, Centre for Peace and Social Justice, Southern Cross University, Lismore, NSW. P. 124–130.
8. Menocal M. R. *The Ornament of the World: How Muslims, Jews, and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain*. Boston: Little, Brown and Company, 2002.
9. Eco U. *Postille a “Il nome della rosa”*. *Il nome della rosa*. Milano: Tascabili Bompiani, 1994. P. 507–533.

Сведения об авторе

Кристиане Норд
профессор университета Магдебург-Стендаль,
Магдебург, ФРГ
E-mail: cn@christiane-nord.de

УДК 811.111'255.4

FROM *ДЫМ* TO *RAUCHEN* IN BADEN-BADEN: A NEW TRANSLATION OF TURGENEV'S *SMOKE*

Michael Pursglove

Reading, Berkshire, England

The article examines the challenges posed to the translator of Turgenev's novel *Smoke*. Attention is paid to the special characteristics of this novel: the frequent use of foreign words and phrases (especially French); the foreign setting (Baden-Baden); the widespread references to nineteenth-century culture which require the translator to be an editor and risk an excess of footnotes. A case is made for a re-evaluation of this novel, hitherto often considered to be inferior to Turgenev's best.

Key words: Turgenev, realia, French locutions, Baden, doublets.

От дыма к *Rauchen* в Баден-Бадене: новый перевод тургеневского «Дыма» Майкл Пэрсглов

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при переводе романа И.С.Тургенева «Дым». Обсуждаются такие особенности романа, как частое употребление иностранных слов и выражений (в особенности французских), выбор в качестве места действия зарубежного города (Баден-Баден), большое количество отсылок к контексту культуры XIX, что заставляет переводчика становиться редактором и идти на риск избыточного использования сносок. Доказывается необходимость переоценки этого романа, который до сих пор считался не самым сильным произведением И.С.Тургенева.

Ключевые слова: Тургенев, реалии, французские выражения, Баден, дублеты.

In 2010 my translation of Turgenev's *Отцы и дети* was published, to be followed by an article outlining some of the challenges I faced while translating the novel [1]. Turgenev's novel was published in 1862, the year in which most of his next novel *Дым*, published in 1867, is set. I have now completed a draft translation of *Дым*, which will be published in 2012 by Oneworld Classics. Hence my conclusions in this article are necessarily provisional and preliminary.

Дым has hitherto received less attention from Anglophone translators than *Отцы и дети*, of which there were at least eight translations before my own. By comparison, *Дым* has hitherto only been translated into English six times. The first of these, by Rowland Crawley, but published anonymously in London in 1868, is, in the words of Patrick Waddington, a

“celebrated travesty”.¹ It purported to be a translation from the Russian but was in fact an inept rendering of *Fumée*, the French translation of the novel done by Avgustin Petrovich Golitsyn (transliterated as *Galitzine*) and edited by Prosper Mérimée and Turgenev himself. The translation bore the subtitle *Life at Baden* and is, astonishingly, still in print and available through Amazon.co.uk. *Fumée* was also the basis (this time acknowledged) of the next translation, by William F. West, published in America in 1872 and in London in 1883.² It was not until 1896 that a translation into English from Turgenev’s Russian was published, by the redoubtable, and extraordinarily prolific Englishwoman Constance Garnett.³ This was followed in 1903 by a translation by the almost equally redoubtable American, Isabel F. Hapgood. Since then there appear to have been two translations, one published in America in 1950 (by Harry C. Stevens, an Englishman) preceded, in 1949, by a translation published in London by Natalie A. Duddington.⁴ Thus, whereas there have been four translations of *Отцы и дети* since 1990, there has not been one of *Дым* for well over fifty years.

The reasons for this relative lack of popularity are complex and largely beyond the remit of this article. Broadly speaking, among Turgenev’s contemporaries, the Left did not like it because there was no successor to the “new man” Bazarov, the hero, Grigorii Litvinov being something of a throwback to such “superfluous” Turgenevan males as

---

¹ The whole saga of this first translation, the comical errors it contained and the almost universal scorn it evoked, notably from Turgenev’s friend and first proper translator W. R. Shedden-Ralston, are documented in [2. P. 19-21]

² Both the French translation (*Fumée*) and the error-strewn German translation (*Rauch*) by Friedrich Tschiesch (Cziesch) appeared in book form in 1868.

³ More on Constance Garnett can be found in [3]. Her translation of *Дым* can be found at www.ibiblio.org/eldritch/ist/smoke.htm with an introduction by John Reed [4]. The celebrated Irish novelist Edna O’Brien recently chose Garnett as “my hero”. See [5]. Garnett, who translated 73 works of Russian literature, learned her Russian from the exiled S.M. Stepniak-Kravchinskii.

⁴ Duddington deserves a special footnote. Born Natal’ia Aleksandrovna Ertel’ in Tver’ in 1886, she was the daughter of the novelist and short-story writer Aleksandr Ertel (1855-1908). Educated at London University, Duddington translated into English not only *Дым*, but also her father’s novellas *Жадный мужик* and *Карьера Струкова*, as well as fictional works by Pushkin, Goncharov, Saltykov-Shchedrin, philosophical works by Vladimir Solov’ev, Losskii, Frank and Berdiaev, and poetry by Balmont. She died in 1972. Although she is probably less well-known than Garnett and Hapgood, her contribution to the study of Russian literature in English was immense and deserves to be better known.

Dmitrii Rudin. The Right, which included Dostoevsky and Tiutchev ¹, did not like the novel because of Turgenev's highly unsympathetic portrayal of the Russian community, both radicals and reactionaries, in Baden-Baden. Modern critics have objected to a lack of clarity in the central image and what they see as the uneasy grafting of a satirical sketch on to a traditional love story, which gives rise to not one, but two, central characters, Litvinov and Potugin. It has therefore become something of a cliché of Turgenevan criticism to assert that *Дым*, together with Turgenev's final novel *Новь*, represent a diminution of his talent. It is perhaps time that such a view was revised.

My article on *Отцы и дети* began with a discussion of the opening lines of the novel. Conversely, but I hope not perversely, I wish to begin my examination of *Дым* from a translator's point of view with the last two chapters of the novel, Chapters 27 and 28. These are the only chapters of the novel set in Russia, apart from the "flashback" chapters (7-9, and part of Chapter 2), which are set in Moscow at the beginning of the 1850s. To be specific, they are set on Litvinov's estate and on the estate of his rejected fiancée Tat'iana Shestova, with the last page or so of the novel set in a Petersburg salon. The date is now 1865, three years after the Baden-Baden chapters. In the real world the Polish rebellion of 1863 had been suppressed. Turgenev carefully avoids mention of Poland itself, choosing instead what is now Belarus, where an energetic campaign of de-Catholicisation was unleashed in the wake of the Polish rebellion. In the real world, too, the Great Reform of Alexander II – contemptuously summed up by Gubarev with the single word *свобода* – had not yet been brought to an end by the assassination attempt on the Tsar by Karakozov in 1866. We are not told precisely where in Russia the two estates are, any more than we are told where precisely the settings of *Отцы и дети* are located. All we are told, or, rather, all that Litvinov knows, is that Tat'iana's estate is *верстах в двухстах от него*. Here we enter the familiar minefield of Russian *realia*. How far is this? To the eye of an Englishman, who has been asked by his publisher to anglicize such *realia* and to whom, the concept of "kilometres" is still alien, this distance equates to approximately 131 miles. This clearly will not do and furthermore Turgenev himself is only giving an approximation. Almost

---

¹ The furious argument between Turgenev and Dostoevsky, which took place in Baden-Baden, has been widely documented. Less well-known is Tiutchev's reaction, for which see [6].

any round figure might fit the bill – 130, 120, 150 perhaps - but in the end I opted for the even rounder figure of 100 which, if not mathematically accurate, at least preserves the flavour of Turgenev’s Russian. The same principle applies to the other three references to versts in the chapter. 25 versts (strictly 16.47 miles) will become 15 miles, 30 versts (strictly 19.76 miles) will become 20 miles, while “about two versts” will become “one mile”. All the types of *realia* detailed in my earlier article are to be found here: vestimentary (*куртка, венгерка, картуз*), vehicular (*коляска*), references to the social and political structures of Russia (*мировой съезд, волостной голова*). Such Russian *realia* are found throughout the Baden-Baden chapters, but there, as we shall see, they are diluted by the plethora of German *realia*.

Chapter 28 is also the only place in the novel where non-standard Russian is to be found. Here the translator has to decide whether to indicate or imitate and, if imitation is chosen, what register, or dialect, of English is appropriate. Thus, when a coachman uses the word *флястырь*, should the translator invent a variant on *plaster* such as *flaster* or *flyaster*?

Let us now turn to the main section of the book, the first 26 chapters. This is a tale of upper-class Russians living in a German spa town and speaking French as readily as they speak Russian. Their pronunciation of that French, we are told in the opening paragraph is “guttural” (*гортанная трескотня французского жаргона*) but their grammar is impeccable. One French phrase, “le culte de la pose” cannot be translated into Russian («по-русски этого даже сказать нельзя»). Such at least is the assertion of Turgenev’s narrator, briefly assuming the character of the personages he is describing. Indeed, the high quality of the Russians’ French is emphasised by the poor quality of the French spoken by the sole American in the novel, of whom we read in Chapter 15:

“Elle doâ rester immobile et se dresser sur son quiou,” отвечал с сильным американским акцентом г-н Фокс...»

This is just one French quotation in a text, which, remarkably, contains no fewer than 120; this in a novel which, in the standard 1981 edition, runs to a mere 160 pages. In addition there are 10 quotations in German, 5 in English and one each in Italian and Latin.¹ This poses a

¹ Two articles by Iu. Korotkich and A. Kokin shed light on Turgenev’s use of French and German in his letters and literary works. See [7] and [8]. The figures quoted in my article do not include words of foreign origin (French, German and English) written in Cyrillic, such as *коафер, турниор, кельнер, and абсентеизм*.

considerable problem, both for the Russian editors of Turgenev's text, and for the translator into English. There was a time when both Anglophone and Russian readers might be expected to be fully conversant with French, but that time has passed, especially in the United Kingdom, where modern languages are no longer a compulsory part of the secondary school syllabus. The modern translator can no longer assume that readers will understand even the simplest of foreign phrases, such as "Charmant! Charmant!" or "Vieux château" (both Chapter 15) or "Wer da?" (Chapter 20), and has three clear choices: to leave the text untranslated and unannotated; to translate the non-Russian words into English and to somehow indicate the language in which the words were uttered, or to resort to the endnote or footnote. It is a problem which confronts any translator of *Война и мир*, which, in its original 1869 version, contained so much non-Russian that Viktor Vinogradov described it as a "bilingual novel". The most recent English translator of Tolstoy's epic, A.D.P. Briggs, whose version is now the standard paperback edition, published by Penguin Books in 2005, has gone further than any of his predecessors¹ in translating all foreign phrases into English. Thus, for instance, the opening paragraph of the novel is given in English and then followed by the words: "These words were spoken (in French) one evening in July 1805..."²

By contrast, another recent translator of Tolstoy, Dora O'Brien, in her translation of *Childhood, Boyhood, Youth* (2010) chooses to annotate every foreign word or phrase [10]. The strategies of both translators have their drawbacks. Briggs' all-English text loses the linguistic texture and

¹ Louise and Aylmer Maude (1923), Rosemary Edmonds (1957) and Ann Dunnigan (1968) retain most, but not all, of Tolstoy's French

² The difficulty in establishing a canonical text for the novel lies behind Briggs' decision. It is worth quoting his comment in full:

"The first edition (1868-9) of the novel had long passages in French. But Tolstoy had second thoughts and removed most of them during a drastic revision in 1873. Previous translators cut these further and provided translations in footnotes. But few readers today have a sound knowledge of French, so I have decided to translate all of it.

Does this change matter? Sometimes it does, but it is possible to indicate that a speaker is using another language. It is not unusual for Tolstoy himself to say (in Russian), for example: *Since Pierre was speaking French at the time he...* I have used this formula on those few occasions when a linguistic choice or shift has real significance, e.g. in the second paragraph on the opening page. It remains true that certain characters – Bilibin, for instance – lose some of their finesse because of this treatment, but there seems to be an overall gain in following the lead established by Tolstoy (and the Maudes with his blessing) by making the text more directly accessible." See [9. P. 1386-1387].

variety of Tolstoy's original, and also the fact that Tolstoy uses French as a "disapprobation indicator": "good" characters, such as Natasha Rostova, speak good Russian and bad French while "bad characters" such as Ippolit Kuragin speak good French and bad Russian. O'Brien's approach, which has to be "all or nothing", risks overwhelming the reader with unnecessary footnotes and tends to make the translator double as a textual editor. Nevertheless, it is the approach which I have adopted with *Дым*.

The annotations to the novel are considerably multiplied by a feature peculiar to Turgenev's novel: the vacuous debates among the Russian community (Gubarev, Voroshilov, Bambaev and their ilk) are full of often obscure references, the very opaqueness of which underlines the pretentious intellectual paucity of the speakers. As an exercise in "name-dropping", Chapter 4 is the prime example. In one paragraph alone no fewer than sixteen names are mentioned, ranging from minor English dramatists (Thomas Nashe, George Peele, Robert Greene), assorted French, German and Russian intellectuals, such as Bichat, von Helmholtz, Nikolai Shelgunov and Afanasii Shchapov, to the Slovak nationalist writer L'udovít Štúr. The editors of the 28-volume Academy Edition of Turgenev (1965) provide a detailed and accurate commentary on these references, and, for the most part, on the numerous others to be found in the Baden-Baden chapters of the novel. To this extent, the job of the Anglophone translator/editor is simplified. However neither the notes in this edition, nor the almost identical notes in the successor 30-volume edition of 1981, are comprehensive. To give but one example, a translator/editor who seeks completeness – and I am one such – must devise a commentary to the words, uttered for her husband's benefit, by Irina to Litvinov in Chapter 21:

Вы не пойдете завтра в театр? – произнесла она громко – Дают «le Verre d'eau», устаревшая пьеса, и Плесси ужасно кривляется.

The Academy editions tell us that *Le Verre d'Eau* is a play by Eugène Scribe (1791-1861). What they do not give is the date of the play – 1842, and therefore not entirely "antiquated" by 1862 – nor do they shed any light at all on the actress Jeanne Arnould-Plessy (or Plessis) (1819-97) who made her debut, and her name, in Scribe's play at the French theatre (the Mikhailovskii teatr) in Petersburg in 1845 and remained in Russia until 1855. Incidentally, the play, as *Стакан воды*, is still in print in Russia.

Another cause for multiple annotation of *Smoke* is its setting in the spa resort of Baden, a mecca for the Russian nobility, where “run-down kings and princes” of Europe congregated. Even the name of the town causes a minor problem for the translator. Known simply as “Baden” (or, in French, “Bade”) in the nineteenth century, it became officially known as Baden-Baden (i.e. Baden in the *land* of Bad Württemberg) in 1931. Turgenev himself uses this form of the name in his letters. I have followed Turgenev throughout the text, a practice which enables me to replicate a typical piece of Turgenevan linguistic characterisation. The only character in the novel who uses the hyphenated, official form of the name is the newcomer, Tat’iana’s kindly but naive maiden aunt, Капитолина Марковна. Habitues of the town use the short form.

From the very first paragraph of the novel, where the “Conversation” is mentioned, Turgenev incorporates real-life landmarks of the town and its surroundings into his narrative. Some of them, however, are designated by Gallicised names which the modern-day visitor to Baden-Baden might have difficulty in locating. The “Conversation” is a case in point. Elsewhere in the novel (Chapter 18) it is referred to in Cyrillicised German as *Конверсационгауз* but, like the now vanished Café Weber, it forms part of what is now generally referred to as the *Kurhaus*. Similarly, the *Павильон* (Pavillion) is better known today as the *Trinkhalle*, the *Vieux Château*, or *Старый замок* as Potugin calls it, is the *Altes Schloss*, while the celebrated and fashionable Hôtel de l’Europe today rejoices in the name Steigenberger Europäischer Hof.¹ Once again Turgenev’s editors have done a sound job in identifying these places, but even they flounder at a reference in Chapter 18. Here, in a scene full of psychological drama, Litvinov broods on his recent meeting with Irina Ratmirova, with whom he is obsessed, while at the same time making polite conversation with Potugin, Tat’iana and aunt, Капитолина Марковна, who is awestruck by the glamour of Baden-Baden and its visitors. Potugin recommends to Tat’iana that she should visit the *Йбург*, whereupon Капитолина Марковна, in her naive ignorance, exclaims: «Саксонская Швейцария» (Saxon Switzerland). In fact the Yburg is nowhere near Saxon Switzerland but is a

---

¹ The translators of Leonid Tsyupkin’s fictional evocation of Dostoevsky’s time in Baden-Baden, *Лето в Бадене* take much the same view with regards to naming the town and its landmarks. See [11]. For a discussion of Turgenev’s reasons for setting his novel in Baden-Baden see [12. P. 109-112].

ruined castle which, at the risk of linguistic confusion, stands on the summit of the Yberg, a few kilometres from Baden-Baden.

It would, of course, be possible to omit all these annotations and leave the readers to fend for themselves. That, in my view, would simply be a dereliction of the translator's duty.

Some further challenges for the translator in the Baden-Baden section of the book are worth noting in brief. They stem from grammatical and lexical features of Russian which cannot be replicated in English. Perhaps chief among them is the presence in Russian of the *ты/вы* distinction which is a feature of most Indo-European languages, with the notable exception of modern English. On two important occasions in the novel *Litvinov*, a man not given to excesses of familiarity, switches from the formal *вы* to the intimate *ты*: in Chapter 19, when speaking to Irina, who responds in like manner, and at the very end of the novel when, for the first time, he addresses his fiancée as *ты*.¹ The translator into English has no choice (apart from the unacceptable one of ignoring the phenomenon completely) but to add an explanatory note, either outside the text or interpolated within the translated text. Both solutions are verbose and clumsy and detract considerably from the emotive power of the text. A rather different example of the *ты/вы* distinction, although equally incomprehensible to Anglophone readers, occurs in Chapter 2. Here we are told that Litvinov's mother put her household "on a European footing" (*на европейскую ногу*); this Europeanisation, it turns out, consists in addressing her servants as *вы* and forbidding anyone from overeating at table to the point of snoring. Once again clumsy circumlocution or footnoting seems to be the only avenue open to the translator. The following chapter provides yet another variant, both situational and linguistic, of the phenomenon, when it is said of the ludicrous Bambaev that he «тыкал» действительно всех на свете.

This problem arises, of course, to a greater or lesser degree, in the translation of almost any Russian novel. As it happens, Tolstoy's quasi-autobiographical *Trilogy* is a case in point. The *ты/вы* switch occurs at least ten times and is of particular importance to the hypersensitive narrator, acutely conscious as he is to the attitudes of others towards him. One particular incident, from Chapter 13 of *Юность*, exemplifies the

---

¹ Litvinov and Irina have been through this process before. In Chapter 7, one of the three "flashback" chapters, we read that they «уже начали в важных случаях говорить *ты* друг другу».

point. Nekhliudov says he will join the celebrations to mark Irtenev's passing of the university entrance examination «чтобы выпить со мною на ты» [Tolstoy's italics]. Dora O'Brien, in the translation mentioned above, has to use fifteen words to translate this six-word phrase: "[He would come along] in order to drink a toast to our using the familiar *ty* with each other." For good measure the endnotes to her translation include a more detailed explanation of the Russian usage.¹

Closely allied to this problem is that of diminutives, especially diminutives of personal names. Litvinov, for instance, is carefully referred to as "Grigorii Mikhailych" or "Grigorii" and is only referred to once as "Grisha", predictably by Kapitolina Markovna, whose homely idiom makes her refer to Tat'iana not just as "Tania"² but, on one occasion, as "Taniusha". These and other diminutives (one of Irina's sisters calls her "Irinochka") force the translator either into yet more footnoting or into the addition of some term of endearment. Thus "Grisha" might become "dear Grigorii" or "my dearest Grigorii", translation formulae which are no more than adequate at best. Diminutives of common, as distinct from proper, nouns are even more difficult to render, the epithet "little" being unable to render the connotations of the Russian grammatical form. Thus Tat'iana's *именьице* (Chapter 27) will simply be her "estate" in English, while her *домик* will remain a "house" rather than a "little house". The same, somehow unsatisfactory, strategy will be used to translate, elsewhere in the novel, *немчик*, *офицерчик* and *мундирчик*. However, diminutives which actually do refer to small size, rather than emotional attitude, are perfectly translatable. Thus when, in Chapter 27, there is a reference to the grotesque Bambaev's *глазки*, "little eyes" is a good, indeed is the only possible, translation.

Brief mention may be appropriate at this point of four further features of Russian which seem to defy translation into English

1) Nouns marked for gender in Russian, but unmarked in English. In this novel we find *аристократка*, *путешественница*, *смиреница*, *соотечественница*, *спутница*, *шутовка*, *чудачка* and *щеголиха*. With

¹ See my review [13].

² When, at the end of Chapter 19, Litvinov finally uses this form of address to his fiancée, Turgenev specifically comments on it: «Он в первый раз в тот день назвал ее этим именем». The Anglophone reader may not necessarily understand the connection between the forms "Tat'iana" and "Tania", the more so because, in English, "Tania" is often a name in its own right. Further footnoting may well result.

these words, attempts to indicate gender (“lady aristocrat”, “female clown” and similar formulations) are doomed to failure.¹

2) The perfective verb + *было* construction when it is used, as it is on at least three occasions, to denote “the reversal or abandonment, often through interruption, of an action or process which has just begun.”² For example, after the remark about Saxon Switzerland, quoted above, come the words *начала было Капитолина Марковна...* Russian here, as elsewhere with the use of prefixed verbs, such as *привстать* and *приподняться*, is capable of nuances which English is unable easily to convey.

3) A group of words and phrases for which any dictionary definition is almost always inadequate (long-suffering translators might term this the “toska” group). The point can best be made by focusing on one innocuous looking verb which occurs several times in this text, and indeed, in most other Russian texts: the verb *задуматься* in its various forms. The meaning is clear, but very difficult to convey without falling into such clumsy phraseology as *fell to musing*; *became/grew pensive/contemplative/thoughtful*; *plunged into thought*.³

4) Occasionally the translator encounters situations where either the source language or the target language makes a distinction which the other language does not. A case in point concerns the words *княгиня* and *княжна*, both of which occur in Chapter 1. English does not distinguish between married and unmarried princesses, which compels the translator either to ignore the distinction or, in a somewhat clumsy alternative, to indicate marital status. In the same way Russian does not make the distinction between a *wood* and a *forest* which English makes to distinguish a relatively small piece of woodland from a much larger piece. Thus, when, in Chapter 2, Turgenev describes the extensive (*многоземельна*)⁴ Litvinov estate as being *с...лесами*, which word should the translator choose? H. Stevens, an Englishman, opts for *forests*, even if

¹ To these may be added *подруга*, for which “girl friend” is a misleading translation. Its primary meaning implies a man-woman relationship; its secondary meaning, indicating a friendship between women, is a modernism.

² See [14].

³ For the record, the solution to this problem may lie in the verb *to ponder*, perhaps with a direct object such as *this* or *the question*. Other possibilities are *to reflect to mull over*, *to think [about]* or the admittedly rather old-fashioned English *to think on [this]*.

⁴ The word *многоземельна* poses a problem in itself. Does it simply mean “extensive” or does it mean that the estate consisted of many separate parcels of land? Or a mixture of both?

it seems somewhat unlikely to Anglophone ears that a single estate would comprise several forests. On the other hand this translation chimes with the English notion, not entirely unjustified, that Russia is a land of forests. Natalie Duddington, a Russian, opts for *woods*. I find this the more preferable translation, although perhaps the vaguer word *woodlands*, which can be small, medium or large, fits the bill best.¹

Moving from the general to the particular, an idiosyncrasy of Turgenev's style which seems particularly marked in this novel, is his predilection for what might be termed "doublets" i.e. pairs of words, with almost identical meanings. These doublets can be adverbs (*бодро и смело; безответно и безотчетно; плохо и вяло*), adjectives (*в точном и строгом смысле; прошедшее, весьма незатейливое и несложное*), verbs (*хлопотать и работать; черты скривлялись и сдвинулись*), or nouns (*к укрощению, к смягчению всяких грубых звуков; с отчаянными заклинаниями и мольбами*). It is not part of modern translation practice to "improve" an author's style, and there are enough near-synonyms in English to cope with this phenomenon. Even when Turgenev plainly repeats himself, as he does when he describes Tat'iana's *домик* as *новенький, только что построенный*. Leaving aside the untranslatable diminutive adjective, it is difficult to imagine a "new house" that has not "just been built"! The translator has little choice here but to follow suit.

Every translation belongs to its age and every new translation contains words which belong to that age. Modernisms, which are, by definition, anachronistic, can in my view, when used judiciously sparingly, enhance a translation and bring it alive for the modern reader. I have, accordingly, risked *fashion icons* for *моды образцы*, if only because Pushkin boldly scatters modernisms through *Евгений Онегин*, which is the source of this quotation. I also tentatively offer *knowhow* (rather than the safer *knowledge*) for the *познания* which Litvinov acquires in the course of his studies in Europe, *career outside the state sector* for *не коронная служба* and *shambolic* for *безалаберный*.

In conclusion, let us return to the final chapter of the book, to Russia in 1865. Here, in a novel which throughout has a multilingual, multicultural texture, which is a challenge for any translator, there is an

¹ Historically, the word *forest* denotes a Royal hunting ground. Such places as Windsor Great Forest and The New Forest contained woodland, but not exclusively so.

extraordinary twist in the plot when the Gubarev brothers (the elder of whom is a kind of comic *deus ex machina*) summon *Мусье Ростон*. It turns out that Monsieur Roston (the name is, perhaps significantly, written in Cyrillic letters) is none other than Bambaev, whose correct surname the brothers, forgetting their Gallic aspirations, shortly bawl out. Litvinov had assumed, reasonably enough, that Monsieur Roston was a Frenchman but Bambaev explains the situation. He has fallen on hard times and is now general factotum to the Gubarevs. «А во французы я попал так, для шутки». The joke is compounded by the fact that of all the French spoken in the book, none is spoken by Bambaev. For Turgenev, a fluent speaker of French, France, its literature, language, culture and, to a degree, politics, was something he admired. The misuse of French by the aristocrats, military types and pseudo-intellectuals of Baden-Baden is, for Turgenev, as for Lev Tolstoy, a “disapprobation indicator”.

Four hundred years before the present words were written the matchless King James Bible was published. In their preface to their readers the 54 translators wrote:

Truly...we never thought from the beginning, that we should need to make a new translation, nor yet to make of a bad one a good one... but to make a good one better, or out of many good ones, one principal good one, not justly to be excepted against; that hath been our endeavour, that our mark.

It is a sound principle. In attempting to make decisions on the problems thrown up by Turgenev's text, as outlined above, I have, of course, consulted previous translations. Whether I have improved upon them and made “one principal one” will be for others to judge. A more realistic hope is that future translators of *Smoke* will incorporate some of my translation in their new translations.

Bibliography

1. Pursglove M. On a New Translation of «Отцы и дети»: Michael Pursglove (Translator) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып.11. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2010. С. 89-101.

2. Waddington P. Ivan Turgenev and Britain. London: Berg Publishers, 1995. 302 p.

3. Феклин М.Б. Образ России в жизни и творчестве переводчицы Констанц Гарнетт // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 10. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2008. С. 222-238.
4. Garnett C. (translator) *Smoke* // Электронный ресурс Интернет: www.ibiblio.org/eldritch/ist/smoke.htm
5. O'Brien E. "My hero: Constance Garnett" // Электронный ресурс Интернет: www.guardian.co.uk/books/2011/jan/22/constance-garnett-hero-edna-obrien?INTCMP=SRCH
6. Pursglove M. Dulcis fumus patriae: Tiutchev, Turgenev and *Smoke* / J.Andrew, D.Offord and R. Reid (eds.), *Turgenev and Russian Culture*. Amsterdam and New York: Rodopi, 2008. P. 285-300.
7. Коротких Ю.Г., Кокин А.М. И.С. Тургенев – мастер перевода // Чествуя филолога. Орел, 2002. С. 312-321.
8. Коротких Ю.Г., Кокин А.М. Мастер эпистолярного жанра (немецкий язык в письмах И.С. Тургенева Полине Виардо) // Лексика и лексикография. Вып. 20. М., 2009. С. 96-99.
9. Tolstoy L. *War and Peace* / translated by A.D.P. Briggs. London: Penguin Books, 2005. 1392 p.
10. Tolstoy L. *Childhood, Boyhood, Youth*, translated by Dora O'Brien, Richmond: Oneworld Classics, 2010. 364 p.
11. Tsyupkin L. *Summer in Baden-Baden* / translated by Roger and Angela Keys. London: Penguin Books, 2006. 285 p.
12. Муратов А.Б. И.С. Тургенев после «Отцов и детей». Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1972. 144 с.
13. Pursglove M. review of *Childhood, Boyhood, Youth* / translated by Dora O'Brien). *East-West Review*, 9, 3, 25, Winter 2010. P. 21-22.
14. Wade T. *A Comprehensive Russian Grammar*. Oxford: Blackwell Publishers, 1992. 516 p.

Сведения об авторе

Майкл Пэрсглов (Michael Pursglove)
переводчик русской классической литературы
на английский язык, Великобритания
E-mail: dmpurs@yahoo.co.uk

УДК 81'253

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСТНОГО ПЕРЕВОДА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Т.В. Иванова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются основные подходы к оценке качества перевода и обосновывается вывод о том, что с точки зрения коммуникативно-функционального подхода основным критерием качества устного перевода является соответствие результата переводческой деятельности потребностям и ожиданиям участников коммуникации, осуществляющих совместную предметную деятельность в рамках определенной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональный подход, устный перевод, коммуникативная ситуация.

Assessment of Interpreting: Communicative Approach **Tatiana Ivanova**

The article highlights the main approaches to interpreting assessment and proves that according to the communicative-functional approach the principal criterion of interpreting quality assessment is the conformity of the interpreting to the needs and expectations of interlocutors who are engaged in a common activity in a specific communicative situation.

Key words: communicative-functional approach, interpreting, communicative situation.

При существующей в настоящее время интенсивности международных контактов переводческий рынок является огромным сектором сферы услуг. Однако при этом не существует единого подхода к тому, по каким критериям должно оцениваться качество предоставляемых услуг. Вряд ли специалисты в области гостиничного сервиса затруднятся с ответом на вопрос, как отличить хорошую гостиницу от плохой. Специалисты-медики могут навскидку назвать перечень факторов, позволяющих определить уровень и качество услуг, оказываемых учреждением здравоохранения. И в своей оценке они вряд ли разойдутся во мнениях с непосредственными получателями этих услуг – туристами или пациентами больницы. С переводом же сложилась такая ситуация, что и теоретики, и практикующие переводчики зачастую спорят о том, какие критерии следует ставить во главу угла, определяя качество перевода. Возьмем,

к примеру, выдержку из классического для отечественного переводоведения труда В.Н. Комиссарова: «К оценке перевода можно подходить с разных сторон. Прежде всего, может оцениваться степень эквивалентности перевода оригиналу. Во-вторых, объектом оценки может быть степень сложности задач, решаемых переводчиком при достижении эквивалентности. И, наконец, можно попытаться оценить достоинства перевода (его «ценность») с точки зрения достижения той цели, ради которой был создан текст перевода» [1. С.190].

Попробуем взглянуть на эти критерии с точки зрения участников коммуникации, скажем, предпринимателей – участников переговоров. Степень эквивалентности перевода оригиналу им неизвестна, так как, не владея языком, сравнить оба текста они не в состоянии. Кроме того, подобные вопросы лингвистического плана им, скорее всего, неинтересны. Сложность задач, решаемых переводчиком, их также мало волнует, поскольку в тот же самый момент коммуникации они решают свои собственные задачи, кроме того, они для того специально и пригласили профессионала, чтобы он эти переводческие задачи решал. Опять-таки, оценить эту сложность они в силу названных причин не могут. И только последний критерий – то есть то, насколько перевод помогает им, не владеющим иностранным языком и вынужденным прибегнуть к посредничеству, решить стоящие перед ними как участниками коммуникации задачи, – может использоваться участниками коммуникации для оценки качества перевода.

Существующие подходы к оценке качества перевода предполагают преимущественно сопоставление двух текстов – оригинала и перевода. Их сравнение происходит, как правило, без учета или с очень поверхностным учетом ситуации, в которой создавались оригинал и перевод. В то же время коммуникативная ситуация имеет огромное влияние на форму и содержание как оригинала, так и перевода.

В данном случае мы рассматриваем прежде всего ситуацию двуязычной коммуникации с использованием устного перевода (КСП(У)). При моделировании КСП(У) за основу можно принять схему коммуникативного акта, предложенную Р. Якобсоном, предполагающую участие в акте коммуникации *адресанта* и *адресата*, где от первого ко второму направляется *сообщение*, реализованное с помощью *кода*. *Контекст* в модели Якобсона связан

с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой. Понятие *контакта* связано с регулятивным аспектом коммуникации [2. С.197-203].

Однако не следует забывать о том, что любая коммуникативная деятельность не является самоцелью. Потребность в речевой коммуникации возникает тогда, когда люди сталкиваются друг с другом в ходе осуществления своей предметной (в частности, профессиональной) деятельности и появляется необходимость скоординировать эту деятельность для ее успешного осуществления. Таким образом, назначение речевой коммуникации состоит в знаковой координации деятельности людей [3. С.23]. Предметная деятельность коммуникантов представляет собой как бы широкий контекст коммуникативной ситуации.

В ситуации двуязычной коммуникации, когда адресант и адресат являются носителями разных языков и в силу этого нуждаются в посреднике, структура акта коммуникации усложняется: во-первых, на сцену выходит новое действующее лицо, т.е. переводчик; во-вторых, появляется второе сообщение (текст перевода – ПТ). Фактически коммуникативный акт распадается на два этапа: 1) коммуникация между автором ИТ (адресант) и переводчиком (адресат); 2) коммуникация между переводчиком (адресант) и получателем ПТ (адресат), из суммы которых складывается третий этап: коммуникация между автором ИТ (адресант) и получателем ПТ (адресат), в ходе которого сообщение претерпевает изменения, связанные со сменой кода (исходный язык – переводящий язык).

Однако эта схема была бы неполной без учета еще одного важного элемента двуязычной коммуникации – заказчика, т.е. инициатора перевода, в качестве которого может выступать как один из непосредственных участников акта коммуникации, так и стороннее лицо. Именно инициатор перевода формулирует те прагматические целеустановки, на которые ориентируется переводчик при выборе переводческой стратегии.

Совокупно все указанные элементы двуязычной коммуникации, т.е. адресант ИТ, адресат ИТ (если коммуникативная ситуация предполагает его наличие), переводчик, адресат ПТ и инициатор перевода составляют т.н. «переводческую констелляцию», идею которой первым сформулировал М.Я. Цвиллинг [4. С.42]. Причем основным ее элементом является именно переводчик,

обеспечивающий связь между остальными участниками коммуникации. Без него это «созвездие» распадется в беспорядочную «звездную россыпь», не складывающуюся в общий рисунок.

Традиционный коммуникативно-функциональный подход подразумевает, что для перевода характерна «установка на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемая различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [5. С.75]. Иными словами, текст перевода должен реализовывать коммуникативную интенцию автора исходного сообщения и оказывать на своего получателя воздействие, сходное с воздействием со стороны оригинала на получателя, говорящего на ИЯ [6. С.109-124]. Однако далеко не каждая КСП(У) предполагает наличие получателя ИТ. На международных конференциях или семинарах и тренингах, проводимых зарубежными специалистами, ИТ изначально предполагается только для перевода, получатель ИТ отсутствует в принципе. Соответственно, сравнить произведенный на получателя переводом коммуникативный эффект не с чем. В такой ситуации необходимо искать какой-либо другой ориентир для оценки качества перевода. И в качестве такого ориентира должна служить коммуникативная интенция автора ИТ.

Вступая в общение, каждый человек преследует некую цель. Процесс коммуникации не является самоценным, коммуниканты используют речевое общение для координации своей предметной деятельности (деловые переговоры для организации сотрудничества компаний, научные конференции для обмена мнениями по исследовательским проблемам, экскурсии для расширения кругозора и т.п.). Автор ИТ при этом будет ориентироваться на совершенно конкретного получателя, учитывая его личностные особенности, эмоциональное состояние, уровень интеллектуального развития и ряд других факторов, поскольку «первичная коммуникативная деятельность также не есть только производство знакового инструмента воздействия: она одновременно есть и взаимодействие общающихся субъектов, поскольку отправитель сообщения имеет, формирует и использует в процессе деятельности идеальную модель личности собеседника и его деятельности, часто усредненную и стереотипную, но нередко и весьма конкретную, отражающую

индивидуальные свойства, который оказывается не только объектом, но и субъектом речевого взаимодействия» [3. С.29].

В целом можно сказать, что целью перевода является обеспечение коммуникации между разноязычными коммуникантами. Однако что конкретно будет пониматься под состоявшейся коммуникацией в каждой отдельно взятой КСП(У), определяется параметрами этой ситуации и целевыми установками участников коммуникации. От этих факторов зависит и выбор переводчиком переводческой стратегии. Соответственно, при оценке качества перевода следует исходить из того, насколько переводчику удалось выполнить эти целевые установки в условиях данной коммуникативной ситуации и насколько выбранная им переводческая стратегия была эффективна для достижения цели коммуникации.

В устной коммуникации переводчик привязан непосредственно к данной ситуации, поскольку устная коммуникация предполагает конкретную ситуативность, текст перевода рассчитан, как правило, на однократное предъявление и восприятие и не фиксируется. Соответственно, переводчик выполняет только одну конкретную стоящую перед ним задачу обеспечить коммуникацию «здесь и сейчас» без оглядки на возможное восприятие текста перевода другими лицами, кроме непосредственно задействованных в данный момент участников коммуникации.

КСП(У) предполагает, как и любая коммуникативная ситуация в принципе, взаимодействие между коммуникантами. Причем речь идет именно о «взаимном воздействии», поскольку процесс порождения, передачи и восприятия сообщения никак нельзя свести только к одному вектору воздействия адресант → адресат. С одной стороны, адресант в процессе порождения текста сообщения (первичная коммуникативная деятельность) ориентируется на получателя и старается учесть его особенности и спрогнозировать коммуникативный эффект; с другой стороны, и адресат сообщения в процессе смыслового восприятия текста (вторичная коммуникативная деятельность) не только пассивно воспринимает информацию, но и интерпретирует ее, исходя из своих знаний, опыта, ценностей и стереотипов [3. С.29].

Вступая в коммуникацию, каждый из коммуникантов преследует определенную цель, определяемую его предметной деятельностью и продиктованными этой предметной деятельностью

конкретными задачами: адресант стремится донести до собеседника какую-либо информацию, побудить его к определенным действиям (речевым и неречевым), либо вызвать некие эмоции. Адресат, в свою очередь, должен извлечь информацию, понять, какие действия от него требуются, или эмоционально отреагировать на высказывание. При этом каждый из них выступает и как объект, и как субъект речевого взаимодействия. В зависимости от реакции адресата адресант делает вывод об успешности или неуспешности акта коммуникации. В КСП(У) адресант по тому, удалось ли достичь необходимого воздействия на адресата, т.е. направить его предметную деятельность в соответствии с намерениями автора ИТ, судит, соответственно, и о качестве перевода.

Для адресанта, вступающего в коммуникативную ситуацию с какой-либо определенной задачей, переводчик является как бы продолжением его самого, т.е. задача переводного текста, с его точки зрения, аналогична его собственной коммуникативной задаче. Перевод будет признан им успешным при условии, что эта задача (насколько сам коммуникант в состоянии судить) выполнена.

Таким образом, для адресанта исходного текста критерием оценки качества перевода является соответствие коммуникативного эффекта, произведенного текстом перевода, тому коммуникативному эффекту, который он рассчитывал достичь своим высказыванием, т.е. соответствие коммуникативного эффекта, произведенного на получателя ПТ, его коммуникативной интенции. Иными словами, он следит за реакцией собеседника, и если эта реакция соответствует его ожиданиям, он удовлетворен качеством перевода. Эта реакция может быть как вербальной (уточняющие вопросы, просьбы повторить сказанное и т.д.), так и невербальной (например, смех как реакция на шутку, выражение недовольства как реакция на резкую критику), причем для обратной связи используются разные каналы: вербальная реакция доходит до адресанта ИТ через переводчика, а невербальная непосредственно от адресата ПТ к адресанту ИТ. Заметим, однако, что все это справедливо лишь применительно к коммуникативным ситуациям с контактными расположением коммуникантов.

В то же время для адресата сообщения переводчик является продолжением, как бы «голосом» адресанта, что проявляется в том, что адресат стремится воспринимать текст перевода как полное соответствие тексту оригинала и исходит из того, что эффект,

производимый текстом перевода, является тем эффектом, который стремился достичь автор исходного сообщения. Имеет место функциональное, содержательное и структурное (в устном переводе в меньшей степени) отождествление перевода с оригиналом [7. С.43-44]. Кроме того, вступая в коммуникацию, адресат ПТ имеет некое представление о параметрах данной коммуникативной ситуации: тематике общения, личности адресанта, характере отношений, в которые он вступает – и исходя из этого представления настраивается на восприятие информации. Соответственно, качество перевода удовлетворяет адресата в той мере, в которой для него сохраняется это впечатление единства коммуникативной ситуации. Если впечатление целостности нарушается и коммуникант начинает ощущать, что что-либо в ПТ идет вразрез с его представлением о параметрах данной коммуникативной ситуации (например, в ситуации протокольного общения неопытный переводчик допускает грубое нарушение речевого этикета), он начинает искать источник этого «коммуникативного дискомфорта» – и, как правило, останавливается на гипотезе, что это «переводчик что-то напутал».

Успех или неуспех любого акта коммуникации зависит от коммуникативной компетенции всех его участников: умения правильно сформулировать и подать мысль, логически выстроить и риторически оформить высказывание, умения извлечь из высказывания информацию (эксплицитную и имплицитную), и т.д. Если один или оба коммуниканта не обладают достаточной компетенцией, коммуникация затрудняется, восприятие информации искажается, и желаемый адресантом коммуникативный эффект не может быть достигнут, по его вине или по вине адресата. Еще одним фактором, влияющим на успех коммуникации, является предметная компетенция коммуникантов, т.е. степень владения информацией о предмете разговора.

В ситуациях межъязыковой коммуникации, в том числе и в КСП(У), передача информации проходит как бы в два этапа, с переводчиком в качестве «перевалочного пункта», поэтому риск подобных искажений возрастает, если коммуникативная или предметная компетенция переводчика ниже компетенции коммуникантов: не владея соответствующим специальным вокабуляром, не разбираясь в теме общения, переводчик может допустить искажение смысла, информационные потери. С другой

стороны, опытный и квалифицированный переводчик может восполнить потери, вызванные недостаточной коммуникативной и даже предметной компетенцией коммуникантов. Следует отметить, что адресат сообщения, воспринимающий текст перевода как тождественный тексту оригинала, не может знать о дефектах ИТ, который он не понимает, поэтому, если он замечает в ПТ какие-либо несообразности, он приписывает их ошибке переводчика.

Таким образом, поскольку переводческая стратегия в той или иной двуязычной коммуникативной ситуации определяется целым рядом параметров этой ситуации, невозможно оценивать качество перевода в отрыве от коммуникативной ситуации и характерной для нее цели коммуникации. Выработывая стратегию перевода, переводчик принимает во внимание цели, задачи, ожидания и т.п. участников коммуникации в условиях данной коммуникативной ситуации. Соответственно, только они сами могут определить, насколько в процессе коммуникации их цели и ожидания были реализованы. Коммуниканты, выступающие в качестве адресанта ИТ и адресата ПТ, являются непосредственными объектами переводческой деятельности и чувствуют «изнутри», как функционирует перевод в условиях той или иной коммуникативной ситуации. В связи с этим представляется, что именно их оценка качества перевода, как непосредственных заинтересованных участников процесса перевода, является наиболее ценной с прагматической точки зрения и представляет собой интерес для разработки критериев оценки перевода и методов его оптимизации.

Библиографический список

1. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения. 1973. 215 с.
2. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С.193-230.
3. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: ЛКИ, 2008. 228 с.
4. Цвиллинг М.Я. Конstellационная модель перевода // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Материалы Первой межд. науч. конф. «Проблемы теории, практики и дидактики перевода», 9-11 апреля 2007 г. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.9. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007. С.20-21.

5. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

6. Сдобников В.В. Адекватность и эквивалентность как критерии оценки качества перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сб. науч. трудов. Часть 1. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1997. С. 109-124.

7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Сведения об авторе

Иванова Татьяна Васильевна
старший преподаватель кафедры
теории и практики немецкого языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова,
член Союза переводчиков России
E-mail: tavi@rambler.ru

УДК 81'253

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫХОДНОГО СООБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АДЕКВАТНОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

К.Е. Калинин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются прагматические аспекты деятельности устного переводчика в плане его взаимодействия с прямыми и косвенными участниками переводческой ситуации. Исследуется роль презентации выходного сообщения в устном переводе с точки зрения реализации целевой установки третьих лиц.

Ключевые слова: теория перевода, адекватность, модель «скопос», презентация, «терциарный» перевод.

Presentation in Interpreting Adequacy

Kirill Kalinin

This article is concerned with pragmatics of an interpreter's interactions with those involved directly and indirectly in the interpreting situation. It dwells on the role of the interpreter's presentation skills in meeting the objectives of third persons.

Key words: Translation/Interpreting theory, adequacy, Skopos theory, presentation, "tertiary" translation/interpreting.

Эволюция понимания *адекватности* в переводоведении – от целостной и точной передачи содержания подлинника (Я.И.Рецкер) через равноценность регулятивного воздействия (Л.К. Латышев) и динамическую эквивалентность (Ю.Найда) к восстановлению *текстом* исходного текста (Г.Тури) – не является предметом настоящей статьи. Адекватность, понимаемая как основной критерий качества перевода, рассматривается здесь как функция от реализации цели, стоящей перед переводчиком. В статье мы опираемся, в частности, на положения известной *скопос-теории* (К.Райс, Х.Фермеер, К.Норд), в свете которой, если не задана цель создания перевода, его выполнение, вообще говоря, невозможно [1. С.237], и любые рассуждения о его качестве становятся бессмысленными.

Скопос-теория обуславливает возможность широкого взгляда на то, откуда берется, либо чем или кем определяется цель создания перевода. Как пишет Кристиане Норд, функция текста перевода не выводится автоматически из анализа текста оригинала, а

прагматически обуславливается целями межкультурной коммуникации [2. С. 9]. И здесь видится выход на конкретные переводческие ситуации во всем их многообразии. Причем, такое многообразие связано именно с вариативностью прагматических установок, когда один и тот же текст можно перевести различными способами в зависимости от характера стоящей перед переводчиком задачи. Тогда о качестве перевода в каждом отдельном случае можно судить исходя из того, насколько успешна была выполнена та или иная конкретная задача. Соответственно, каждый из таких переводов одного и того же текста может оказаться высокого качества – именно вследствие его *адекватности* поставленной цели.

Однако следует признать, что и в рамках одного коммуникативного события, в которое вовлечен переводчик, можно говорить о множественности целей его участников, что вносит дополнительные параметры в представление ситуации и, к сожалению, осложняет дело. Описать такое положение вещей можно, вслед за М.Я. Цвиллингом, при помощи понятия *переводческая констелляция*, которое определяется как «конфигурация взаимоотношений между прямыми и косвенными участниками процесса перевода, отражающая влияние их целевых установок на его конечный результат» [3. С. 40]. Итак, теперь у нас не просто есть цель создания перевода – появилось сразу несколько целей: за счет подключения неких косвенных участников. Если прямыми участниками можно считать лиц, чьи роли укладываются в схему: Отправитель сообщения на ИЯ – Переводчик – Получатель сообщения на ПЯ, то в качестве косвенных участников можно рассматривать тех, кто находится вне этой схемы, но в то же время имеет отношение к ситуации перевода. Очевидно, речь может идти о заказчике, или инициаторе, перевода. Перевод, выполняемый в интересах такого лица, стало принято называть терциарным [4. С.154]. Автор термина М.Я. Цвиллинг указывает, что таковым можно назвать значительную часть переводов эпоса, фольклора, художественной литературы современного типа, различных архивных документов, памятников древней письменности и т.д. [4. С.154]. Все эти случаи объединяет то, что в отсутствие непосредственного контакта между автором исходного текста и предполагаемым получателем перевода прагматическая установка задается извне; перевод выполняется по заказу, в котором могут быть четко

определены ожидания заказчика – например, издателя. О.В.Петрова отмечает факты смены адресата при переводе, скажем, книг о Робинзоне Крузо [5. С. 19], когда под влиянием политики издательства произведение социально-философской направленности в переводе оказалось ориентированным на подростковую аудиторию.

Влияние косвенных участников на формирование общей прагматической картины коммуникативной ситуации регулярно прослеживается и в устном переводе. Здесь в качестве заинтересованных «третьих лиц» выступают организаторы мероприятий, в формате которых предусмотрен устный (последовательный или синхронный) перевод. Зачастую организаторы сами не являются участниками переводческих ситуаций, то есть, например, не делают докладов и не присутствуют в зале в роли адресата сообщения. Они, как пишет В.В. Сдобников, создают условия для обеспечения взаимопонимания коммуникантов [6. С. 34]. С ними переводчик заключает договор, они оплачивают его услуги, снабжают необходимыми материалами, предоставляют оборудование (если используется синхронный перевод), транспорт и т.п. Можно ли говорить о том, что заказчик преследует определенную цель по отношению к ситуации перевода, и достижение этой цели – дело переводчика?

Организатор, или, как он назван у В.В. Сдобникова, «лицо, ответственное за проведение мероприятия» [6. С. 34], конечно, может находиться в зале, где проходит, к примеру, конференция. Однако этот факт не приравнивает его к адресатам сообщения, представляемого докладчиком. С точки зрения большинства присутствующих в зале, цель перевода – передача информации, содержащейся в выступлении (ср.: [6]): специалисты, собравшиеся на конференции, хотят узнать позицию своего коллеги. Они внимательно слушают перевод, стремясь проследить логику докладчика, понять его аргументацию и т.д. Организатор же обращает при этом внимание несколько на другие вещи. По сути, его основная задача состоит в том, чтобы конференция прошла успешно, гладко – одним словом, хорошо. По большому счету, его может совершенно не интересовать содержание доклада, особенно если он далек от его тематики. Ему важно, чтобы встреча прошла, как говорится, в теплой, дружественной атмосфере, чтобы был соблюден регламент, чтобы участники остались довольны и, желательно, в конце отдельно

поблагодарили организаторов за высокий уровень организации и проведения мероприятия. Представляется, что подобного рода цели действительно имеют место; они дополняют собой переводческую констелляцию и, стало быть, требуют учета при переводе. В чем же заключается этот учет, и как он сказывается на адекватности перевода в ее телеологическом понимании?

Для ответа на поставленный вопрос требуется выяснить, что конкретно предполагает вышеупомянутая «гладкость». Уточним, что гладкость – это отсутствие сбоев, то есть действия в рамках запланированного, ожидаемого развития событий. Сбой происходит всякий раз, когда какое-либо действие выбивается из этих рамок. Например, если доклад переводится поабзацно, аудитория ожидает, что после того, как оратор озвучит фрагмент текста своего доклада, слово практически сразу возьмет переводчик и будет говорить примерно такое же количество времени; причем говорить в соответствующем темпе (не слишком быстро, но и не слишком медленно, без ненужных пауз), достаточно громко и отчетливо – так, чтобы перевод был понятен аудитории.

К слову, аналогичные требования в плане презентации выступления применимы и к оратору. Нарушения формальных (например, произносительных) норм заставляют речь звучать для адресата неестественно, перебивая настрой на восприятие информации. Отклонения от ожидаемой адресатом нормы смещают внимание аудитории с содержания речи на ее форму. Как следствие, от получателя ускользает смысл сообщения, он не воспринимает в полной мере интенций отправителя, что снижает степень успешности коммуникации.

Презентация выходного сообщения в устном переводе тем же образом оказывает воздействие на получателей перевода, что и речь оратора в условиях одноязычной коммуникации. Поэтому реализация интенций адресанта при его обращении к иноязычной аудитории зависит не только от собственно переводческих умений, но также и от презентационных навыков переводчика. Соответственно, качество подачи перевода выглядит существенным фактором его адекватности поставленным целям.

Приведем в качестве иллюстрации фрагменты аудиозаписи, сделанной на одном из пленарных заседаний в рамках международного форума «Великие Реки» (Нижний Новгород, 18-

21.05.2004). В анализируемой ситуации оратор зачитывал текст по небольшим абзацам, и в течение этого времени находившийся рядом переводчик имел возможность просмотреть соответствующий абзац, который он затем переводил с листа.

В одном случае переводчик, сосредоточившись на переводе одного слова, явно испытывал неуверенность, и аудитория не могла не почувствовать этого. Оратор произнес: “I am pleased to acknowledge that numerous initiatives have already been launched by the international and Russian scientific communities as a result of this pioneering project”. В реплике присутствует словосочетание “pioneering project”. Аудиозапись свидетельствует о том, что это выражение послужило причиной небольшого сбоя у переводчика: «И, как результат данного проекта, который стал пионером, поистине, пионером в своей области [пауза], российские [пауза] и [пауза] международные [пауза, далее скороговоркой] ученые в России и в других странах уже начали [пауза] большое [пауза] количество [далее интонация постепенно понижается, сходя к концу фразы практически на нет, голос становится тише] научно-исследовательских проектов, продолжающих «Видение Волги». Заминку вызвало обдумывание слова “pioneering”, а после того, как предпочтение было отдано буквальному варианту перевода, возникла необходимость передать словосочетание “international and Russian scientists”. Потратив время на перевод “pioneering”, переводчик «потерял из вида» структуру высказывания в целом, поэтому, в условиях дефицита времени, ему пришлось продолжать перевод, обдумывая возможные трансформации в отдельной фразе уже по ходу ее звучания. Это привело к исправлению в середине реплики, после чего переводчик, почувствовав неуверенность, смазал интонационный рисунок реплики и довел ее до конца уже на пониженных тонах.

Однако просодия не только создает помехи для восприятия информации. Использование интонационных возможностей в ряде случаев маскирует собственно переводческие ошибки. В предыдущем примере, несмотря на присутствие неуверенности в речи переводчика, содержание реплики было передано достаточно полно. Иначе дело обстоит с переводом следующего фрагмента: “This is only legitimate since this demonstration project was first conceptualized here, in Nizhny Novgorod, during a previous Great River Forum, with our colleagues of the UNESCO Chair, as well as other research agencies and Russian

scientists”». Перевод выглядел так: «И участие ЮНЕСКО именно в данном форуме совершенно не исключает, поскольку именно здесь появилась концепция данного проекта в течение одного из предыдущих форумов «Великие Реки» совместно с нашими коллегами с кафедры ЮНЕСКО, а также с другими исследовательскими институтами и учеными Российской Федерации». После слов «и участие ЮНЕСКО именно в данном форуме совершенно не исключает...» теряется не только мысль оригинала, но и связь с предыдущим высказыванием. Вероятно, переводчик долго думал над словом “legitimate” и, не найдя эквивалента, попытался завершить синтагматический отрезок, но в результате лишь оборвал фразу.

Причиной ошибки, как и в рассмотренном выше примере, стало сосредоточение внимания переводчика на отдельном слове, в данном случае “legitimate”. Однако стоит отметить следующий момент. Вовремя осознав, что конец первого синтагматического отрезка в переводе «повиснет в воздухе», переводчик совершил вынужденную «подмену» логической связи, выделив лексически и интонационно последующую часть как причину, что, в принципе, соответствует структуре оригинала. При этом, после незавершенной по смыслу первой части реплики, паузы не последовало, и все высказывание было произнесено ровным, уверенным голосом, что спасло переводчика от недовольства аудитории.

Презентация устного перевода должна способствовать восприятию аудиторией информации, которую передает оратор. Во всяком случае, не должна ей препятствовать. В этом залог того, что в западной традиции называется верностью (“loyalty”) – причем, как по отношению к самому выступающему, так и к тому, в чьих интересах обеспечить проведение мероприятия на достойном уровне. Переводя очередной доклад, переводчик действует «в связке» не только с докладчиком, но и с организатором конференции; его присутствие само по себе является атрибутом международной встречи, и общее мнение ее участников во многом зависит от качества его работы. Разумеется, задача, которая в таком ключе стоит перед переводчиком, не подменяет собой необходимости грамотно передавать содержание и смысл каждого отдельного выступления с целью донести мысли оратора до аудитории. Можно говорить о том, что «терциарность» перевода в такой ситуации накладывается на непосредственные

задачи устного переводчика, тем самым повышая степень его ответственности. При этом адекватность результатов его работы тем целям, которые задаются прямыми и косвенными участниками процесса, зависит как от умения пользоваться переводческими приемами, так и от навыков подачи выходного сообщения.

Библиографический список

1. Routledge Encyclopaedia Of Translation Studies / Ed. by M. Baker. London and New York: Taylor & Francis Group, 2005. 654 p.

2. Nord Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Methodology, and Didactic Applications of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam: Rodopi, 1991. 284 p.

3. Цвиллинг М.Я. Конstellационная модель перевода // Материалы Первой междунар. научной конф. «Проблемы теории, практики и дидактики перевода», 9-11 апреля 2007 г. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.9. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 40-42.

4. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Межвузов. сб. науч. трудов. Нижний Новгород: НГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1991. С. 151-156.

5. Петрова О.В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 17-23.

6. Сдобников В.В. Типология коммуникативных ситуаций с использованием перевода // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 23-48.

Сведения об авторе

Калинин Кирилл Евгеньевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kirill_kalinin@mail.ru

УДК 811.112.2'255.4:821.112.2(436)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДИМОСТИ И НЕПЕРЕВОДИМОСТИ

И.Р. Перевышина, Т.Н. Дутова

Белгородский государственный университет, Белгород

В статье дается краткий обзор развития теории переводимости и непереводимости, рассматривается понятие «окказионализм» в свете этой теории, а также вопрос о влиянии стилистической информации на смысл художественного текста в целом.

Ключевые слова: переводимость и непереводимость, окказионализм, эквивалент, частичный эквивалент, функциональный эквивалент, лингвистические универсалии.

On the Problem of Translatability and Non-Translatability

Irina Perevyshyna, Tatiana Dutova

The article gives a brief review of translatability and non-translatability theories in their development, considers the concept of "nonce word" in the light of these theories, and examines the influence of stylistic information on the meaning of a work of fiction as a whole.

Key words: translatability and non-translatability, nonce word, equivalent, partial equivalent, functional equivalent, linguistic universals.

Перевод как разновидность языковой коммуникации тесно связан с лингвистикой и включён в круг её важнейших проблем, проблема перевода переплетается с самыми актуальными проблемами современной теории языка. Именно это делает изучение перевода одной из центральных задач не только прикладного, но и теоретического языкознания.

В теории перевода одним из ключевых вопросов является проблема эквивалентности, с которой связаны такие понятия, как теория универсалий, теория переводимости и непереводимости, безэквивалентные номинации в переводе.

В статье мы рассматриваем перевод окказиональной лексики в автобиографической повести австрийского писателя Т. Бернхарда «Причина». Эта лексика имеет достаточно высокую коммуникативно-функциональную весомость в произведении, поскольку повесть Т. Бернхарда изобилует окказионализмами. Окказиональная лексика Т. Бернхарда, в частности, сложные существительные, не только

делают стиль писателя номинативным, но и обладают интересным и неповторимым сигнификативно-ассоциативным планом. Сопоставление оригинального текста и его перевода показывает, что словотворчество автора невозможно воспроизвести в тексте перевода в полном объёме.

Целью исследования является изучение и описание способов и приёмов перевода окказиональных номинаций, выявление абсолютных и частичных безэквивалентных номинаций. Мы попытаемся ответить на вопрос: ведёт ли стилистическая безэквивалентность к сглаживанию стиля исходного текста, к нейтрализации стилистической информации в целом.

Проблема непереводаемости является одной из старейших теоретических проблем перевода. Известно, что в разные эпохи эта проблема решалась по-разному. Так, Лео Вайсгербер в книге «Родной язык и формирование духа» [1] пишет, что любая попытка выйти за узкий круг родственных нам языков показывает, насколько другие языки отличаются от них содержательно, а это, естественно, говорит о том, что носители языков различных языковых семей думают по-разному. При этом даже переводчики близких друг другу языков отмечают, что перевод без искажения самой передаваемой мысли невозможен. Каждый человек словно «врастает» в родной язык, он вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и национального духа, и таким образом, все члены языкового сообщества перерабатывают переживаемое ими сообразно с внутренней формой их родного языка и мыслят и действуют соответственно. Лео Вайсгербер подчёркивает, что тот, кто занимается переводом на иностранные языки, неминуемо сталкивается с фактом понятийного несовпадения слов различных языков. Во многом идеи Вайсгербера восходят к релятивистской концепции В. Гумбольдта. Именно В. Гумбольдт в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1830-1835) [2] выдвинул известный тезис о том, что язык народа есть его дух. Согласно Гумбольдту, каждый язык уникален с точки зрения зафиксированной в нём картины мира, а значит, и способ мышления каждого народа уникален.

Следуя логике вышесказанного, можно резюмировать, что при таком понимании природы языка не может быть и речи о полноценном переводе.

Несколько по-иному проблему переводимости и непереводаемости трактует гипотеза неопределённости перевода, выдвинутая американским логиком и философом Уиллардом Куайном в монографии «Слово и объект» [3]. В самом общем виде теорию Куайна можно свести к тому, что любой перевод является принципиально неопределённым.

По Куайну, мы не можем добиться успеха, отдавая предпочтение какому-либо одному варианту перевода. Неопределённость перевода – это вопрос о том, сколько синонимичных вариаций может быть для перевода того или иного явления. «Традиционная характеристика синонимов как выражений, имеющих одинаковое значение, действительно неопределённа. При рассмотрении явления синонимии Куайн и его сторонники фактически требуют формально строгих критериев для синонимии и идентификации. Однако проблема синонимии не только проблема языковая (семантическая), но прежде всего гносеологическая, и она связана с творческим характером мышления, полифункциональностью естественного языка и его эволюцией» [4. С. 29]. По сути, гипотеза Куайна не направлена на доказательство невозможности перевода, она лишь отрицает возможность тождественного перевода точно также, как и другие разновидности теории релятивизма.

Концепция «универсализм» утверждает наличие общего, универсального в каждом языке, что отвергает тезис о непереводаемости. Как пишет Г. Штайнер, «эмпирически обоснованное убеждение в том, что человеческий разум все же способен осуществлять коммуникацию, преодолевая межъязыковой барьер, является основой универсализма» [5. С. 94].

Языковые универсалии - свойства, присущие человеческому языку в целом (а не отдельным языкам или языкам отдельных семей, регионов и т.д.). Возможность выявить универсальные свойства языка – один из важнейших выводов, к которым пришла лингвистическая наука в последние десятилетия, и одновременно существенная предпосылка большинства современных теорий языка, в том числе, и теории перевода. Весьма показательна в этом отношении трансформационная модель перевода, в основу которой положены идеи трансформационной грамматики: мысль о том, что в основе любого языка лежит ограниченное множество простейших

синтаксических типов предложений – ядерных структур, и что различные языки гораздо больше похожи друг на друга в отношении простейших конструкций, чем в отношении сложных. Позднее вместо «ядерной структуры» появилось понятие «глубинной структуры» как абстрагированной формулы смысла. Ей противопоставлялась поверхностная структура, то есть конкретная репрезентация смысла.

В XX веке в лингвистике всё более отчётливо намечается тенденция к вскрытию и описанию понятийных универсалий, находящих выражение в речи, то есть стремление вскрыть, обосновать и увязать с выразительными возможностями конкретных языков такие универсальные понятийные абстракции, которые являются отражением в психике и в речевой практике человека основных, наиболее существенных и частотных проявлений объективной действительности. В работе И.И. Мещанинова «Эргативная конструкция в языках различных типов» эти абстракции получили название языковых понятийных категорий. А.В. Бондарко называет такие категории функционально-семантическими категориями. Б.М. Балин определяет языковые понятийные категории как «интердисциплинарные абстракции высокого порядка, высокочастотные и универсальные в плане мыслительно-речевого функционирования, возникающие и существующие как результат отражения психики фундаментальных проявлений и отношений объективной действительности. Эти абстракции передаются в разных языках в системе речи, но разным набором средств в зависимости от особенностей системы конкретного языка» [6. С. 28].

Сопоставление оригинальных текстов и их переводов показывает отсутствие полного изоморфизма между планом выражения и планом содержания. Для каждого народа характерны специфические условия материальной жизни, культуры, общественного устройства, то есть каждый народ обращает внимание на разные стороны действительности, действительность часто по-разному отражается в понятиях различными народами. Поэтому естественно, что и понятия, создаваемые при познании этой конкретной исторической действительности, не могут быть однозначными, тождественными, «межъязыковая эквивалентность единиц исчезает сразу же, как только мы опускаемся ниже ранга предложения» [7. С. 44]. При сопоставлении текстов ИЯ и ПЯ в основном наблюдается несовпадение семантических систем и

составляющих эти системы единиц разных языков. Конкретное распределение элементарных единиц смысла (сем или семантических компонентов) по отдельным словам, словосочетаниям, предложениям данного текста, как правило, не совпадает в текстах на ИЯ и ПЯ. Но данное обстоятельство, равно как и отсутствие в ПЯ соответствующих эквивалентов, например при переводе безэквивалентных номинаций, не означает что понятия, выражаемые в ИЯ, не могут быть воспроизведены ПЯ. Реальная действительность, окружающая разные языковые коллективы, едина для носителей языков, поэтому значения в ПЯ могут быть выражены системой разноуровневых средств, что не нарушает принципа функционально-коммуникативной эквивалентности текстов ИЯ и ПЯ.

Действительно, с помощью функциональных эквивалентов в результате адекватной замены возможно воспроизведение информации текста исходного языка. Но будет ли эта информация полной, без потерь? Как влияет потеря стилистической информации на восприятие переведённого произведения в целом? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить, анализируя способы и приёмы перевода окказионализмов в автобиографической повести Т. Бернхарда «Причина». Феномен стиля Томаса Бернхарда неповторим: периоды сложных предложений на две страницы, постоянные различные повторы, игра слов, аллюзии, окказиональные номинации – всё это представляет особую сложность для перевода. Исходный текст насчитывает 29997 слов (под словом мы понимаем последовательность букв, отделённую от другой последовательности букв пробелом). В тексте ПЯ – 17286 слов, и это несмотря на то, что в повести Томаса Бернхарда значительное место занимают окказиональные сложные существительные – скомпрессированные номинации скрытого глубинного смысла. В переводе значение этих окказиональных номинаций либо воспроизводится в результате описательного перевода и различных трансформаций, либо вообще не воспроизводится. В основном для переводчика инвариантным является предметная ситуация, коннотации и ассоциации, заключённые в сложных окказиональных номинациях, как правило, невозможно передать системой равнозначных средств ПЯ из-за отсутствия изоморфизма в потенциальных возможностях словообразовательных моделей ИЯ и ПЯ.

Термин «окказиональность» происходит от латинского слова *occasionalis* – случайный, определяется Г.О. Винокуром как речевое явление, возникающее под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла [8. С. 51].

Основными признаками окказионализмов являются ненормативность, экспрессивность, функциональная одноразовость, творимость, индивидуальная принадлежность.

Окказионализмы Томаса Бернхарда можно назвать структурными экзотизмами, своеобразными словообразовательными моделями ИЯ, отсутствующими или незуальными в ПЯ, не позволяющими создать структурно-адекватные лексические единицы. Они удивляют не только своей необычностью, оценочным характером и экспрессивностью, но и интересной фоновой информацией. Для их интерпретации необходимо знать автобиографию писателя. Автобиография является своего рода первичным текстом по отношению к автобиографической повести, гипертекстом по отношению к тексту. Например, город Зальцбург автор часто называет словом *Mutterstadt* в словосочетании *Mutter-und Vaterstadt*, где препозиция *Mutter-* является неслучайной. Эта окказиональная номинация переведена как «город, родной по отцу и матери». В результате такого перевода искажается не только предметно-логическая информация, но и утрачиваются коннотации, ассоциации автора, не раскрывается его амбивалентное отношение к городу Зальцбургу и к своей матери. Дело в том, что автор, с одной стороны, ненавидит город Зальцбург, атмосфера которого пропитана католицизмом и национал-социализмом, а с другой стороны, восхищается достопримечательностью города и жалеет его в период войны. Неоднозначное отношение у него и к матери, с которой у него никогда не было взаимопонимания. Поэтому словосочетание «город, родной по отцу и матери» в данном случае не может быть ни эквивалентом, ни функциональным эквивалентом. Окказиональная номинация *Mutterstadt* остаётся невоспроизведённой в переводе.

Анализируя окказиональные композиты Бернхарда, можно говорить о выделении таких основных лексико-семантических групп в ИЯ, как *город* и *смерть*. К лексико-семантической группе окказиональных композитов ИЯ относятся, например, такие, как:

Mutter-und Vaterstadt, Lern-und Studierstadt, Charakter-und Geistesentwicklungsstadt, Schönheits- als Verlogensheitsmaschine, Menschengestrüpp, Todesmuseum, Todesboden. К лексико-семантической группе смерть относятся следующие сложные окказиональные существительные: *Selbstmordbegräbnis, Selbstmordgedankenzeit, Selbstmordmeditation, Selbstmordgefügigkeit, Selbstmordgedankenzwecken, Selbstmorddenken, Selbstmordgedanken, Selbstmörderstraße, Selbstmordthema.*

В нижеследующем предложении ИЯ десять окказиональных сложных существительных, в ПЯ воспроизведён общий смысл исходного текста, коннотации, создаваемые необычностью, экспрессивностью и образностью окказионализмов ИЯ утрачиваются в ПЯ, наблюдается выпрямление стилистического значения:

Der in dieser Stadt nach dem Wunsche seiner Erziehungsberechtigten, aber gegen seinen eigenen Willen Aufgewachsene und von früherster Kindheit an mit der größten Gefühls- und Verstandesbereitschaft für diese Stadt einerseits in den Schauprozeß ihrer Weltberühmtheit wie in eine perverse Geld und Widergeld produzierende Schönheits- als Verlogensheitsmaschine, andererseits in die Mittel- und Hilfslosigkeit seiner von allen Seiten ungeschützten Kindheit und Jugend wie in eine Angst- und Schreckensfestung Eingeschlossene, zu dieser Stadt als zu seiner Charakter- und Geistesentwicklungsstadt Verurteilte, ...[9. С.7-8].

Я вырос в этом городе не по своему желанию, по решению своих воспитателей, и с самого раннего детства видел, как все красоты этого всемирно знаменитого города становились предметом спекуляции и наживы, - а с другой стороны, этот город стал для меня тюрьмой, крепостью, где в тоске и страхе проходило моё беспомощное, никем не защищённое детство, где я был обречён расти и развиваться, ... [10. С. 131-132].

Разъяснительный и описательный перевод, являясь приёмами передачи безэквивалентных номинаций, в данном случае также не способствует воспроизведению всех коннотаций, заключённых в сложной окказиональной номинации ИЯ:

Jeden Tag sehnte er sich danach, die ihn vollkommen erschöpfenden Erziehungsqualen im Internat mit dem Aufenthalt in der Schuhkammer unterbrechen, mit der Musik auf seiner Geige diese fürchterliche

Schuhkammer seinen Selbstmordgedankenzwecken nützlich zu können [9. С.13].

Ежедневно он с тоской ждал, когда можно будет уйти от мучительных, до смерти изводивших его занятий в интернате и сбежать в подземелье и там, под звуки скрипки, обдумывать, как бы воспользоваться этой страшной кладовой и покончить в ней самоубийством.... [10. С. 135].

Следующий пример иллюстрирует, что окказиональное образование *Erschöpfungszustand* передано существительным «мучения», т.е. в результате семантической трансформации происходит замена причины на следствие и утрачивается, нейтрализуется стилистическая информация, обусловленная игрой слов и повтором компонента “-Zustand” в сложных словах *Erschöpfungszustand* и *Verletzungszustand*.

... während er selbst noch viel größeren Erschöpfungszustand als einen ununterbrochen Verletzungszustand niemals auch zu einem Augenblick Schlaf machen kann [9. С. 9].

... тогда как он, замотанный до предела, воспринимает свои мучения как незаживающую обиду и ни на минуту заснуть не может [10. С.133].

Даже в том случае, когда переводчик прибегает к такому виду трансформации, как морфологическая трансформация, которая, на первый взгляд, могла бы называться функциональным эквивалентом, наблюдается выпрямление стилистического значения:

Die Nächte sind ihm eine Beobachtungsschule der Verwahrlosung der Schlafsäle in den öffentlichen Erziehungsanstalten und in der Folge überhaupt der Erziehungsanstalten und immer wieder in diesen Erziehungsanstalten, die von ihren Eltern, wie er selbst, aus dem Kopf und aus der Hand in die staatliche Züchtigung gegeben sind... [9. С. 13].

По ночам мальчик наблюдал, какая полная беспризорность царит в спальнях этих так называемых государственных воспитательных заведений, да и во всех закрытых заведениях вообще, куда родители со всей округи, сбывая с рук, вычёркивая из памяти своих детей, передавали их государству на воспитание, на муштру... [10. С. 134].

Таким образом, анализ языкового материала показал, что сложные окказиональные существительные воспроизводятся в ПЯ в основном в результате описательного перевода. Кроме того, имеют

место различные трансформации, в результате которых нейтрализуется стилистическая информация, а нередко искажается и денотативное значение номинаций.

Библиографический список

1. Вайсгербер Йохан Лео. Родной язык и формирование духа / Пер. с немецкого О.А. Радченко. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
2. Гумбольдт В.фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / Пер. с нем. П. Билярского: Учебное пособие по теории языка и словесности в военно-учебных заведениях. СПб.: Императорская Академия наук, 1859. 366 с.
3. Куайн У.В.О. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Ченяк, Г.А.Дмитриев. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.
4. Сомсонов В. Ф. К анализу гипотезы Куайна о неопределённости перевода // Тетради переводчика. Вып. 16. М., 1979. С.21-29.
5. Steiner G. After Babel (Aspects of Translation). Oxford: Oxf. Univ. Press, 1977. 507 P.
6. Балин Б.М. Функционально-семантическая категория, языковая понятийная категория // Вопросы грамматики и стилистики немецкого языка. Калинин, 1972. С.24-40.
7. Хэллiday А.К. Майкл. Сопоставление языков // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 42-54.
8. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: 1959. 415 с.
9. Bernhard T. Die Ursache. Eine Andeutung. Salz.: Residenz Verlag, 1975. 167 S.
10. Бернхард Т. Избранное: рассказы и повести. М.: Радуга, 1980. 400 с.

Сведения об авторах

Перевышина Ирина Рашидовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка,
директор Научно-учебного центра
иностраннных языков
Белгородского государственного
университета
E-mail: perevyshina@bsu.edu.ru

Дутова Татьяна Николаевна
аспирант кафедры немецкого языка
Белгородского государственного
университета
E-mail: dutova111184@mail.ru

УДК 81'25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ

О.В.Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Традиционно коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает, что перевод должен оказывать на своего получателя такое же коммуникативное воздействие, какое оригинал оказывает на своего адресата. В статье доказывается ограниченность такой трактовки и предлагается модель коммуникативного акта, в которой получатель перевода взаимодействует не с автором оригинала, а с текстом перевода. В этом случае коммуникативная адекватность определяется соответствием переводческой стратегии той цели, с которой выполняется перевод.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, цель перевода, стратегия перевода.

Translation Strategies in the Context of Communicative-Functional Approach to Translation Olga Petrova

Traditionally, according to the communicative-functional approach, translation is supposed to produce the same communicative effect upon its recipient as the original text does on its addressee. The article shows limitations of this understanding of the communicative approach and suggests a different model of a communicative act, in which the recipient interacts with the TL text and not with the author of the original text. In this case communicative adequacy depends on the choice of a translation strategy consistent with the purpose of translation.

Key words: communicative situation, purpose of translation, translation strategy.

В последнее время в переводоведческой литературе все чаще обсуждается зависимость выбираемой переводчиком стратегии перевода от целей, с которыми перевод выполняется. Еще недавно сторонники коммуникативно-функционального подхода полагали, что в любой ситуации перевода основная задача переводчика состоит в создании текста, оказывающего на получателя перевода такое же воздействие, какое оригинал оказывает на своего адресата. Именно к этому, так или иначе, в большинстве случаев сводились и сводятся имеющиеся определения адекватности перевода – категории, которая

лежит в основе оценки качества перевода. Во многих случаях такое требование коммуникативно-функционального соответствия текста перевода тексту оригинала вполне обосновано: каждый текст создается с определенной целью, и эта цель достигается посредством данного текста в процессе коммуникации. Таким образом, для того, чтобы в процессе коммуникации текст выполнял одну и ту же функцию вне зависимости от того, являются ли все участники коммуникации носителями одного или разных языков, оригинал и перевод должны оказывать на своих получателей одинаковое или максимально близкое воздействие – сообщать им один и тот же объем информации, вызывать одинаковые или, во всяком случае, однотипные эмоциональные реакции, побуждать к одинаковым действиям и т.д.

Однако уже двадцать лет назад М.Я. Цвиллинг писал о необходимости пересмотреть и модифицировать коммуникативный подход к переводу – на том основании, что существуют разные коммуникативные ситуации, ставящие перед переводчиком разные задачи, не всегда сводящиеся к воссозданию коммуникативного потенциала оригинала и даже не всегда его требующие [1]. И действительно, с происходящим в последнее время расширением сферы переводной коммуникации все более очевидными становятся многообразие целей перевода и, соответственно, отнюдь не универсальный характер требования сохранения коммуникативного намерения автора. Все чаще перевод используется в ситуациях, когда изначально не предполагается тождество реакций носителей ИЯ и ПЯ, когда цель создания и/или использования перевода отличается от цели создания и/или использования оригинала. В качестве примера можно назвать перевод статей о внутривнутриполитической жизни других государств, перевод речей, обращенных к участникам каких-либо мероприятий, во время трансляции этих мероприятий по радио и телевидению, перевод материалов, создававшихся для внутреннего пользования, но попавших в руки журналистов, и многое другое [2].

Учитывая разные коммуникативные ситуации и разные задачи, стоящие перед переводчиком, В.В. Сдобников определяет адекватность как требование «обеспечить соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода» [3. С. 141]. Таким образом, оценка адекватности перевода ставится в зависимость от характера

коммуникативной ситуации, в которой этот перевод выполняется и которая, в свою очередь, определяет цель выполнения перевода. В.В. Сдобников выделяет два типа перевода: собственно перевод и терциарный перевод, разницу между которыми он видит в том, что «собственно перевод ориентирован на реализацию коммуникативного намерения автора ИТ, а терциарный перевод ориентирован на реализацию цели, сформулированной переводчиком или получателем перевода» [3. С.140].

Такой подход к определению адекватности перевода охватывает все разнообразие коммуникативных ситуаций, в которых используется перевод. Однако и он нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, под такое определение подпадают ситуации, в которых цель перевода может быть достигнута без использования языковых средств – скажем, кивком головы (если одного из коммуникантов, к примеру, интересуется согласие или несогласие другого коммуниканта). Акт коммуникации при этом состоится, однако говорить о переводе как о виде речевой деятельности в этой ситуации не приходится. Это относится и к собственно переводу, и – в еще большей степени – к терциарному переводу. Если получатель перевода хочет узнать, о чем за его спиной договариваются его конкуренты, ему достаточно получить самое общее представление о содержании исходного текста. Здесь уже речь может идти о разных формах языкового посредничества (скажем, о реферировании), но совсем не обязательно именно о переводе. В таком случае «соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода» может быть достигнуто только при участии переводчика, но совсем не обязательно при условии выполнения перевода как преобразования речевого произведения на одном языке в аналогичное речевое произведение на другом.

Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие. С одной стороны, формируя общие, универсальные требования к переводу, мы уходим от обязательного требования создать текст, воспроизводящий оригинал во всей его полноте и с сохранением его коммуникативного потенциала, с другой – мы видим, что снятие этого требования приводит к размыванию понятия «перевод» как такового. Думается, однако, что противоречие это кажущееся. И вызвано оно отнюдь не

ограниченностью коммуникативно-функционального подхода, а определенными стереотипами в его трактовке.

Первый из этих стереотипов, как уже было показано, заключается в сопоставлении воздействия текста на адресатов оригинала и получателей перевода. Как только выясняется, что не все тексты изначально адресованы носителям ИЯ, теряет смысл само понятие функционального (динамического или любого другого) тождества. Если текст изначально адресован носителю ПЯ, то не с чем сравнивать его воздействие. Второй стереотип состоит в том, что коммуникативная «полноценность» перевода определяется степенью воссоздания коммуникативного намерения автора оригинала. Если текст предназначен для какой-то определенной целевой аудитории, то его автор просто не имеет никакого коммуникативного намерения в отношении получателей перевода, не входящих в эту аудиторию. В этом случае мы имеем дело с терциарным переводом, при котором автор оригинала и получатель перевода ни прямо, ни опосредованно не объединяются в одной коммуникативной ситуации. И поэтому возникает ощущение, что коммуникативно-функциональный подход здесь непродуктивен. Это впечатление усиливается, если, наряду с терциарным переводом как таковым, учесть еще и возможность переадресации текста при переводе [4]. В этом случае перевод адресуется не только иноязычной и, следовательно, инокультурной аудитории, но и аудитории, отличающейся по своим социальным характеристикам от той, которой был адресован оригинал. О каком коммуникативном и функциональном соответствии здесь может идти речь?

Все эти противоречия и ограничения, равно как и проблемы, возникающие при подходе к адекватности перевода, сформулированном В.В. Сдобниковым, снимаются, если перестать рассматривать переводчика как посредника между автором оригинала и получателем перевода. Какую бы ситуацию перевода мы ни взяли, переводчик на самом деле оказывается посредником между текстом оригинала и получателем перевода. С одной стороны он имеет исходный текст, а с другой – человека, которому этот текст зачем-то нужен. Переводчик в действительности далеко не всегда знает, каково истинное намерение, заставившее автора создать тот или иной текст. Автор может создавать текст с целью дезинформации, обмана и т.д. Переводчик, как и получатель перевода, может этого не знать. И его

задача – не дезинформировать получателя перевода, а сообщить ему ту информацию, которую посчитал нужным сообщить автор оригинала, – с какой бы целью он ее ни сообщал. В том случае, если в тексте есть нечто, позволяющее заподозрить дезинформацию, переводчик обязан это воспроизвести (именно потому, что это есть в самом тексте). Если же сам по себе текст никаких признаков дезинформации не содержит, их не должен содержать и перевод. Если в ситуации, скажем, переговоров, у переводчика возникли какие-то подозрения относительно истинных коммуникативных намерений автора, он, в зависимости от поставленных перед ним дополнительных задач, может сообщить о них получателю перевода. Но это уже будет выполнением обязанностей, дополнительных к переводческим. Как переводчик же он имеет дело не с автором, а с порождаемым им текстом.

В этой связи представляется уместным вспомнить слова Л.К. Латышева: «Нейтрализуя лингвоэтнический барьер, перевод предоставляет носителям исходного языка (ИЯ) и носителям переводящего языка (ПЯ) лишь объективно равные возможности восприятия и интерпретации сообщения в его исходном и переводном вариантах, включая возможность одинаково отреагировать на него; а какая реакция (коммуникативный эффект) последует в действительности, зависит от индивидуально-личностных свойств каждого отдельного получателя оригинала и перевода» [5. С.21]. Можно добавить, что и носители ИЯ, и носители ПЯ могут использовать текст в самых разных целях, далеко не всегда совпадающих с теми, которые предполагал автор оригинала. Современные читатели Геттисбергской речи А. Линкольна могут знакомиться с ней как с историческим документом, как с образцом риторического искусства, как с текстом, характеризующим личность ее автора, и т.д. Но в любом случае их восприятие будет отличным от того, на которое рассчитывал А. Линкольн. И сама цель обращения к ней будет отличаться от той, с которой две сотни американцев собрались 19 ноября 1863 года на Геттисбергском кладбище. В этом смысле современный американец, читающий эту речь, с точки зрения своей роли в коммуникативной ситуации практически ничем не будет отличаться от получателя перевода той же речи. Поэтому, оценивая адекватность перевода, представляется целесообразным исходить не

из отношений «автор – адресат/получатель перевода», а из отношений «оригинал – адресат/получатель перевода».

Однако, как уже было сказано, у текста не всегда предполагается адресат – носитель ИЯ. Более того, даже тогда, когда он есть, требуя ориентироваться на то, какое воздействие окажет оригинал на своего адресата, мы явно лукавим. Мы часто идеализируем этого адресата. Говоря о необходимости прагматической адаптации текста, «уравнивающей» объем информации, извлекаемой из текста носителями ИЯ и ПЯ, мы часто исходим из представления о том, что любой носитель ИЯ обладает тем же запасом знаний, что и автор. А это, конечно же, далеко не всегда так. И когда Л.К. Латышев пишет о необходимости создания равных возможностей восприятия и интерпретации текста в его оригинальном и переводном вариантах носителями ИЯ и ПЯ соответственно, речь идет именно о равной возможности, а не об одинаковом восприятии или одинаковой интерпретации. Каждый берет из текста то, что он может, или то, что ему нужно.

На первый взгляд может показаться, что, выводя автора оригинала из привычной схемы «автор – текст оригинала – переводчик – текст перевода – получатель перевода», мы отказываемся от коммуникативно-функционального подхода в его традиционном виде. Однако это не так. Говоря о переводчике как о посреднике в коммуникативном процессе, мы ведь не обязательно представляем себе полную классическую схему коммуникативного процесса, при которой участники обмениваются информацией, оказывая друг на друга определенное воздействие. Право же, читая Пушкина, никто из нас с ним не *взаимодействует*, т.е. не оказывает ответного воздействия. Однако при этом у нас имеется сообщение, т.е. речевое произведение, представляющее собой реализацию коммуникативной функции языка, и имеется читатель, декодирующий сообщение, т.е. извлекающий из него информацию. Этого достаточно для того, чтобы говорить о наличии коммуникативной ситуации. Характер же этой ситуации определяется тем, с какой целью, а следовательно, и какую именно читатель извлекает информацию. То же самое происходит и в ситуации перевода. В общем виде наименее обязательным для коммуникативного характера ситуации является непосредственное участие в ней автора. Свое участие в ситуации общения он обозначил

своим речевым произведением, которое в дальнейшем становится его представителем. Далее следует перекодирование сообщения и, наконец, декодирование его получателем перевода. Поскольку переводчик сам по себе в коммуникативном процессе не участвует, а является лишь посредником между текстом оригинала и получателем перевода, мы фактически имеем лишь получателя перевода и текст перевода, т.е. сообщение, которое он декодирует. В идеальной ситуации, в которой присутствуют оба коммуниканта, для получателя перевода второй участник все равно представлен именно текстом перевода. Декодирование же сообщения, извлечение из него заложенной отправителем информации в любом случае является коммуникативной деятельностью, независимо от того, взаимодействуют между собой отправитель и получатель напрямую или нет. Более того, если мы рассматриваем не гипотетическое взаимодействие автора с получателем перевода, а вполне реальное взаимодействие получателя перевода с текстом перевода, основанном на тексте оригинала, то снимается опасность смешения перевода с иными видами языкового (и даже неязыкового) посредничества.

Однако сама специфика перевода, связанная с несовпадением не только структур языков, но и языковых картин мира у носителей ИЯ и ПЯ, приводит к тому, что в переводе практически невозможно создать текст, обеспечивающий то равенство возможностей извлечения информации и интерпретаций, о которых говорит Л.К. Латышев. Возьмем в качестве примера художественный перевод. Прежде всего, при переводе любого произведения возникает противоречие между стремлением воспроизвести авторский стиль, создаваемую им атмосферу произведения и необходимостью в прагматической адаптации перевода, вызванной различиями в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ. Насыщение перевода лингвострановедческой информацией (будь то в форме описательного перевода безэквивалентной лексики, переводческих пояснений или примечаний) явно искажает характер общения автора со своим читателем, который не нуждается в экспликации его собственных фоновых знаний. Замена определенных фигур речи на функционально адекватные фигуры речи ИЯ лишает читателя информации о стилистических особенностях авторского текста, а сохранение всех стилистических приемов делает в ряде случаев текст перевода неестественным и стилистически неадекватным. Особенно ярко это

видно на примере поэтического перевода, поскольку у каждого народа имеются свои поэтические традиции, сложилось разное восприятие таких, казалось бы, общих для всей поэзии явлений, как размер и рифма. В итоге практически невозможно создать перевод, из которого, как из оригинала, можно было бы извлечь и ту информацию, которую туда осознанно закладывал автор, и ту, которую, сам того не осознавая, он туда заложил как представитель определенной культуры, и ту, которую он туда вообще не закладывал, но которая определенным образом характеризует либо его творческий метод, либо эпоху, в которую он жил и которая может интересовать как обычных читателей, так и разного рода исследователей.

Именно поэтому в большинстве случаев возникает вопрос о цели перевода, которая предполагает сохранение определенных видов информации и допускает опущение других – тех, которыми можно пожертвовать ради сохранения информации, являющейся коммуникативно релевантной. То, какая именно информация окажется коммуникативно релевантной, зависит от того, для чего текст переводится, от того, с какой целью его будет читать получатель. А необходимостью передачи коммуникативно релевантной информации, в свою очередь, будет определяться выбор той или иной стратегии перевода.

Исходя из этого, следует вернуться к уже цитировавшемуся положению В.В. Сдобникова о том, что перевод можно считать адекватным, если он обеспечивает соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода, и к его выделению двух видов перевода: собственно перевода, который ориентирован на реализацию коммуникативного намерения автора ИТ, и терциарного перевода, ориентированного на реализацию цели, сформулированной переводчиком или получателем перевода. Думается, что исходная посылка – необходимость соответствия условиям коммуникации – фактически включает в себя характеристики обоих видов перевода, поскольку сохранение коммуникативного намерения автора – это требование, предъявляемое к переводу в определенных ситуациях общения, это тоже одна из целей, формулируемых переводчиком и/или получателем перевода. В этом случае о собственно переводе и о терциарном переводе можно говорить не как о разных видах

перевода, а как о разных стратегиях, определяемых типом коммуникативной ситуации.

Библиографический список

1. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1991. С.151-156.

2. Петрова О.В. Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып.2. 2009. Воронеж, 2009. С.119-123.

3. Сдобников В.В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып.10. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С.132-143.

4. Петрова О.В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2010. С.17-23.

5. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. 160 с.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова,
член Союза переводчиков России
E-mail: petrova2000@sandy.ru

УДК 81'25

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье отстаивается точка зрения, согласно которой именно коммуникативная ситуация с использованием перевода определяет характер используемой стратегии перевода. Рассматриваются первичные и вторичные параметры коммуникативной ситуации, проводится разграничение типов коммуникативной ситуации, даются определения таким понятиям, как стратегия перевода, тактика перевода, переводческая операция. Предлагается типология стратегий перевода.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, стратегия перевода, тактика перевода, переводческая операция.

Communicative Situation as a Factor in Choosing a Translation Strategy Vadim Sdobnikov

In the article it is stated that a communicative situation determines the choice of a translation strategy. Primary and secondary parameters of a communicative situation are considered. Types of communicative situations are differentiated between. The notions of translation strategy, translation tactics and translation operation are defined. Types of translation strategies are differentiated between.

Key words: a communicative situation, translation strategy, translation tactics, translation operation.

Одним из наиболее спорных и в значительной степени «таинственных» вопросов теории перевода является вопрос определения такого понятия, как «стратегия перевода» и связанный с ним вопрос об определении факторов, влияющих на выбор стратегии перевода в определенной ситуации межъязыковой коммуникации. Данная проблема обсуждается в работах И.С. Алексеевой [1], А.Г. Витренко [2], Н.К. Гарбовского [3], В.Н. Комиссарова [4] и многих других переводоведов. Обращает на себя внимание отсутствие у исследователей единого подхода к определению стратегии перевода и, как результат, наличие большого количества предлагаемых определений этого понятия. Диапазон мнений по поводу содержания терминосочетания «стратегия перевода» настолько велик, что, например, А.Г. Витренко вообще предлагает

отказаться от него, полагая, что «при всей его наукообразности оно, по сути дела, обозначает не научное, а обыденное понятие и вследствие этого терминологически неправомерно. От него надлежит отказаться и как от недостаточно определенного, в силу этого не удовлетворяющего требованиям, предъявляемым к научным терминам...» [2. С.15]. Мы не можем согласиться с этим мнением, поскольку считаем, что данное терминосочетание, во-первых, уже настолько прочно вошло в переводоведческий обиход, что отказаться от его употребления просто невозможно, а во-вторых, существует объективная необходимость в некоем термине, обозначающем тот фактор переводческого процесса, который определяет сам характер этого процесса, специфику действий переводчика в той или иной коммуникативной ситуации.

Исходя из того, что перевод есть разновидность речевой деятельности, процесс перевода, как и всякая речевая деятельность, должен осуществляться в соответствии с определенной программой по аналогии с программой речевой деятельности, столь часто упоминаемой в работах по психолингвистике. Соответственно, **стратегия перевода** определяется нами как *программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации*. По сути, стратегия перевода – это общее представление переводчика о тех задачах, которые ему предстоит решить в процессе перевода, и характере способов достижения цели, с которой осуществляется перевод, представление о специфике планируемых переводческих действий и их назначении. Это представление формируется у переводчика не произвольным образом, а на основе анализа той коммуникативной ситуации, в которой перевод осуществляется.

Таким образом, основным фактором, определяющим выбор стратегии перевода, является коммуникативная ситуация с использованием перевода (КСП), а точнее говоря, совокупность параметров коммуникативной ситуации, определяющая ее специфику. Мы предлагаем различать первичные и вторичные

параметры коммуникативной ситуации. К первичным параметрам КСП относятся: 1) личность инициатора перевода и его роль в КСП; 2) цель осуществления перевода; 3) характер отношений между субъектами коммуникации (официальный/ неофициальный); 4) условия осуществления неречевой (предметной) деятельности коммуникантов. Вторичные параметры КСП включают: 1) контакт коммуникантов (непосредственный/опосредованный); 2) форма контакта (устная/письменная); 3) расположение коммуникантов (контактное/дистантное). В качестве примера приведем такой вид КСП, как шеф-монтаж оборудования на предприятии с участием иностранных специалистов:

1. Первичные параметры КСП:

- инициатор перевода: руководство предприятия (его роль: обеспечить получение специалистами завода информации, необходимой для качественного монтажа оборудования и его последующей бесперебойной работы);

- цель перевода: передача информации о порядке действий специалистов в ходе монтажа оборудования;

- характер отношений между коммуникантами: официальный;

- условия осуществления деятельности субъектов коммуникации: личная встреча для совместного осуществления работ, связанных с монтажом оборудования.

2. Вторичные параметры КСП:

- контакт коммуникантов: непосредственный;

- форма контакта: устная;

- расположение коммуникантов: контактное.

Поскольку характер коммуникативной ситуации с использованием перевода определяет выбор стратегии перевода, возникает проблема построения общей типологии КСП. Выделенные нами параметры КСП могут быть использованы для описания определенных видов КСП, но для построения общей типологии КСП они недостаточны. Представляется, что в качестве базового критерия разграничения отдельных *типов* КСП может рассматриваться такой критерий, как факт планирования перевода в определенной ситуации межъязыковой коммуникации. Другими словами, определяющим фактором при выделении типа КСП является, был ли перевод изначально запланирован в данной коммуникативной ситуации. Соответственно, представляется возможным выделить два типа КСП:

КСП первого типа (КСП-1), в которых перевод был изначально запланирован, и КСП второго типа (КСП-2), в которых перевод изначально не планировался. На основе анализа сочетания первичных и вторичных параметров коммуникативной ситуации, с учетом условий осуществления предметной деятельности коммуникантов и характера отношений между ними, выделяются следующие виды КСП-1:

1. *КСП-1 официального характера (КСП-1_{formal})*, в том числе:

- а) КСП-1_{formal}—официальные встречи;
- б) КСП-1_{formal}—лекции и презентации;
- в) КСП-1_{formal}—интервью;
- г) КСП-1_{formal}—круглый стол;
- д) КСП-1_{formal}—шеф-монтаж;
- е) КСП-1_{formal}—экскурсионное обслуживание;
- ж) КСП-1_{formal}—переводческое сопровождение;
- з) КСП-1_{formal}—перевод документации.

2. *КСП-1 неофициального характера (КСП-1_{informal})*.

Вполне очевидно, что почти все виды КСП-1 представляют собой коммуникативные ситуации устного, непосредственного общения разноязычных коммуникантов, и только ситуация КСП-1_{formal}—перевод документации предполагает письменную форму общения, в рамках которого создается текст, изначально предназначенный для перевода на другой язык с целью дальнейшего предъявления иноязычному коммуниканту (например, текст дипломатического письма). Обращает на себя внимание и тот факт, что КСП-1 неофициального характера (КСП-1_{informal}) невозможно подразделить на отдельные виды в силу чрезвычайного многообразия подобных ситуаций, которые, однако, обладают одинаковыми первичными и вторичными параметрами.

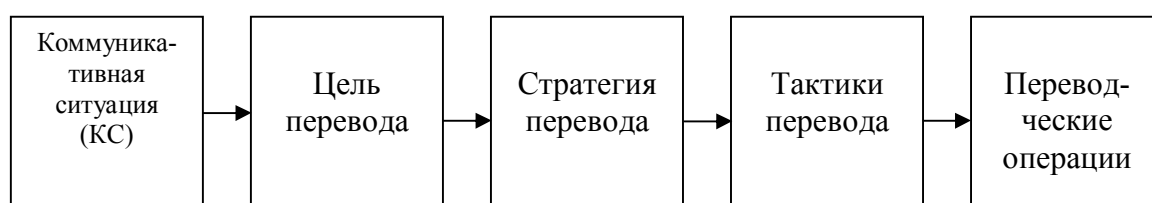
КСП-2, в которых перевод изначально (то есть при создании исходного текста, ИТ) не предполагался, предлагается подразделять на отдельные виды на основе такого критерия, как личность инициатора перевода (осуществляемого, разумеется, *post factum*, то есть после осуществления первичной коммуникации между автором ИТ и получателем ИТ). В качестве инициатора перевода в КСП-2 могут выступать: сам автор ИТ, предполагаемый получатель переводного текста ПТ, заказчик перевода, который, однако, не является непосредственным получателем перевода, сам переводчик.

Соответственно, выделяются следующие виды КСП-2: 1) КСП-2_{автор}, 2) КСП-2_{recipient}, 3) КСП-2_{buyer}, 4) КСП-2_{trans}. Примером КСП-2_{автор} является так называемый автоперевод, осуществляемый автором оригинала (как правило, художественного произведения) с целью расширения читательской аудитории за счет носителей ПЯ. В ситуации КСП-2_{recipient} будущий получатель перевода инициирует перевод с целью получения текста на ПЯ, необходимого ему для удовлетворения своих потребностей. В качестве примера можно привести перевод инструкции к какому-либо бытовому прибору (при отсутствии таковой на языке пользователя этим прибором), перевод научной статьи, заказанный научным работником, перевод технической документации, необходимой для установки и эксплуатации оборудования на предприятии, перевод официальных документов (свидетельства о рождении, диплома о высшем образовании, справки из милиции), необходимых для выезда за рубеж или поступления в зарубежный университет, перевод юридических документов (доверенности на право ведения коммерческой деятельности от имени компании или отдельного лица за рубежом) и т.п. В ситуации КСП-2_{buyer} заказчик перевода (например, издательство или СМИ) инициирует перевод с целью получения текста, необходимого для решения задач своей предметной деятельности (получения коммерческой прибыли или ознакомления читателей с ситуацией в другой стране), при этом сам заказчик не рассматривается в качестве непосредственного получателя перевода. В ситуации КСП-2_{trans} сам переводчик, оценивший высокие художественно-эстетические достоинства ИТ и его общечеловеческую значимость, выступает в качестве инициатора перевода (в качестве примера можно привести переводы Геттисбергской речи А.Линкольна, о которых мы уже писали ранее (см. [5], а также работу С.А. Алексева [6]).

Несомненно, стратегия перевода формируется в результате осознания переводчиком как специфики коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод, так и цели осуществления перевода в той или иной КСП. Как следует из нашего предыдущего изложения, цели перевода в разных ситуациях различны (передача информации, необходимой для обеспечения взаимопонимания между разноязычными коммуникантами, обеспечение художественно-эстетического воздействия на получателя ПТ, создание

функционального аналога текста оригинала на переводящем языке и т.п.).

Таким образом, процесс выработки стратегии перевода осуществляется в соответствии со следующим алгоритмом действий переводчика в определенной КСП: анализ специфики КСП → осознание цели перевода в условиях данного коммуникативного акта → выработка стратегии перевода, которая соответствует цели перевода и условиям КСП, → выбор тактик перевода в соответствии с избранной стратегией перевода, конкретной реализацией которых является использование определенных переводческих операций. Схематически этот процесс можно представить следующим образом:

Выстраивая программу осуществления своей переводческой деятельности в определенной коммуникативной ситуации, переводчик осуществляет выбор из следующего списка возможных стратегий перевода:

- 1) стратегия коммуникативно-равноценного перевода;
- 2) стратегия терциарного перевода;
- 3) стратегия переадресации.

Стратегия коммуникативно-равноценного перевода – это программа осуществления переводческой деятельности, предусматривающая реализацию коммуникативной интенции автора оригинала в форме создания текста на ПЯ, потенциально способного обеспечивать коммуникативное воздействие на получателя перевода в соответствии с ожиданиями автора оригинала и, соответственно, взаимодействие разноязычных коммуникантов в условиях совместной предметной деятельности. Стратегия коммуникативно-равноценного перевода используется в КСП-1, а также в следующих видах КСП-2:

1) КСП-2_{автор}. В данной ситуации автор оригинала выступает в качестве инициатора перевода созданного им текста (например, художественного произведения) на другой язык.

2) КСП-2_{recipient}(С). В данной ситуации по инициативе получателя ПТ осуществляется перевод специальных,

информативных материалов (технические инструкции, научные статьи, официальные документы и т.п.), знание содержания которых необходимо получателю ПТ для осуществления его профессиональной деятельности.

3) КСП-2_{buyer}(С/НТ). В данной ситуации по инициативе заказчика перевода осуществляется перевод специальных (но не публицистических) текстов, например, научно-технических (научные статьи, техническая документация, официальные документы). Цель перевода – передача информации, содержащейся в ИТ, то есть создание коммуникативно-функционального аналога оригинала.

4) КСП-2_{trans}(Х). В данной ситуации по инициативе самого переводчика, высоко оценившего художественно-эстетические достоинства художественного текста, осуществляется художественный перевод. Цель перевода практически та же, что и в ситуации КСП-2_{автор}, то есть расширение аудитории читателей.

Стратегия терциарного перевода представляет собой общую программу осуществления переводческой деятельности, направленной на создание ПТ, удовлетворяющего потребности носителя ПЯ, который играет иную коммуникативную роль, нежели участники первичного коммуникативного события в культуре ИЯ, и преследует цель, отличную от цели автора оригинала.

Представление о стратегии терциарного перевода опирается на идею М.Я. Цвиллинга о существовании так называемого терциарного перевода, или перевода в интересах третьих лиц [7. С.84]. «Перевод здесь не включен в цепь коммуникации, а является самостоятельной деятельностью по извлечению информации из происходящей между партнерами коммуникации в интересах некоего постороннего, не участвующего в коммуникации наблюдателя» [7. С.83].

Стратегия терциарного перевода может использоваться в следующих разновидностях КСП-2:

1) КСП-2_{buyer}(С/П). В данной ситуации по инициативе заказчика перевода (представителя печатного органа, телерадиокомпании) осуществляется перевод публицистического текста, изначально созданного в расчете на восприятие носителей ИЯ (текст второго типа по классификации А. Нойберга).

2) КСП-2_{trans}(П). В данной ситуации по инициативе переводчика осуществляется перевод публицистического текста. Отличие этой ситуации от ситуации КСП-2_{buyer}(С/П) состоит в том,

что инициатор перевода (переводчик) находится внутри коммуникативной цепочки, а не вне ее, но при этом он же является тем третьим лицом, которое определяет цель перевода.

3) КСП-2_{buyer}. В данной ситуации по инициативе заказчика перевода (сотрудник службы безопасности, политтехнолог, представитель военной разведки и т.п.) осуществляется перевод специального текста (например, радиоперехват, прослушивание телефонных разговоров). Однако следует оговориться, что жанрово-стилистическая принадлежность текста в ситуации терциарного перевода не является определяющим фактором. Фактически, текст любого характера может стать объектом восприятия третьим лицом, не участвующим в акте коммуникации и, соответственно, терциарного перевода.

Стратегия переадресации представляет собой общую программу осуществления переводческой деятельности, направленной на создание текста на ПЯ, предназначенного для получателя, который отличается от реципиента ИТ не только своей национально-культурной принадлежностью, но и социальными характеристиками. Стратегия переадресации может использоваться в следующих видах КСП-2:

1) КСП-2_{recipient}(X). В данной ситуации по инициативе предполагаемого получателя ПТ осуществляется перевод художественного текста. О.В. Петрова приводит конкретный пример применения стратегии переадресации: «Когда режиссер заказывает перевод пьесы и просит переводчика не тратить времени на шлифовку диалогов, поскольку он еще не уверен, что будет эту пьесу ставить, а всего лишь хочет оценить ее с точки зрения сценичности, происходит, по сути дела, переадресация текста. И новому адресату в переводе важно совсем не то, что было бы важно с точки зрения сохранения коммуникативного воздействия на зрителя» [8. С.21].

2) КСП-2_{buyer}(X). В данной ситуации перевод художественного текста осуществляется по инициативе заказчика перевода (например, издательства). К примеру, многие детские издательства советской эпохи («Детгиз», «Учпедгиз», «Просвещение», «Детская литература») издавали в переводе произведения зарубежных авторов, изначально не предназначенные для детского или подросткового возраста (Д. Дефо, Дж. Свифта). В данном случае налицо существенная смена типа адресата, которая

определяет особую цель перевода и, соответственно, использование особой стратегии. Другой пример приводит О.В. Петрова: «Когда издательство просит переводчика сохранить лишь захватывающий сюжет, облегчив чтение текста за счет опущения «рассуждений», происходит явная переадресация текста: оригинал адресован думающему читателю, интеллектуалу, а перевод – массовому читателю, которого ничего, кроме лихо закрученного сюжета, не интересует. И здесь уже не приходится говорить ни о сохранении коммуникативного эффекта, ни об адекватности перевода...» [8. С.21].

В зависимости от избранной стратегии перевода переводчик использует в процессе перевода соответствующие переводческие тактики.

Вопрос об определении тактики перевода является столь же сложным и дискуссионным, как и вопрос об определении стратегии перевода. На наш взгляд, **тактика перевода** должна рассматриваться как *системно организованная совокупность переводческих операций, используемых с целью достижения поставленной цели перевода с учетом избранной стратегии перевода*. Подобный вывод полностью согласуется с утверждением Д.М. Бузаджи и его коллег о том, что вектор практических действий переводчика ориентирован в сторону достижения адекватности [9. С. 23]. При этом достижение адекватности следует рассматривать как достижение поставленной цели перевода путем реализации определенной стратегии перевода.

В свою очередь, переводческая операция определяется нами как любое действие переводчика, направленное на выбор средств ПЯ с целью создания текста перевода. Переводческие операции включают два вида действий: приемы перевода (при наличии переводческих проблем) и использование соответствий (если проблемы отсутствуют). Приемы перевода соотносятся либо с трансформационным, либо с интерлинейарными способами перевода. С трансформационным способом перевода соотносятся трансформации как частный случай приема перевода. С интерлинейарным способом перевода соотносятся транскрипция, транслитерация и калькирование (подробнее об этом см. [10. С.265-266]).

Если рассматривать переводческие операции в их совокупности, то будет очевидным, что вся совокупность операций как некая система действий зависит от характера используемой тактики

перевода, зависящей от определенной стратегии перевода. Так, в области научно-технического перевода в подавляющем большинстве случаев используется стратегия обеспечения передачи когнитивной информации носителю ПЯ (стратегия коммуникативно-равноценного перевода). В рамках этой стратегии используется тактика точной передачи значений наиболее важных лексических единиц. Соответственно, реализация этой тактики предполагает такие переводческие операции, как использование межъязыковых соответствий, если они имеются. В случае их отсутствия переводчик использует иные переводческие операции (создание нового термина путем транскрипции или транслитерации, калькирование, описательный перевод). Может показаться, что в последнем случае характер осуществляемой операции определяется особенностями соотношения двух языков. Отчасти это так, но лишь отчасти, ибо в конечном счете переводчиком движет именно стремление воспроизвести содержащуюся в оригинале информацию максимально точно и полно, то есть он действует в строгом соответствии с избранной тактикой перевода, которая, в свою очередь, определяется реализуемой в данной коммуникативной ситуации стратегией перевода.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008. 184 с.
2. Витренко А.Г. О «стратегии перевода» // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 536. Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / Отв. ред. Д.И.Ермолович. С. 3-17.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
5. Сдобников В.В. Фактор цели и адресата в переводе // Гермес: науч.-худож. сборник / Сост. А.Н.Злобин. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2009.
6. Алексеев С.А. Передача структуры образов художественного текста в переводе (на материале англо-русских переводов): Дис... канд. филол. наук. М., 2009. 165 с.

7. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // О переводе и переводчиках: Сборник научных статей. М.: Восточная книга, 2009. С.80-85.

8. Петрова О.В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 17-23.

9. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Под ред. И.И.Убина. М.: ВЦП, 2009. 120 с.

10. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Восток-Запад, 2006. 448 с.

Сведения об авторе

Сдобников Вадим Витальевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова,
член Союза переводчиков России
E-mail: sdobnik@lunn.ru

УДК 81'25:378.147

АЛГОРИТМ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА

А.П. Седых, Е.И. Гливич

Белгородский государственный университет, Белгород

В статье анализируется проблема оптимизации процесса обучения переводу в высшей школе. Рассматривается последовательность операций по работе с высказыванием с целью выявления его эквивалента на переводном языке. Обосновывается целесообразность применения алгоритма для обнаружения и перевода концептуальной информации высказывания.

Ключевые слова: алгоритм перевода, оптимизация обучения, интерпретативный анализ, переводческие трансформации.

Algorithm of the Translation Training

Arkadiy Sedykh, Elena Glivich

Seeking to optimize the process of teaching college-level translation, the article examines the sequence of operations with a statement in order to produce its equivalent in the target language, and establishes an operational algorithm for detecting and translating conceptual information in statements.

Key words: translation algorithm, optimization training, interpretive analysis, translation transformation.

Для того чтобы стать хорошим переводчиком, недостаточно только усвоить лексику и грамматику изучаемого языка, необходимо овладеть прагматическими и коммуникативными составляющими языковых явлений, а также умениями и навыками использования переводческих трансформаций. Важным элементом процедуры перевода является также способность выявить концептуальную информацию. При этом процесс перевода это не просто механический поиск и употребление эквивалентных языковых замен, а творческий акт осмысления поступающей информации для адекватной её передачи средствами другого языка с целью обеспечения успешности коммуникации, будь то синхронный или художественный перевод.

Переводческая профессия продолжает оставаться достаточно востребованной на рынке труда как в России, так и за рубежом. В связи с этим проблемы дидактики перевода не теряют своей актуальности. Обучение переводу, к сожалению, страдает архаичностью подхода со стороны ряда преподавателей, которые

практически не обучают технике перевода, а зачастую ограничиваются банальным заданием: «переведите текст». В лучшем случае от студентов требуют объяснить переводческие трансформации или провести сопоставительный анализ языковых данных на ИЯ и ПЯ.

В статье рассматриваются способы оптимизации процесса обучения переводу. Один из элементов работы над переводным материалом, который используется на практических занятиях, мы назвали «алгоритм учебного перевода». Термин «алгоритм» употребляется в широком эпистемологическом смысле как последовательность операций выводного знания с целью достижения переводческого эквивалента. Единицей перевода в большинстве случаев выступает паремия или фразеологизм, которые представляют особые трудности для трансформационной обработки.

Любое высказывание (на родном или иностранном языке) строится по определённым семантико-логическим законам, которые требуют выявления их сущностных признаков, интерпретации и реконструкции при помощи средств ПЯ. Данное качество высказывания используется для формирования навыков его интерпретативного анализа и эквивалентного перевода.

Схема работы над исходным высказыванием включает несколько этапов, которым мы дали следующие названия:

1. Словарные соответствия / Лексика (грамматика, синтаксис).
2. Логико-геометрическая структура / Модальность / Концепт.
3. Смысловой вывод.
4. Версии перевода.
5. Эквивалент.

Поясним содержание и принцип поиска каждого из них.

Первый этап включает поиск словарных соответствий, описание лексического материала, грамматики и синтаксиса в исходном высказывании.

Второй этап предполагает построение логико-геометрической структуры, определение модальности и вербализуемого в высказывании концепта (концептов). Если предыдущий этап не вызывает особенных трудностей у обучающихся, то второй – обусловлен образно-ассоциативными способностями человеческого сознания, которыми, к несчастью, бывают часто обделены будущие переводчики. Логико-геометрическая структура высказывания

связана с функционированием универсальных логических категорий и их разрядов как форм мышления, упорядочивающих наш опыт, которые можно представить следующим образом:

Качество (реальность, отрицание, ограничение) = существенная определённости объекта, его уникальность, отграниченность.

Количество (единство, множество, цельность) = постоянные и переменные величины, переход количественных изменений в качественные.

Отношение (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие) = взаимосвязь элементов определённой системы, опосредованность через взаимодействие.

Модальность (возможность/невозможность; действительность/недействительность; необходимость/случайность) = способ существования объекта или протекания явления / способ понимания суждения об объекте.

Данный этап осложняется поиском довольно большого количества информации о содержании высказывания и связан с представлением, на которое действительно опирается носитель языка, описывая пространство с учётом геометрических характеристик объектов, как то:

1. Форма объекта.
2. Размер объекта.
3. Физические / химические (гравитационные) свойства объектов (например, носитель знает, что пыль оседает на поверхности объекта; алмаз – бесцветный драгоценный камень, ценящийся за игру цветов и блеск; чистая вода представляет собой прозрачную жидкость без цвета и запаха).
4. Ориентация в пространстве (верх, низ, лево, право и т.д.).
5. Способ геометрической концептуализации. Какие предметы мы представляем линиями (реки, дороги), какие – поверхностями (трава), какие – точками в пространстве (города, но не страны).
6. Функция (предназначенность).
7. Значимые части объекта (*рука, торец, основание* и т.д.).
8. Типичный способ взаимодействия с другим объектом или партнёром по ситуации (*достижение чего-нибудь; общение как совместная деятельность, и ее продукт; последовательное воздействия одного субъекта на другого* и пр.).
9. Тип и способ процесса (*движения, делания*).

Речь идет о топологической схеме, при помощи которой изображаются пространственные связи и взаимодействия конкретных объектов. Эти связи и взаимодействия являются донорской зоной для абстрактных ситуаций. Сюда также могут быть отнесены аксиологические параметры общечеловеческих оппозиций: добро / зло; прекрасное / безобразное; возвышенное / низменное и т.д.

Система работы на данном этапе опирается на принципы: а) смысл как схема или проекция действительности в язык; б) человек мыслит не отдельными семантическими признаками и их множествами, а цельными образами, контурами, профилями, при помощи которых он проводит аналогии и заменяет их один на другой в метафорических контекстах.

Параметр «модальность» предлагается выявлять на основе следующих модальных категорий:

1. Алетические модальности (объективно – необходимо, возможно, невозможно).

2. Деонтические модальности (субъективно – должно, разрешено, запрещено).

3. Эпистемические модальности (субъективно – достоверно, вероятно, исключено).

4. Аксиологические модальности (субъективно – хорошо, нейтрально, плохо).

5. Модальности времени (объективно – прошлое, настоящее, будущее).

6. Модальности пространства (объективно – здесь, там, нигде).

Вышеизложенное не предполагает использование всех позиций без исключения для работы над одним высказыванием. Селекция производится на базе адекватных «исходнику» категорий.

Третий этап представляет собой формирование смыслового вывода, на основе которого будут делаться версии перевода. Смысловой вывод строится с учётом логико-семантической схемы высказывания и вербализованного концепта. По сути дела речь идёт о количестве (типе и виде) импликаций, которые следует воспроизвести в ходе восприятия и понимания исходного сообщения. Из математической логики известно, что импликация есть логическая операция, в которой два высказывания связываются в одно сложное высказывание с помощью логической связки <если..., то...>: <если А,

то В>, по формуле <A→B>, где А – антецедент, а В – консеквент, что читается как <А влечет (имплицитует) В> или <В следует из А>. Смысл в данном случае становится результатом операций, проводимых над имплицитной и эксплицитной структурой высказывания.

Четвёртый этап – это этап поиска версий перевода, одна из которых может оказаться переводным эквивалентом.

В качестве иллюстрации рассмотрим исходное высказывание: *On ne fait pas d'omelette sans casser des œufs*.

1. *On* – безличное местоимение; *ne pas* – отрицание; *faire* – глагол «делать» в настоящем времени; *omelette* – «омлет» = блюдо из яиц, существительное женского рода; *sans* – предлог «без», в сочетании с инфинитивом может переводиться в отрицательной форме; *casser* – глагол («ломать»), первая группа; *des œufs* – «яйца», существительное с неопределённым артиклем во множественном числе. Простое предложение с инфинитивным оборотом. Прямой порядок слов.

2. Логико-геометрическая структура / Модальность / Концепт: *Переход количественных изменений в качественные. Опосредованность через взаимодействие. Алетическая модальность – объективно возможно / невозможно. Функция объекта – модифицироваться в результате внешнего воздействия с потерей изначальной формы. Типология взаимодействия основана на физических свойствах объекта. Концепт: «преобразование».*

3. Смысловой вывод: *Когда хочешь сделать что-либо, нужно быть готовым к риску или потерям, которые могут сопровождать планируемое действие. Определённые действия обладают побочным эффектом, который является неизбежным из-за характера такого действия.*

4. Версии перевода: *без труда не выловить рыбки из пруда / без потерь не обойтись / каждое действие имеет свои последствия.*

5. Эквивалент: *лес рубят – щепки летят.*

После нахождения эквивалента следует провести анализ переводческих трансформаций (лексика, грамматика, стиль).

В заключение приведём некоторые из результатов студенческого анализа пословицы *Qui attend les souliers d'un mort risque d'aller pieds nus*:

Словарные соответствия Лексика, грамматика, синтаксис	Логико-геометрическая структура Модальность / Концепт	Смысловой вывод	Версии перевода	Эквивалент
Простое предложение Présent absolu Qui – кто Attend (attendre 3 p., sing.) – ждёт Les souliers (m, pl) – ботинки Un mort – мертвец Risqué (risquer 3p. sing.) – рискует Aller – идти Pieds nus – босиком De (prép.)	Алетическая модальность: объективно невозможно Значимые части объекта: ноги Тип взаимодействия: ожидание Концепт: «бездействие»	Бездействие, пассивное ожидание лучшего приводит к длительному довольствованию самым малым.	Ждать у моря погоды На чужой вершок не разевай роток Чужая делёжка впрок не идёт За чужим добром не гоняйся с багром Чужим добром не разживёшься Чужая копейка свой рубль тащит На чужой каравай рот не разевай От мёртвого осла уши Чужим богат не будешь	(букв. 'Кто ждет обуви, которая останется после покойника, тот долго ходит босым'). На чужое богатство не надейся

(Марина)

Лексические трансформации: *ботинки* → *богатство*; приём *смысловой модуляции и опущения*. Грамматика: *изъявительное наклонение* заменено *повелительным*. Стиль: *сохранён нейтральный стиль*.

Ce n'est pas la vache qui beugle le plus fort qui fait le meilleur lait

Словарные соответствия Лексика, грамматика, синтаксис	Логика/ геометрия Модальность Концепт	Смысловой вывод	Версии перевода	Эквивалент
être (отрицание) la vache – корова qui - которая beugler- мычать le plus fort- сильно (превосх. ст.) faire- давать (здесь) meilleur- лучший lait- молоко Лексика: ЛТГ: дом, животные Стиль: нейтральный Синтаксис:	Качество Количество Отношения: противопоставление Способ понимания: суждение об объекте Свойства: Концепт: «истинность» Q+ ≠ N+ (Q = качество / N = количество)	Противопоставление количества качеству Не всегда количество соответствует качеству	По одежке встречают, по уму провожают Размер не имеет значения Не все то золото, что блестит	Пустую бочку слышнее, чем полную

выделительный оборот				
----------------------	--	--	--	--

(Динара)

Лексические трансформации: *корова* → *бочка*. Грамматика: *сложноподчинённое предложение становится простым*. Стиль: *сохранён нейтральный стиль*.

Ce n'est pas la vache qui beugle le plus fort qui fait le meilleur lait

Словарные соответствия Лексика, грамматика, синтаксис	Логика/ геометрия Модальность Концепт	Смысловой вывод	Версии перевода	Эквивалент
la vache –корова beugler- мычать le plus fort - (превосх.ст.) faire- давать (здесь) le meilleur - (превосх.ст.) lait - молоко Стиль: нейтральный Тематика: домашнее хозяйство.	Отношение: взаимосвязь элементов определённой системы, опосредованность через взаимодействие / субстанция и свойство Способ взаимодействия: достижение адекватного результата <A→B> Деонтическая модальность. Общечеловеческая оппозиция: профессионал = дилетант	Достичь результата: получение качественного продукта предполагает отсутствие суеты.	Сколько не кричи, не научишься печь калачи Шумом делу не поможешь Корова мычит – поезд идёт	Пустую бочку слышнее, чем полную

(Екатерина)

Лексические трансформации: *корова* → *бочка*; *мычать* → *шуметь* (*генерализация*). Грамматика: *антонимический перевод*. Стиль: *сохранён нейтральный стиль*.

Первый пример (Марина – 3-й курс) соответствует начальному периоду работы с алгоритмом, вторые два – завершают процесс обучения в высшем учебном заведении (Динара, Екатерина – 5-й курс). Как видим, в первом случае схема работы отличается «механичным» выбором из списка элементов, отвечающих содержательной стороне высказывания. Во втором случае отмечается более творческий подход к выполнению задания, использование буквенных обозначений, более детальный анализ переводческих трансформаций.

Таким образом, вышеизложенный алгоритм учебного перевода способствует оптимизации процедуры обучения переводческому мастерству. Данная схема может применяться для обучения любому типу перевода (устному, письменному). Во всех случаях

обучающиеся открывают новые возможности для извлечения разнообразной информации из исходника, «включают» дополнительные мыслительные механизмы, привыкают к использованию возможностей абстрактного мышления. Надеемся, что приведённый выше материал поможет обеспечить взаимосвязанную деятельность преподавателя и обучающегося, ориентированную на получение максимально возможной эффективности обучения переводу.

Сведения об авторах

Седых Аркадий Петрович
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры французского языка
Белгородского государственного
университета
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Гливич Елена
студентка 3-го курса
факультета романо-германской филологии
Белгородского государственного
университета
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК [821.111(73)](091)

ПРИРОДА И ГОРОД В ТВОРЧЕСТВЕ СОЛА БЕЛЛОУ: ПОЛЕМИКА С Л.Н. ТОЛСТЫМ

М.К. Бронич

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

В прозе Беллоу доминируют урбанистические мотивы и пейзажи, и постоянно идет скрытая и открытая полемика с толстовско-руссоеистской концепцией природы, как высшего блага и единственно возможной среды обитания человека. Герои Беллоу осознают, что жизнь в любых проявлениях есть сложное взаимодействие порядка и беспорядка, и что порядок и беспорядок существуют как два аспекта одного целого. Мысль о том, что естественной средой, где возможно пробуждение души, может быть только «свой» мир, будь то природный или урбанистический, «проигрывается» в каждом романе писателя.

Ключевые слова: диалог, толстовско-руссоеистская концепция природы, хаос, урбанистические мотивы.

Nature and City in Saul Bellow's Writing: Debate with Leo Tolstoy Marina Bronich

Patently dominated by urban themes and cityscapes, Bellow's prose brims with concealed and overt debate with the Tolstoy - Rousseauist concept of Nature as the ultimate blessing and the only acceptable environment for human life. Bellow's characters recognize that life, primitive or civilized, works as a complex interaction between order and disorder, and that order and disorder exist as two dimensions of the same thing offering us different perspectives of the world. An idea that the only natural soul-awakening environment can be found in ones "own" world, whether natural or urban, permeates Bellow's writing.

Key words: dialogue, the Tolstoy-Rousseauist concept of Nature, chaos, urban themes.

В творчестве Сола Беллоу постоянно идет диалог с русской литературой и, в частности, с Л.Н. Толстым. Некоторые философские мотивы русского классика оказались близки Беллоу, заинтересовали его и получили прямое или косвенное отражение в его произведениях, другие – стали предметом острой полемики.

Сол Беллоу – «романист, чье творчество находится за пределами американской пасторали» [1. С. 25]. В прозе Беллоу не только доминируют урбанистические мотивы и пейзажи, но постоянно идет скрытая и открытая полемика с руссоистской концепцией природы как высшего блага и единственно возможной среды обитания человека. Пасторальные мотивы в романах Беллоу, по мнению критика М.С. Уитинг, имеют исключительно символический характер, указывая на возможность духовного обновления. Подобный вывод исследовательница делает, исходя из того, что непродолжительные «выходы» героев за пределы городской цивилизации, как правило, совпадают с их духовным кризисом, совладав с которым на лоне природы, они возвращаются в свою естественную среду – город [2. С. 81]. Но это наблюдение справедливо только по отношению к Герцогу и то с оговорками. Показательно, что мотив бегства на лоно природы появляется в «Оги Марче» («The Adventures of Augie March», 1953), варьируется в «Лови мгновенье» («Seize the Day», 1956) как навязчивая мысль героя, апробируется в «Гендерсоне, повелителе дождя» («Henderson the Rain King», 1959) и «Герцоге» («Herzog», 1964), мелькает в «Даре Гумбольдта» («Humboldt's Gift», 1975), а затем из последующих произведений Беллоу исчезает. То есть, он присутствует в романах, где обнаруживаются в большей или меньшей степени переключки с Толстым.

Еще в юности прочитанный Толстой присутствует постоянно как важный элемент всемирного культурного наследия в сознании Беллоу. С великим русским писателем его сближает апологетика «живой жизни», верность правде как высшей цели искусства, представления о том, что душевная действительность есть величайшая, могущественнейшая сила, движущая миром. Ю.М. Лотман подчеркивал, что импульсом к взаимодействию оказывается не только сходство или сближение, но и различие, и определял возможную побудительную причину такого взаимодействия как «поиски чужого» [3. С. 112]. Таким радикальным различием Беллоу и Толстого является философия природы. Беллоу, человек городской, не принимает философии природы русского писателя. Для Толстого же город, городская жизнь – изуродованная природа; он противопоставляет добрую природу злой городской культуре.

Пожалуй, только в «Герцоге», где толстовские аллюзии наиболее очевидны, природная идиллия дает о себе знать в финале романа как передышка перед следующим этапом исканий героя. В конце романа Герцог возвращается не в Нью Йорк, а в свой полуразвалившийся деревенский дом в Людевилле, который он собирается привести в порядок, придать ему вид и статус жилища, начать все сначала. Но главное в другом: здесь, вдали от шума и гама Нью-Йорка, наедине с природой, он выздоравливает, обретает утраченную и искомую целостность. Исчерпали себя письма, исчерпали себя слова («Сейчас у него ни для кого ничего нет. Ничего. Ни единого слова» [4. С. 339]) – завершён роман. Но бегство в Беркширский дом скорее следует рассматривать как бегство в себя, а не уединение на лоне природы, тем более, что важным условием обретения равновесия героя становится вполне городской бытовой комфорт, а отнюдь не простота деревенской жизни.

В основе предыдущего романа «Гендерсон, повелитель дождя» лежала руссоистская коллизия, попытка представителя образованного общества порвать со своим миром и слиться с миром природы и живущих по ее законам «естественных» людей. Исследователи прочитывают роман Беллоу как откровенную пародию на хемингуэевский стоицизм и героизацию сафари. В качестве доказательства своей правоты они, как правило, указывают на совпадающие с хемингуэевскими инициалы заглавного героя (ЕН–Eugene Henderson) и на присущие ему атрибутивные признаки «героев кодекса» Хемингуэя. Гендерсон много пьет, не расстается со своим охотничьим ружьем, воевал в Европе и отправляется в Африку, в мир первозданной природы и примитивных людей, чтобы, оттолкнувшись от болезней цивилизации, обрести себя [5. С. 193]. Руссоистские тенденции в творчестве Хемингуэя отчасти восходят к толстовскому противопоставлению природы миру человеческого зла и насилия. Известно, какую важную роль в творческой биографии писателя сыграли «русские» и, в первую очередь, Толстой, которого он перечитывал на протяжении всей своей жизни [6. С. 42-56; 7. С.24-36].

В романе Беллоу полемизировал не только с утвердившемся в литературе благодаря Хемингуэю образом «крутого парня», живущего по законам природы, но, прежде всего, с руссоистской концепцией природы как «естественной», здоровой сущностью

человеческого бытия, как единственной основой духовной гармонии личности, с руссоистскими представлениями о нравственном преимуществе дикого состояния над цивилизованным. То есть, со всем комплексом идей, которые нашли воплощение в творчестве Толстого, противопоставившего природу как начало совершенно прекрасное, лишённое диссонансов, и совершенно нравственное человеку как продукту цивилизации. Герои Толстого в единении с природой обретают духовную зрелость. В обстановке дикой природы и патриархального казачьего быта, под влиянием любви к Марьяне, общаясь с дядей Ерошкой, Оленин начинает нравственно перерождаться («Казачьи»). Естественная сила и неистребимость природы пробуждают к новой жизни князя Андрея («Война и мир»). Приобщение к мужицкому труду (Левин косит сено с мужиками), а затем ночь, проведенная на копне сена, где герою открывается божественная красота мира, способствовали изменению взглядов Левина на жизнь («Анна Каренина»).

Природа и патриархальный мир воплощают толстовский идеал простоты, добра и правды, в поисках которого отправляется в Африку и герой Беллоу. Но африканский патриархально-примитивный мир не является единым нравственно прекрасным пространством. Его моральная дифференциация закреплена даже в названии племен, куда поочередно попадает Гендерсон: Арневи - Arnewi этимологически восходят к new («новые, невинные»), а Варири- Wariri – к war (война). Герой жаждет «все больше и больше опроститься», но, несмотря на охватившее его чувство единения с природой, он постепенно осознает, что мир Африки являет собой не простоту и гармонию, а примитивный хаос, в котором также, как и в хаосе урбанистической цивилизации, есть место жестокости и насилию, тому нравственному злу, от которого он бежал. Сопоставление здесь выявляет не просто индивидуальные различия в решении проблемы, а стадиальную разницу в концепции мира. В литературе девятнадцатого века движение событий неизбежно шло к гармонии, даже трагические финалы исходили из существования некой гармонии, упорядоченности как идеала, который противопоставлялся хаосу как беспорядку. Герой же Беллоу, и это знаменательно, осознает, что жизнь в любых проявлениях – цивилизованная или примитивная – есть сложное взаимодействие порядка и беспорядка и что «порядок и беспорядок существуют как два аспекта одного целого и дают нам

различное видение мира» [8. С. 50]. Поэтому идеал простоты, добра и правды, согласно Беллоу, не сводится к природному, естественному состоянию и чувствованию, к искомой гармонии. Человек есть продукт цивилизации, и он должен сохранить свою человечность в любых ситуациях.

Мир урбанистический не противостоит миру природному. В нем тоже можно найти и родственное и враждебное начало. Примечательно, что как враждебное человеку пространство изображается в романах Беллоу Нью-Йорк. Причем античеловечность урбанистического мира соотносится не только с механистичностью техногенной цивилизации, порождающей неустроенность жизни, эскейпизм, духовное истощение, но и с присущей природе агрессивностью. Показательным в этой связи является пейзаж, нарисованный в «Жертве» («The Victim», 1947). Герой Эйза Левенталь на пароме переправляется на Стейтен Айленд, смотрит на желто-зеленую, мутную воду, на спящих чаек и представляет, каково в эту жару приходится работающим в машинном отделении. Воображаемая картина нечеловеческих усилий ужасает его. «Башни на берегу высились огромными глыбами, опаленными, закопченными, серыми и обнажено белыми, если на них падали прямые лучи солнца. Левенталю подумалось, что свет над водой напоминал желтизну в разрезе глаз дикого животного, например, льва, нечто нечеловеческое, равнодушное ко всему человеческому и в тоже время глубоко сидящее в каждом человеке, одной крапинкой, и образующее ту часть его существа, которая отзывалась на зной и слепящий свет, при всей их изнурительности, или даже на стужу, на соленое, резкое, все то, что трудно выносить» [9. С. 52]. Громадный, надвигающийся на человека город в лучах заходящего солнца вызывает в сознании героя образы дикого зверя, как символическое воплощение брутальности, находящейся по ту сторону человечности, и отражение как своей незащитности перед лицом агрессивных сил, так и собственной агрессивности, которую он с трудом подавляет. От прекрасной картины окружающего исходит смутная угроза, человеческое вытесняется и уничтожается.

Начиная с «Герцога» карикатурно изображается толстовство как путь опрощения. В романе, в частности, совершенно в духе толстовской поэтики в одном из эпизодов «без каких-либо сюжетных последствий», пользуясь формулировкой В. Днепровы [10. С. 214],

появляется первая теща Герцога с такой характеристикой: «Старуха была толстовкой, пуританкой. Она, правда, ела мясо и тиранила окружающих» [4. С. 169]. С Толстым и толстовством ассоциируются гротескные персонажи Беллоу, проповедующие вегетарианство или воздержание. Так, один из самых комичных персонажей «Дара Гумбольта» Пьер Текстер называет себя «толстовцем», потому что «он христианский пацифист, анархист и исповедует веру в простоту и чистоту сердца» [11.С. 251]. Нелепыми представляется рассказчику романа Ситрину и некоторые нравственные постулаты русского писателя, который считал, как саркастически замечает герой Беллоу, «что люди попадают в беду, потому что они едят жаркое, пьют водку и кофе и курят сигары. Перенасыщение калориями и стимуляторами в совокупности с бездельем приводит к похоти и прочим грехам» [11. С. 171]. О том, что подобные выпады не случайны, свидетельствует и рассказ «Зетланд: наблюдение характера» («Zetland: By a Character Witness», 1974). В изображении чикагской иммигрантской среды 1920-30-х годов доминирует русский колорит, к которому естественно тяготеет выходец из России папаша Зетланд, зачитывающийся русской и еврейской на идиш поэзией, «предпочитавший общество музыкантов, артистов, <...> толстовцев, <...> революционеров, носивших пенсне, русские рубахи и бородки à la Ленин и Троцкий» [12. С.172]. В панорамном пейзаже иммигрантского Чикаго крупным планом дан вегетарианский толстовский ресторан с портретом графа Толстого в витрине: «Какая борода, какие глаза, какой нос! Однако этот великий человек отвергал банальность обычных и простых проявлений человеческой жизни, включая человеческую природу саму по себе. Что такое нос? – Хрящ. Борода? – Целлюлоза. Графский титул? – Кастовый статус, сложившийся в результате многовекового угнетения. И только Любовь, Природа и Бог являются проявлениями добра и величия» [12. С. 173]. Подчеркнутая неестественность портрета Толстого, его детальный разбор – разъем на отдельные части – пародийно освещают моральную философию проповедника, которая в данном контексте едко высмеивается как не имеющая отношения к реальной жизни и реальным потребностям человека.

В этой связи усиливается полемика с восходящей к руссоизму концепцией природы и естественности. Мысль о том, что естественной средой, где возможно пробуждение души, может быть

только «свой» мир, будь то природный или урбанистический, проигрывается в романе «Дар Гумбольдта». Глубоко почитающий Толстого Гумбольдт после первых литературных триумфов покидает мир нью-йоркской богемы и уезжает в деревню, чтобы обрести мирную и спокойную жизнь. Но в отличие от Толстого, для которого патриархальный мир Ясной Поляны был органичен, деревенская жизнь доводит Гумбольдта до сумасшествия, тем более, что его жена Кэтлин естественно вписывается в нее. Уединение, отсутствие постоянной аудитории, удаленность от возбуждающей артистической жизни чуждо поэту и приводит его к психологическому слому, а затем и к постепенному самоуничтожению. Рассказчику Чарли Ситрину порой хочется скрыться от обступивших его проблем куда-нибудь на лоно природы, но он тут же осознает иллюзорность такого бегства, потому что только мегаполис дает ему ощущение полноты существования.

Современный мегаполис – ключевой образ произведений Беллоу. Чикаго занимает особое место в географии романов Беллоу: он то окрашен ностальгическими воспоминаниями детства и юности («Приключения Оги Марча», «На память обо мне», («To Remember Me Ву», 1990), то превращается в мрачный мир «джунглей», подстерегающих за каждым углом опасностей и насилия в романе «Декабрь декана» («Dean's December», 1982), то неудержимо влечет к себе как родная эмоциональная стихия в повести «Подлинное» («The Actual», 1998). Городская среда, воссозданная в мельчайших бытовых подробностях, являет собой тот зримый, телесный мир с которым неизменно соотнесены в творчестве Беллоу духовные и интеллектуальные искания героев.

Библиографический список

1. Bradbury M. Saul Bellow. London & New York: Methuen, 1982. 108 p.
2. Wieting M.S. The Symbolic Function of the Pastoral in Saul Bellow's Novels//Saul Bellow in the 1980s.: A Collection of Critical Essays/Ed. by Gloria L.Cronin and L.H.Goldman. East Lansing: Michigan State UP, 1989. P. 81-94.
3. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М Избранные статьи: В 3 т. Т. I. Таллин: Александра. С. 110-120.

4. Беллоу С. Герцог: Роман / Пер. с англ. В.А. Харитонова; Посл. А.М. Зверева. М.: Панорама, 1992. 352 с.
5. Cronin G. Henderson the Rain King: A Parodic Expose of the Modern Novel // Saul Bellow in the 1980s: A Collection of Critical Essays/ Ed. Gloria L.Cronin and L.H.Goldman. East Lansing: Michigan State UP, 1989. P. 191-200.
6. Зверев А.М. Дворец на острие иглы: Из художественного опыта XX века. М.: Советский писатель, 1989. 416 с.
7. Сохряков Ю.И. Русская классика в литературном процессе США XX века. М.: Высшая школа, 1988. 109 с.
8. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.
9. Bellow S. The Victim. New York: A Signet Book, 1965. 256 P.
10. Днепров В.Д. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель, 1980. 598 с.
11. Bellow S. Humboldt's Gift. New York: Penguin Books, 1986. 487 p.
12. Bellow S. Him with His Foot in His Mouth and Other Stories. New York: Penguin Books, 1998. 294 p.

Сведения об авторе

Бронич Марина Карповна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: mbronich@rambler.ru

УДК 821.134.2-1

**«ОТКРЫТОСТЬ» ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК
ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ
(на примере испанской поэзии конца XIX – начала XX веков)**

Н.М. Грищенко

*Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь*

В статье изучается воздействие испанского поэтического текста на формирование читателя. Особое внимание уделяется приемам, используемым в поэтическом тексте, указывающим на многозначность сообщения. Хорошо организованный текст создает определенную компетенцию своего читателя и в то же время заранее предполагает наличие этой компетенции.

Ключевые слова: открытое произведение, поэтический текст, эстетическая информация, эмотивный стимул, образцовый читатель.

«Openness» of a Poetic Work as a Factor of Creation of a Reader (in the Spanish Poetry at the Turn of the XIX-th–XX-th Centuries)

Natalia Grischenko

The article investigates the influence of Spanish poetic texts on formation of a reader. The methods that indicate the polyvalency of communication in poetic texts is a subject of special attention. A well organized text creates a certain competence of a reader and presupposes availability of this competence.

Key words: open work, poetic text, aesthetic information, emotive impetus, ideal reader.

Поэзия представляет собой неотъемлемую часть испанской культуры. Поэтическое наследие занимает значимое место в системе мировосприятия носителей испанского языка. В испанской литературе конца XIX – начала XX веков находят отражение духовные искания и многогранный внутренний мир культурной элиты Иберийского полуострова. Испанская поэзия этого периода насыщена мифологизмом, философией и символизмом. Смысловая многозначность и многоплановость испанской поэтики исторически основывается на мифологическом мышлении, а стремление иберийских авторов к гармонии содействует поиску новых форм и метрических инноваций, которые обуславливают эмоциональную окрашенность, колорит и особую музыкальность поэтических произведений.

Ссылаясь на концепцию У. Эко, художественное произведение, обладающее эстетической ценностью, можно назвать «открытым». *Открытое произведение* понимается как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерная для любого произведения в любое время [1. С.10-11].

В открытом произведении на основе *количественной* (семантической) информации образуется более глубокий вид информации – информация *эстетическая*. Информация первого уровня возникает вследствие того, что из всей совокупности знаков извлекается основное количество возможных образных пресуппозиций. Информация второго уровня значительно отличается от семантической, поскольку эстетическое восприятие человека изменяется вместе с изменением взглядов на мир. Эстетическая информация представляет собой сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации. Она заключается в соотношении результатов первой информации с органическими свойствами произведения, осознаваемыми как их источник.

В языке культуры в целом, и в поэтике, в частности, доминируют две языковые функции: референтивная (денотативная) и эмотивная (экспрессивная, эстетическая). *Эмотивная* функция текста, как самовыражение автора, особенно важна для языка культуры. Эмотивные стимулы, которыми сообщение воздействует на своего адресата, в эстетическом сообщении воспринимаются как система коннотаций, управляемая и контролируемая собственно структурой сообщения. Используя интертекстуальные отсылки, автор заявляет читателю о своем мировоззрении, культурно-эстетических ценностях и прагматических установках: речь идет о своеобразных отсылках к исторической памяти культуры.

Текст представляет собой эстетический объект, отражающий поэтический универсум его создателя. Особенности этого поэтического универсума проступают, прежде всего, в специфическом отношении автора к внешнему и внутреннему миру. Эстетическая функция в поэтическом произведении состоит в том, чтобы открывать адресату нечто новое. Эта новизна становится возможной благодаря перераспределению информации между уровнями сообщения, что ведет к пересмотру кода и образованию

новой структурной основы произведения (перекликается с понятием центра и периферии семиотического континуума).

Наличие эстетической информации в поэтическом тексте позволяет выделить два вида читателя, формируемых этим текстом: *образцовый (идеальный) читатель (аристократический* – в терминологии Р. Барта) и *читатель эмпирический* [2. С.18-20].

Под эмпирическим читателем подразумевается любой адресат, получающий сообщение. При этом текст таким читателем воспринимается с учетом уже имеющихся знаний и опыта и под воздействием эмоций, вызванных произведением. При разных обстоятельствах и в разных условиях чтение, как процесс приобретения информации, может приводить к разным для адресата результатам, так как достоверность интерпретации зависит от исторического знания, которым обладает читатель, от понимания жизненных ситуаций. Зачастую собственные эмоции мешают эмпирическому читателю корректно воспринимать сообщение.

Образцовый читатель – это идеальный вид читателя, который становится для автора соратником и которого автор даже пытается создать. Такой читатель, как субъект восприятия текста, должен быть включенным в мировую культуру, иными словами, обладать интертекстуальной компетенцией, позволяющей ему узнавать в тексте произведения цитаты, аллюзии, отсылки в плане их смысловой идентификации. В процессе создания произведения автор ориентируется на потенциального читателя и на особенности и закономерности «духа эпохи», совокупности идей, характерных для конкретного исторического периода (концепция *Zeitgeist*), и создает пространство проекции этого текста. «Дух эпохи», формирующий язык времени, играет значительную роль в самоопределении эстетических форм и их тесном взаимодействии с иными формами, что предполагает целостность культуры, в системе которой искусству отведено особое место. В контексте «духа эпохи» автор поэтического текста, а вслед за ним и читатель, моделируют мир. Автор художественного произведения прогнозирует динамику читательской точки зрения, а «идеальный» текст формирует определенную систему, которая способна стимулировать сотворчество автора и образцового читателя. Можно допустить, что хорошо организованный текст создает определенную компетенцию своего читателя и в то же время заранее предполагает наличие этой компетенции. Здесь соединяются

прошлое (текст с заложенной в нем традицией) и настоящее (читатель со своим предпониманием текста). Подлинно художественное произведение в своей открытости не столько подвигает читателя «воссоздавать» внутренний мир автора, сколько вызывает в памяти читателя опыт, ситуации, моменты, созвучные атмосфере произведения, и таким образом порождает цепочку ассоциаций, извлеченных художественным произведением из глубин памяти читателя. Представляется, что такое домысливание по ходу чтения составляет обязательный эмоциональный аспект чтения, связанный с переживаниями, читателя.

Рубеж XIX–XX веков в испанской литературе ознаменовался приданием автономного статуса художественному сознанию в целом, и поэтическому – в частности. Испанские поэты-модернисты исходили в своем творчестве как из опыта латиноамериканских авторов, так и из идей различных нереалистических течений европейской литературы: в их работах использовались реминисценции из произведений парнасцев, прерафаэлитов, символистов, импрессионистов, неоромантиков, неоклассиков. Испанская поэзия смены эпох характеризуется глубоким философским смыслом, в ней прослеживается явственная нерушимая связь с мифотворчеством и поднимаются проблемы символизма, она многозначна и предполагает наличие у читателя определенной компетенции.

В испанском поэтическом тексте указание на многозначность сообщения может быть выражено графически в виде различных типографских приемов (например, чистое пространство вокруг того или иного слова, выделение слова многоточием или тире с двух сторон) или же пространственной композицией текста, например:

... ¡El limonar florido,
el cipresal del huerto,
el prado verde, el sol, el agua, el iris!...
¡el agua en tus cabellos!...

(A.Machado, Galerías).

Можно предположить, что текст задает читателю темп прочтения произведения. При этом ритмичность в поэтическом произведении носит смыслоразличительный характер:

Por la sierra blanca...
La nieve menuda

y el viento de cara.

*Por entre los pinos...
Con la blanca nieve
se borra el camino.*

(A.Machado, Canciones de Tierras Altas).

К тому же в поэтическом произведении один из элементов самобытности эстетической речи обуславливается как раз нарушением вероятностного порядка языка, способного сообщать обычные значения, и это приводит к увеличению числа обычных смыслов.

*Está la plaza sombría;
muere el día.
Suenan lejos las campanas.*

*De balcones y ventanas
se iluminan las vidrieras,
con reflejos mortecinos,
como huesos blanquecinos
y borrosas calaveras.*

(A.Machado, Los sueños malos).

Поэтический текст может приобретать характер саспенса (*stretching* ‘растягивание’ – в терминологии С.Чатмана), замедляющего темп прочтения: зачастую растянутые описания предметов, персонажей, пейзажа, осложнение текста большим количеством деталей – это не стилистические приемы, а способы замедлить время чтения, постепенно задать читателю ритм, который автор считает необходимым для полноценного восприятия текста. То есть сам текст как будто «принуждает» читателя медленно его читать:

*Rozan los versos como alas unguidas de lírico unguento
sobre las frentes, que se abren cual rosas de blanca alegría;
y un abanico de ritmos celestes el aire deslía,
cual si moviera sus plumas de magia de Dios el aliento.*

(S.Rueda, La lámpara de la poesía).

*¡Oh angustia! Pesa y duele el corazón... ¿Es ella?
No puede ser... Camina... En el azul, la estrella.*

(A.Machado, La calle en sombra...).

Поэтический текст как средоточие риторических приемов порождает две возможности прочтения сообщения: *научное* прочтение (когда читатель занят определением стилистических приемов) и *эстетическое* (когда читатель выступает в роли ценителя этих приемов) [3. С.52]. И в первом, и во втором случае действует механизм отсылок: читатель дает оценку полученному сообщению, т.е. выбирает те или иные ассоциации.

Если при чтении поэзии читатель стремится к тому, чтобы привести свой личностный мир в соответствие с миром текста, в тех поэтических произведениях, в основу которых сознательно положен намек, текст стремится к стимулированию личностного мира истолкователя [1. С.37]. Т. е. при построении художественного текста у автора имеется несколько возможностей проведения авторской позиции.

Целью поэтического текста является раскрытие душевной жизни человека, его эмоций, глубинных характеристик его внутреннего мира. Художественный текст возникает из особого, эгоцентрического состояния, в котором находится автор, которое можно трактовать как чувственно-понятийное постижение мира. Сущность фактов здесь предстает образно-эмоциональной. В художественном произведении внутреннее состояние персонажа может быть выражено посредством обращения к пейзажу, различного рода описаниям, которые порождают ассоциативные связи, ведущие к «наращению смыслов» (в терминологии В.В. Виноградова). Другими словами в поэтическом тексте слово тяготеет к актуализации своих скрытых смыслов, а сам текст ориентирован на эмотивность и сопереживание:

*El sol ciega... Las puertas entornadas
esperan algo que vendrá seguro,
ahogando en el silencio sus pisadas
y arrastrando su sombra sobre el muro.*

*La oscuridad de pobres interiores
acuchillan de luz los resplandores
de familiares cobres, y en el fondo*

*la vaga y verde claridad del huerto...
¡Reina un silencio tan pesado y hondo*

como si todo se encontrase muerto!

(F.Villaespesa, Granada)

Тем не менее, «открытость» поэтического произведения может осуществляться не только на уровне стимулирования эмоциональных реакций. Художественное произведение может быть «открытым» и в той мере, в какой может оставаться открытой некая дискуссия. Таким образом, соотношение между произведением и его открытостью являются гарантией коммуникативных возможностей, а также возможностей эстетического наслаждения.

Библиографический список

1. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А.Шурбелева. СПб.: Академический проспект, 2004. 384 с.
2. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с англ. А.Глебовской. СПб: Симпозиум, 2003. 285 с.
3. Общая риторика / Дюбуа Ж. [и др.]. М.: Прогресс, 1986. 392 с.

Сведения об авторе

Грищенко Наталья Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии испанского языка
Минского государственного
лингвистического университета, Минск, Беларусь
E-mail: nagri@tut.by

УДК 81'255.2:821.111-1(73)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ-ЭПИГРАФА, ПРЕДПОСЛАННОГО ПОЭМЕ У.УИТМЕНА «ЛИСТЬЯ ТРАВЫ»

И.В. Никитина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Предлагается анализ герменевтического аспекта перевода стихотворения У.Уитмена, предпосланного им в качестве эпиграфа к поэме «Листья травы». Вывод, к которому в результате приходит автор статьи: мифопоэтический аспект творчества Уитмена имеет важнейшее, если не решающее значение.

Ключевые слова: стихотворение-эпиграф У. Уитмена, герменевтический аспект перевода, мифопоэтический аспект творчества Уитмена.

The Problem of Translating Walt Whitman's Poem-Epigraph Premised to "Leaves of Grass"

Irina Nikitina

Attention of the reader is invited to the analysis of the hermeneutic problem arising while translating the poem Whitman has premised as an epigraph with his "Leaves of Grass". The conclusion drawn by the author is as follows: mythopoetical aspect in Whitman's works is of considerable if not crucial importance.

Key words: Whitman's poem-epigraph, hermeneutic aspect of translation, mythopoetical aspect in Whitman's works.

Ни одно из русскоязычных изданий «Листьев травы» не открывается эпиграфом – он никогда (как показывает результат поисков) не переводился на русский язык. Собственно, и сам поэт был недостаточно последователен в отношении к нему. Впервые опубликованное в рождественском номере газеты *New York Daily Graphic* в декабре 1874 года, это знаковое для Уитмена стихотворение становится эпиграфом в издании 1876 года. Но с титульного листа издания 1881 года оно уже исчезает, а в издании 1882 года (Камден) появляется вновь. В следующем издании 1883-1884 гг. мы его опять не видим. Однако в издании 1888 года, в также в предсмертном издании 1891-1892 годов находим его восстановленным на прежнем месте. Причина авторского непостоянства кроется, на наш взгляд, в самой сути стихотворения: оно выражает длившееся у Уитмена всю жизнь понимание как чуда двойственности своей самости («Душа» и

«Я»). Вероятно, именно желание это чудо постичь, а также отчаяние от невозможности это сделать и отразились на судьбе эпитафия. Причем эту проблему Уитмен особенно остро воспринимал в период своего становления как поэта – о чем свидетельствует Записная книжка 1847 года. В ней Уитмен признается, что он может лишь «откусить от краев бесконечного и сладчайшего чуда», но не может «проникнуть в суть тайны», однако всегда осознает «свою двойственность – свою душу и себя», и считает, что «таковы все мужчины и женщины» (прим.1) [1. С.66]. Уитмену так никогда и не удалось раскрыть единственное точное значение самого важного для него понятия – в его поздних, уже благодушных рассуждениях о самости, она так и осталась для него в значительной степени проблемой-загадкой, особенно в контексте всей поэмы.

Многочисленные рукописи, как утверждают Скалли Брэдли и Гэрольд У. Блуджетт, говорят о тщательной подготовке поэта к созданию этого стихотворения. Мы, к сожалению, располагаем лишь окончательным его вариантом [2. С.2]:

Come, said my Soul,	(1)
Such verses for my Body let us write, (for we are one,)	(2)
That should I after death invisibly return,	(3)
Or, long, long hence, in other spheres,	(4)
There to some group of mates the chants resuming,	(5)
(Tallying Earth's soil, trees, winds, tumultuous waves)	(6)
Ever with pleas'd smile I may keep on,	(7)
Ever and ever yet the verses owning – as, first, I here and now,	(8)
Signing for Soul and Body, set to them my name,	(9)
<i>Walt Whitman.</i>	(10)

Из первых строк стихотворения следует, что «Душа» и «Я» вовлечены в диалог друг с другом. Затем Уитмен вводит второе, также существенное, разделение на «Я» и «не-Я» – он говорит о своем общении с читателем и о назначении поэта – давать имена вещам Земли. В последней строке поэт, подписываясь от имени Души и Тела, объединяет их своим именем «Уолт Уитмен».

Если рассматривать эти десять строк в узком библейском смысле, все как бы становится на свои места. То есть можно предположить, что под словами «*such verses for my Body let us write*»

понимается уитменовский вариант евангельских строк, слова «*should I after death invisibly return*» подразумевают воскресение Спасителя в лице поэта-провидца, а «*long, long hence*» – его второе пришествие. Придавая же ветхозаветный смысл слову «*name*», можно говорить о его особой значимости для Уитмена: с одной стороны, оно подтверждает факт становления поэта, а с другой, – является залогом общения «во все дни до скончания века» со своими читателями. Действительно, с таким выводом соотносится следующий аргумент из Екклесиаста: «A good name is better than precious ointment; and the day of death than the day of one's birth» [3. Eccl. 7:1], который в русском синодальном переводе звучит так: «Имя лучше дорогой масти (прим.2), и день смерти – дня рождения» [4. Еккл. 7:1]. Эти строки имеют достаточно известное толкование: новорожденный ребенок, словно драгоценное масло, существует пока только телесно и еще не имеет имени. В течение своей жизни он приобретает имя, и в день смерти – как итог этой жизни – она остается за ним навсегда.

Однако, все не так просто, как кажется на первый взгляд. Собственно, слова в скобках «*for we are one*» уже не соответствуют библейской традиции. Если же рассматривать это стихотворение в контексте поэмы, то оно, выявляя, как и положено эпиграфу, самое существенное на взгляд Уитмена в «Листьях травы», говорит (как уже упоминалось выше) о чрезвычайно проблематичном явлении в его творчестве – двойственной природе самости.

Поскольку целью эпиграфа является передача в сжатой форме основного смысла, заключенного в произведении, то обязательным условием успешной межъязыковой коммуникации в данном случае будет решение вопросов, связанных с герменевтическим аспектом перевода. Чтобы адекватно передать обозначенную в оригинальном тексте проблему двойственной природы самости, точно расставить акценты в ее понимании, переводчику необходимо иметь представление о том, как Уитмен пытается приблизиться к ее решению в контексте поэмы, т.е. следует рассмотреть те стихотворения, в которых проблема эта ставится основательно. Такому требованию удовлетворяют стихотворения «Мысли о времени» (*To Think of Time*) (1855) и «На Бруклинском перевозе» (*Crossing the Brooklyn Ferry*) (1856). Несмотря на то, что стихотворения были написаны примерно в одно время, они демонстрируют совершенно разные концепции самости – Уитмен с

разных сторон «откусывает от краев бесконечного и сладчайшего чуда». Следует заметить, что другие стихотворения «Листьев травы», затрагивающие проблему двойственной самости, группируются – в этом можно убедиться при вдумчивом чтении поэмы – вокруг этих двух «центров» и, как выясняется при этом, преимущественно вокруг второго.

В стихотворении «Мысли о времени» Уитмен, хотя в первых семи главах и говорит, насколько для него реален, важен и значим «этот мир», в последних двух отказывается от него. Сфокусировавшись на вечном, он заявляет:

Клянусь, я убежден, что нет ничего, кроме бессмертия!..
...и личность создана для него, и жизнь и материя – все вместе
созданы для бессмертия! (прим.3) [2. С.369]

Для Уитмена здесь конечное приобретает значение лишь в бесконечном, в абстрактном бессмертии – конкретное и настоящее для самих себя значения не имеют. Поэтому Уитмен в этом стихотворении и не переживает преходящего, он выступает в качестве наблюдателя, а не участника, личный опыт не существенен для него. Более того, говоря о бессмертии, поэт не рассматривает его как часть действия – он просто заявляет, что «нет ничего кроме бессмертия», и, отказываясь, таким образом, вообще от какого-либо опыта, дает чисто интеллектуальную перспективу. Если рассматривать проблему двойственной природы самости в контексте временной организации стихотворения (прим.4), то концепция самости будет определяться в данном случае решением вопроса об отношении преходящего времени и абстрактного бессмертия, т.к. историческое «Я» участвует в становлении и развитии конкретного, преходящего мира, а «Душа» сопрягает самость с вечным. Сливаясь, они («Душа» и «Я») неизбежно сохраняют различие между собой – слияние не может быть полным, также как не может быть полным слияние хронологического времени и абстрактного бессмертия.

Анализ стихотворения «На Бруклинском перевозе» дает другую концепцию самости, и, прежде всего, потому, что поэт вместе с другими проживает факт переправы через реку. Это приводит его, с одной стороны, к общению, с другой, – к размышлению о том, что общение это устанавливается благодаря совместно переживаемому

опыту. Однако Уитмен не ограничивается этим личным, конкретным опытом. Он поднимает тему общения поэта с читателем, диалог между которыми происходит уже посредством совокупного человеческого опыта. Именно такой опыт, без сомнения, духовный, связывающий вместе людские души, объединяет человека прошлого, настоящего и будущего, становится основой общения в сфере межчеловеческого. Очевидно, речь здесь идет о мифологической модели мира и о совокупном человеческом опыте, благодаря которому из хаоса впечатлений оформляется космос – «в поддержании космоса против хаоса и заключается важнейшая функция мифа» [6. С.242]. Мы имеем в виду трансценденталистскую интерпретацию мифа (прим.5), согласно которой миф понимается «ни как фантазия, ни как отражение природы или общества, а предстает <...> как особая система мышления и опыта» [7. С.224]. Более детально о понимании мифа с трансценденталистской точки зрения говорит Э. Кассирер (один из основных представителей трансценденталистской интерпретации мифа). По его мнению, на миф следует смотреть как на форму мышления (категории причинности, качества, количества и т.д.), форму созерцания (пространство, время, число) и форму жизни (в центре понятие «Я» и «Душа») [8. С.41-186]. А поскольку форма жизни, в отличие от априорных предпосылок (мышление, созерцание) проявляется в опыте, то, следуя за Э. Кассирером, такие понятия как «Я» и «Душа» следует определять в плоскости личного и совокупного человеческого опыта (прим.6). И именно такую концепцию самости дает поэт в стихотворении «На Бруклинском перевозе», а также в большинстве других своих стихотворений. С одной стороны, Уитмен показывает, какой глубины и бесконечности достигает совокупный человеческий опыт:

Всякий успех зависит от трудно давшегося успеха в прошлом,
 а тот – от предшествующего успеха,
 А тот – от самого мыслимо древнего, стоящего ближе к началу,
 чем прочие (прим.7) [2. С.316]

С другой – он не отказывается и от конкретной исторической основы. Опыт обосновывается лишь в конкретном и историческом – для «мифического мышления характерно то, что оно является

«конкретным» мышлением в собственном смысле этого слова» [7. С.214], и «для мифа справедливо утверждение о наличии нашего собственного добавления в опыте» [7. С.216]. Уитмен, говоря о «радостях, нанизанных словно бусинки», тем самым фиксирует основу для общения с читателем в определенном времени и месте – «вливание» коллективного опыта и слияние его с личным опытом осуществляется в проживаемом человеческом мгновении. Таким образом, в этом стихотворении Уитмен не выходит из исторического режима времени в абстрактное бессмертие, как в стихотворении «Мысли о времени», здесь он находится в не отделимом от истории мифологическом измерении, испытывает непрерывное течение жизни из прошлого в будущее и делает это течение настоящим в данный момент.

Я знаю, что прошлое было великим и будущее будет великим,
И я знаю, что оба они причудливо срастаются в настоящем
(прим.8) [2. С.202]

«Душа» и «Я», являясь соответственно мифологической и исторической составляющими самости [9. С.70], в момент, когда личный опыт сливается с совокупным человеческим, превращаются в цельную самость «Душа-Я» – поэт не случайно подчиняет их одному имени «Уолт Уитмен». Здесь можно говорить об отсутствии дуализма Души и Тела, что собственно и характерно для мифа.

Вышеприведенное рассмотрение двух стихотворений, предпринятое с целью увеличения информационной определенности текста оригинала и компетентности переводчика, поможет решить проблему герменевтического аспекта при переводе эпитафия, являющуюся в данном случае основной. С учетом вышеизложенного можно показать, что неуверенность Уитмена в решении проблемы двойственной природы самости отразилась в эпитафии – в нем нашли место обе концепции. Причем, первой из них, иллюстрацией к которой является стихотворение «Мысли о времени», отведена лишь третья строка: «Чтобы после смерти я незримым сюда возвратился». Здесь Уитмен говорит о возможности существования невидимой, вечной реальности, или абстрактного бессмертия. Тело, какие бы строки о нем не были написаны, не существует ради себя самого, однако, через него приобретает индивидуальность Душа, которая и сопрягает самость с абсолютным бессмертием:

Живущие смотрят на мертвеца своим зрением,
Но без зрения существует другой живущий и с любопытством
смотрит на мертвеца (прим.9) [2. С.365]

Однако, строки эпитафия, начиная с четвертой и до конца, отражают вторую концепцию самости, инсценированную в стихотворении «На Бруклинском перевозе», и подчеркивают мифопоэтический аспект творчества Уитмена.

Возобновляя песни для неизвестных читателей «долгие, долгие годы спустя в иных сферах» (строка 4), давая имена вещам Земли (строка 6), Уитмен тем самым говорит о намерении «вливать» в них (читателей) совокупный человеческий опыт. В шестой строке поэт подчеркивает, что он по большей части довольствуется названием «вещей» Земли, не предпринимая попыток описывать их: «Существительные волшебны, одно слово может затопить душу» [10. С. 18]. Для Уитмена каждое из простых конкретных имен (*soil, trees, winds, tumultuous waves*) несет на себе некий эмоциональный опыт, и для того чтобы создать в читателе то же эмоциональное переживание, он просто называет эти имена.

Преступая человеческие пределы («во все дни до скончания века»), он, тем не менее, утверждает: «я здесь и сейчас» (строка 8) – так он создает основу для общения с читателем в определенном времени и месте. Подобная перспектива позволяет Уитмену владеть, во-первых, всем, чем он был (в том числе и телом своим), а во-вторых, всем тем, о чем он говорит в своей поэме. Именно поэтому в эпитафии он соответственно заявляет, что «навсегда с довольной улыбкой я мог бы остаться прежним» (строка 7), и о своем намерении «во все дни до скончания века» владеть «стихом, как в первый раз» (строка 8).

Необыкновенно откровенную мысль о жизни тела после смерти, т.е. о преступлении уготованных человеку пределов, можно найти в стихотворении «Рожденный на Поманок» (*Starting from Pomanok*):

И твоё тело, и тела всех мужчин и женщин
Мало-помалу ускользнут из рук гробовщиков и перенесутся в
иные сферы (прим.10) [2. С.22]

Более того, свою мысль о желании («с довольной улыбкой») остаться прежним Уитмен высказывает и в стихотворении «Подумай о Душе» (*Think of Soul*), не вошедшем в предсмертное издание «Листьев травы». Хотя в этом стихотворении он и оговаривается, что не в состоянии постичь это чудо, и тем не менее:

Я клянусь тебе, что тело твое каким-то образом передаст свои
очертания твоей Душе, чтобы жить в других сферах;
Я не знаю как, но знаю, что это так (прим.11) [2. С.514]

Таким образом, делая акцент на герменевтическом аспекте перевода эпиграфа и учитывая его роль в расстановке приоритетов, можно заключить: мифопоэтический аспект в творчестве Уитмена имеет важнейшее, если не решающее значение, и его следует считать определяющим при переводе «Листьев травы». Исходя из всего вышесказанного, можно предложить следующий вариант перевода:

Приди, сказала моя Душа,
Такие строки о моем Теле давай напишем (ведь мы едины),
Чтобы после смерти я незримым сюда возвратился,
Или долгие, долгие годы спустя, в иных сферах,
Там, для неведомых друзей песни возобновляя,
(Давая имена смыслам Земли – почве, деревьям, ветрам,
беспокойным волнам)
Навсегда с довольной улыбкой я смог бы остаться прежним.
Во все дни до скончания века, также владея стихом, как в
первый раз – я здесь и сейчас,
Подписываясь от имени Души и Тела, даю им свое имя,
Уолт Уитмен.

Примечания

1. Здесь и далее все приводимые переводы выполнены автором статьи.
2. Елей или благовоние.
3. I swear I think there is nothing but immortality!..
...and identity is for it – and life and materials are altogether for it!

4. Это более чем оправдано, так как образ человека в литературе в значительной мере определяется хронотопом, ведущим началом в котором, в свою очередь, является время [5. С.235].

5. Под трансценденталистской интерпретацией мифа подразумевается такое истолкование мифа, которое, прежде всего, задается вопросом об условиях возможности мифа [7. С.212].

6. Это не противоречит позиции М.М. Бахтина, т.к. личный и совокупный человеческий опыт проявляются исключительно в хронологическом и мифологическом времени соответственно.

7. No consummation exists without being from some long previous

consummation, and that from some other,
Without the farthest conceivable one coming a bit nearer the
beginning than any.

8. I know that the past was great and the future will be great,
And I know that both curiously conjoint in the present time.

9. The living look upon the corpse with their eyesight,
But without eyesight lingers a different living and looks
curiously on
the corpse.

Заметим, что в первом полном русскоязычном издании 1982 года Р.Сеф при переводе этих строк допустил значительную неточность:

Живой человек смотрит на мертвеца,
Потом отводит свой взор и медлит недолго, затем чтобы еще
раз внимательно взглянуть на труп.

10. Of your real body and any man's or woman's real body,
Item for item it will elude the hands of the corpse-cleaners and pass
to fitting spheres.

11. Think of the Soul,
I swear to you that body of yours gives proportions to your Soul
somehow to live in other spheres;
I do not know how, but I know it is so.

Библиографический список

1. Whitman W. *Uncollected Poetry and Prose*; vol.2 / edited by Emory Holloway. New York: P.Smith, 1932. 225 p.

2. Whitman W. *Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism* / edited by Michael Moon. New York: A Norton critical edition, 2002. 919p.
3. The Holy Bible: King James Version // Электронный ресурс Интернет: <http://www.bartleby.com/108/21/7.html#S7>.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 2002.
5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Изд. 3-е, репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература»; РАН, 2000. 407 с.
7. Круглов А.Н. Трансцендентализм в философии. М.: НИПКЦ «Восход А», 2000. 383 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Пер. с нем. В 2 т. Т.2. Мифологическое мышление. М., СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.
9. Carlisle E. F. *The Uncertain Self. Whitman's Drama of Identity*. Michigan State University Press, 1973. 207 p.
10. Whitman W. *American Primer: With Facsimiles of the Original Manuscript* / edited by H. Traubel; afterword by Gay Wilson Allen. Stevens Point, Wisconsin: Holy Cow Press, 1987. 44 p.

Сведения об авторе

Никитина Ирина Владимировна
аспирант кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: irene.nikitina@gmail.com

УДК 821.161.1(091):81'255.2

С.М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ: ОТ ТЕРРОРИСТА К ЛИТЕРАТОРУ И ПЕРЕВОДЧИКУ

М.Б. Феклин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена исследованию жизни и творчества С.М. Степняка-Кравчинского. Особое внимание уделяется позднему периоду творчества и вкладу в перевод произведений Тургенева на английский язык.

Ключевые слова: террорист, нигилист, переводчик.

**S.M. Stepnyak-Kravchinsky: From the Terrorist to Man-of-Letters and Translator
Mikhail Feklin**

The article is devoted to the life and work of S.M. Stepnyak-Kravchinsky. The emphasis is placed on his later literary endeavours and his contribution towards the bringing of Turgenev's works to the English reader.

Key words: terrorist, nihilist, interpreter.

О короткой жизни и обширном творчестве С.М. Степняка-Кравчинского (1851–1895) известно довольно много. Они явно распадаются на два основных периода: до переезда в Англию в 1884 году и после. Простое перечисление бурных событий первого периода его жизни дает предостаточно материала для нескольких приключенческих романов: «хождение в народ» в 1873 году, арест, побег, переход на нелегальное положение, эмиграция в Швейцарию в 1874 году, участие в восстании в Герцеговине, возвращение в Москву после подавления восстания, организация и исполнение нескольких дерзких побегов из тюрем своих друзей, участие в вооруженном восстании в итальянской провинции Беневенто в 1877 году, снова арест и смертный приговор, отмененный в 1878 году. Тайное возвращение в Россию в 1878 году и покушение 4 августа того же года на шефа жандармов Н.В. Мезенцова, которого Сергей Кравчинский смертельно ранил кинжалом среди бела дня на Итальянской улице, в самом центре Петербурга, успешный побег с места покушения под прикрытием А.И. Баранникова на знаменитом «революционном коне» Варваре, который в 1876 году умчал из

тюремного госпиталя Петра Кропоткина, а в 1877 году – бежавшего из тюрьмы В.С. Ивановского, а за несколько месяцев до покушения на Мезенцова спас от тюремной погони А.К. Преснякова, позднее пойманного и казненного в ноябре 1880 года (Достоевский делает об этом многозначительную запись в своих записных книжках). По прихоти судьбы именно Варвар, наконец-то плененный правительством и призванный на полицейскую службу, 1 марта 1881 года доставит в Зимний дворец смертельно раненного русского самодержца.

На этом целая цепь символических совпадений и знаковых параллелей (в том числе и околотитературных) в жизни Кравчинского не заканчивается. До 1881 года он скрывается в Швейцарии, но стремится в Россию, где его соратники, среди которых одним из ключевых звеньев является Баранников, готовят покушение на Александра II. И только слишком приметная внешность Кравчинского не позволяет революционерам привлечь его к готовящемуся теракту.

Но и накануне покушения (25–26 января 1881 года) коллизии политической и литературной жизни России трагическим образом тесно переплетаются. В одном и том же доме по Кузнечному переулку Петербурга, в соседних квартирах назревают итоги общественного развития страны – в квартире 10 умирает великий русский писатель Достоевский, а в квартире 11 все готовится для грядущего покушения. В своей известной книге «Последний год Достоевского» И.Л. Волгин подробно рассматривает детали событий и даже делает далеко идущие намеки на некие связи между обитателями обеих квартир, которым, по его же словам, не находится вещественных доказательств. У нас же нет ни малейших сомнений, что при определенных обстоятельствах наш герой мог бы самым естественным образом оказаться в квартире 11.

Литературная деятельность Кравчинского начинается в 1874 году в Швейцарии, где он занимается переводами, сотрудничает с газетой бакунинского направления «Работник» (Женева), встречается с Г.А. Лопатиным, П.Н. Ткачевым, П.Л. Лавровым, М.А. Бакуниным и др. Он выдвигает идею «пропаганды действием», «показательного бунта» и самопожертвования. Все эти идеи нашли отражение в пропагандистских сказках («Сказка о копейке» (1874) и др.). В 1878 году вместе с П.Б. Аксельродом и Л.Г. Дейчем он основывает журнал

«Община», а после нелегального возвращения в Россию в 1878 году становится главным редактором четырех номеров газеты «Земля и воля. Социально-революционное обозрение».

После покушения на Мезенцова и бегства в Швейцарию он публикует брошюру «Смерть за смерть», в которой объясняет мотивы своего поступка. В Швейцарии он снова занимается переводами, пишет серию очерков, которые легли в основу книги «Подпольная Россия», вызвавшей сочувственные отзывы Э. Золя, И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, однако русское правительство все настойчивее требовало экстрадиции Кравчинского, и он тайно перебирается сначала в Италию, а потом и в Англию, где с 1884 году ему пришлось прожить остаток своей недолгой жизни.

В Англии Кравчинский (более известный там под именем Степняка), издает целую серию книг о различных аспектах современного русского общества, однако наибольшую известность ему приносит роман «Жизнь нигилиста» (*The Career of a Nihilist*, 1888, под редакцией Элеоноры и Эдуарда Эвелингов). Очевидно, именно благодаря творчеству Степняка (Кравчинского), Тургенева и исследованиям о России Д.М. Уоллеса, слово «нигилист» и входит в английский язык.

Степняк активно участвует в общественной жизни, посещает различные митинги, в 1889 году по его инициативе создаются «Общество друзей русской свободы» и его орган журнал «Свободная Россия». Круг его английских друзей быстро расширяется. Летом 1892 года еще один русский эмигрант Феликс Волховский знакомит Эдварда и Констанс Гарнетт с редактором журнала «Свободная Россия».

Знакомство Констанс Гарнетт с Сергеем Степняком и последующее сближение с ним произошли легко и естественно, их объединяло слишком много общих духовных интересов и общественно-политических взглядов.

В 1884 году Констанс закончила университетский курс и стала преподавателем двух девочек из богатой семьи Уайт, немного позднее у нее появились и другие ученики, среди которых была Антония Бут, дочь Чарльза Бута. Как раз в то время Бут работал над исследованием условий жизни обитателей лондонского дна *The Life and Labour of the People of London*, ставшего впоследствии знаменитым. На Констанс, которая быстро подружилась с членами

семьи Бута, результаты исследования оказали сильнейшее воздействие и привели ее в ряды Фабианского общества.

Для нее это был период увлечения идеями социального переустройства общества. В 1894–1895 годах Констанс избирают в исполнительный комитет Фабианского общества, куда также входили Грэм Уоллес, Эдвард Пиз и Рамзей Макдональд. Однако усиление влияния супругов Уэбб на деятельность общества и их понимание социализма вызывают у Констанс все возрастающее чувство раздражения, и постепенно она отдаляется от фабианцев.

Жизнь для Эдварда и Констанс в бедном лондонском Ист-Энде закончилась в марте 1891 года. Эдвард получил существенную прибавку к жалованью в издательстве Анвина, для Констанс это означало завершение карьеры библиотекаря, и семья переехала в небольшой коттедж в графстве Суррей (Frog-hole – «лягушачья нора»), который становится гостеприимным домом для большого круга литераторов, общественных деятелей и политэмигрантов.

Считается, что увлечение Гарнеттов русской литературой было вызвано, прежде всего, знакомством с Сергеем Степняком. Это действительно так, но не полностью отражает историю постепенного знакомства Гарнеттов с русской культурой.

Вначале Эдвард написал подробную рецензию на сборник критических статей Чарльза Эдварда Тернера (1831–1903) «Современные романисты России». Но Эдварду не удалось показать, как русские романисты расширили диапазон возможностей жанра романа.

Потенциал современного русского романа не прекращал привлекать внимание молодых Гарнеттов. И уже в январе 1890 года Констанс обращается к романам Тургенева пока во французских переводах.

Предрасположенность Гарнеттов к чужой для них культуре не возникла столь уж неожиданно. Во-первых, Ричард, отец Эдварда, работал под руководством беженца из Италии Антонио Паницци. Карл Маркс стал читателем библиотеки Британского музея в 1850 году. Ричард не вполне понимал роль Маркса, когда написал осторожную рецензию на первый том «Капитала» в 1868 году. Позднее они познакомились гораздо ближе, однако не так близко, как с князем-анархистом Кропоткиным. Поэтому политэмигранты из Европы не были в новинку для Эдварда.

В 1878 году появился сборник эссе Генри Джеймса «Французские поэты и романисты», и в этот же сборник Джеймс включил статью о Тургеневе. Тем самым, может быть и не желая того, Джеймс придал переводам русских писателей с французского известную долю естественности.

Тургенев много раз посещал Англию, встречался с английскими писателями, поэтами и художниками, в том числе и Ричардом Гарнеттом. Имя Тургенева в Англии было хорошо известно, а заслуги перед литературой по достоинству оценены степенью почетного доктора Оксфордского университета (1879), однако сочинения русского писателя так и не были полностью переведены.

Наиболее подходящей фигурой для воплощения в жизнь столь масштабной задачи казался Уильям Ролстон (1828–1889). Сам Тургенев считал его перевод романа «Дворянское гнездо», вышедшего в Англии под названием «Лиза» (1869), чрезвычайно удачным, и вместе с тем Ролстону не удалось закрепить за собой звание «официального» переводчика Тургенева. К тому же, Ролстон поссорился с руководством Британского музея и в 1875 году вынужден был подать в отставку, что осложнило его финансовое положение и ввергло в глубокую депрессию.

Само содержание романов Тургенева отличалось сочетанием многих художественных достоинств, и в то же время в них не было, как казалось многим англичанам, циничного реализма французских писателей и постной поучительности английского романа. Подход к созданию характера, когда герой, по выражению Мирского, становился не просто положительным или отрицательным, а превращался в более или менее несчастное существо [1. С.184], заслуживающее сочувствия, привлекал внимание Эдварда Гарнетта. Подобное видение человеческой природы соответствовало взглядам Эдварда, которому страстно хотелось, чтобы этому примеру следовало как можно больше английских писателей.

Однако стиль Тургенева, особенно пространные лирические описания, таил в себе невероятные трудности, которые должна была преодолеть Констанс Гарнетт. Уже работая над переводом романа «Рудин», в 1892 году в письме к сестре Олив Гарнетт так описывает свое состояние: “...oh! It is difficult. I am amazed now at my impudence in undertaking it, and Ralston is so good, that I must make a decent job of it somehow” (здесь и далее перевод мой – М.Ф.) – О, как это трудно! Я

поражаюсь сейчас собственному нахальству взяться за этот перевод, да и Ролстон так хорош, что я просто обязана перевести, по крайней мере, не хуже [2. С. 96].

В то время Констанс Гарнетт еще не осознавала, что ей предстоит перевести на английский всего Тургенева, хотя и Эдвард, и Констанс понимали, что это необходимо сделать. Пока же у будущего перевода даже не было издателя.

Первоначально интерес к русскому языку у Констанс Гарнетт появляется после знакомства с Феликсом Волховским, который видел в коттедже Гарнеттов в графстве Суррей не только гостеприимный дом, но и штаб-квартиру общества «Друзей русской свободы», и редакцию газеты «Свободная Россия». Однако интерес Констанс к языку и культуре России усиливается еще более после появления в жизни Гарнеттов Сергея Степняка.

История его жизни в России, мужественная внешность и благородство обладали такой притягательной силой, что Степняк быстро становится больше, чем просто другом Гарнеттов и до некоторой степени определяет дальнейшее развитие английской литературы.

В конце 1891 года занятия русским языком были для практичной Констанс Гарнетт способом скоротать вынужденный период бездеятельности до появления в марте 1892 года сына Дэвида. Сначала под руководством Феликса Волховского Констанс приступила к переводу «Обыкновенной истории» Гончарова. Прошли месяцы, прежде чем она смогла переводить хотя бы по одной странице в день. После небольшого перерыва, вызванного рождением сына Дэвида, поездкой в Париж в мае 1892 года и внезапной смертью отца Констанс Дэвида Блэка, Констанс снова принимается за изучение русского языка и переводы.

Переводы русской классической литературы Констанс Гарнетт начинает с «Обыкновенной истории» Гончарова. Вначале она даже не надеялась найти издателя для своего перевода. Помимо этого, в 1892 году Констанс приступает к написанию романа. В конце того же года она прочитала первую главу своего романа Олив Гарнетт, которой показалось, что написанное по стилю очень напоминает произведения знаменитой к тому времени английской писательницы Джордж Элиот (1819–1880) и могло выйти из-под пера только просвещенной современной женщины-выпускницы Кембриджа.

По рекомендации Степняка Констанс Гарнетт посылает «Обыкновенную историю» издателю Хайнеманну, и тот неожиданно соглашается ее напечатать.

Воодушевленные таким успехом, Констанс и Эдвард обсуждают проект перевода собрания сочинений Тургенева. И здесь снова неоценимую помощь оказывает Степняк. К тому времени большинство произведений русского писателя были уже переведены на английский язык, однако Эдвард и Констанс предложили издателю Анвину выпустить десяти томное собрание сочинений Тургенева. Они явно спешили реализовать свой план, так как работавший в издательстве Эдвард считал, что Анвин также рассматривал возможность издания собрания сочинений Тургенева в переводах с французского на английский. Такой вариант, конечно же, был значительно дешевле. Но переговоры с Анвином ни к чему не привели, и тогда Гарнетты обратились в издательство Хайнеманна.

Согласие Хайнеманна вызвало у Констанс Гарнетт восторг. Это означало, что она становилась профессиональным переводчиком. Однако Констанс вполне отдавала отчет тем языковым трудностям, с которыми ей предстояло столкнуться. Тогда она вновь обращается к Степняку и делает это в подчеркнуто официальном тоне. Констанс просит его стать не просто редактором ее переводов, а практически соавтором (coadjutor), и предлагает ему двадцать процентов от своего гонорара, хотя расчетливый Эдвард первоначально настаивал на пяти. Помимо переводческого соавторства Степняк должен был еще предпосылать каждому тому краткую историческую справку и критическую статью.

Но осторожный Хайнеманн опасался сотрудничества с политическим эмигрантом Степняком. Как автор предисловий к произведениям Тургенева его более устраивал Генри Джеймс. Таким образом, Генри Джеймс едва не стал автором предисловий для первого английского собрания сочинений Тургенева.

По воспоминаниям Олив Гарнетт Эдвард Гарнетт продолжал поиски выхода из затруднительного положения, поскольку Констанс казалось, что удовольствие от перевода работ великого русского писателя будет для нее испорчено, если в проекте не будет участвовать Степняк. Как видно из мемуаров Дэвида Гарнетта (сына Констанс) и Ричарда Гарнетта (внука), к началу 1893 года Степняк и Констанс Гарнетт были явно влюблены друг в друга.

Следует отметить, что отношение Констанс Гарнетт к своему кумиру Сергею Степняку в то же время было окрашено ее пониманием русского национального характера. И в этом отношении сочетались уважение к порядочности, гордости и мужеству (Констанс Гарнетт было известно, что Степняк заколол ножом жандармского генерала Н.В. Мезенцова, сумел скрыться, а потом признался в содеянном, когда наказание стало угрожать невинному человеку) с представлением о том, что в конечном итоге все русские отличаются капризностью и непредсказуемостью поведения. Степняк, как обнаружила потрясенная Констанс Гарнетт, регулярно выносил для чтения книги из библиотеки Британского музея [3. С. 19–21].

Степняк позволял Гарнеттам называть его нигилистом, но по характеру он был непохож на героев романов Тургенева. Он увлекался искусством, хорошо знал музыку и литературу. Больше всего ему хотелось выступать в качестве литературного критика и писать романы, и только обстоятельства превратили Степняка в политического эмигранта.

Между тем 6 июля 1893 года Констанс закончила перевод романа «Рудин» и попросила Эдварда достать ей экземпляр «Записок охотника», но она смогла приступить к переводу «Записок» только в следующем году.

Итак, к середине 1893 года план издания собрания сочинений Тургенева обрел реальные очертания, однако по договоренности с Хайнеманном имя Степняка не должно было упоминаться на титульной странице издания, а лишь в рекламных листах. Но, как оказалось позднее, и это условие не было до конца соблюдено.

В конце 1893 года Констанс отправляется в Россию, и одной из основных целей ее поездки было совершенствование навыков разговорной речи. Показателен эпизод встречи Констанс Гарнетт с Николаем Константиновичем Михайловским вскоре после приезда Констанс в Санкт-Петербург. Когда Констанс неожиданно оказалась лицом к лицу с этим русским философом и другом Короленко, она так и не смогла преодолеть робость и заговорить с ним по-русски. Она уже перевела на английский три произведения русских писателей, однако почти не имела опыта разговорной речи. Констанс могла бегло говорить по-французски и довольно хорошо по-немецки, но русский оставался для нее языком классических русских романов,

и она знала его даже несколько хуже, чем древнегреческий. 24 февраля 1894 года Констанс Гарнетт возвращается в Англию.

Постепенно Констанс вырабатывает свой метод работы с текстами русских писателей. Сначала она находила в словаре все незнакомые русские слова, записывала между строчек их перевод на английский и только после этого приступала собственно к переводу текста. После завершения перевода его, как правило, редактировал Степняк.

Дэвид Гарнетт оставил воспоминания о том, как при работе над текстом менялось выражение лица Констанс Гарнетт, а Д.Г. Лоуренс запомнил Констанс такой: "... sitting out in the garden turning out realms of her marvellous translations from the Russian. She would finish a page, and throw it off on a pile on the floor without looking up, and start another page. The pile would be this high ... really almost up to her knees, and all magical" – Она сидела в саду и создавала целые королевства переводов с русского. Закончив очередную страницу, она бросала ее, даже не прочитав, на целую кипу таких же страниц и начинала переводить новую. Стопа быстро росла и доходила ей почти до колен, все было исполнено волшебства [2. С. 133].

Пока Констанс Гарнетт находилась в России, издательство Хайнеманна объявило о предстоящем выходе в свет романа Тургенева «Рудин», а вслед за ним и других произведений русского писателя. В июле 1894 года роман в переводе Констанс Гарнетт уже появился в продаже и вызвал немало откликов в прессе. Так, анонимный рецензент из либеральной газеты *the Daily Chronicle*, которую, кстати, регулярно читали Гарнетты, дал переводу чрезвычайно хвалебный отзыв: "It is only of late years that translation has been regarded in England as a reputable art... Translations are no longer executed by people who are equally ignorant of the language from which and into which they are translating. Perhaps, then, we may regard it as a merciful interposition of providence that Turgenev, half of whose charm resides in his gracious silver-tongued style, should have been preserved from the translator-traitor of bygone days... the complete translations projected by Mr. Heinemann has been entrusted to Mrs. Constance Garnett, and could not have fallen into better hands. If in subsequent volumes Mrs. Garnett can keep up the level of excellence attained in 'Rudin' we shall thank her for one of the best series of translations in the language" - Только в последние годы перевод в Англии превратился в достойное занятие... Переводами

больше не занимаются люди, одинаково невежественные и в языке, с которого переводят, и в языке, на который переводят. Возможно, нам следует благодарить Провидение за то, что оно уберегло Тургенева, чье очарование неотделимо от изящного и благородного стиля, от переводчиков-предателей дней минувших... перевод полного собрания сочинений, к изданию которого приступил г-н Хайнеманн, поручено г-же Констанс Гарнетт, и он не мог оказаться в более надежных руках. Если в последующих томах г-же Гарнетт удастся сохранить высочайший уровень мастерства, достигнутый в романе «Рудин», мы должны будем поблагодарить ее за одну из лучших серий переводов на английский язык [2. С. 139].

В целом отклики на выход перевода первого романа были благожелательными, читатели предвкушали появление собрания сочинений великого русского писателя, хотя первоначально Хайнеманн и не претендовал на издание полного собрания сочинений. Он планировал ограничиться изданием только романов Тургенева.

Между тем Эдвард неожиданно тяжело заболел, и ему потребовалась срочная медицинская помощь, которую могли оказать родственники Констанс, в частности, Роберт Блэк. Гарнетты переезжают на лето 1894 года в Брайтон, и здесь неутомимая Констанс, которая ставила перед собой задачу переводить не менее пяти тысяч слов каждый день (!), заканчивает работу над романами «Накануне» и «Отцы и дети».

Одновременно разразился кризис из-за предисловий к переводам Констанс Гарнетт. Первый роман («Рудин») действительно вышел с исторической справкой и вступительной статьей Степняка, однако его имя было приведено лишь в конце предисловия. И Констанс, и Степняк считали это несправедливым. В конце концов, Степняк отказался от дальнейшего участия в издании романов Тургенева. Но прежде чем отказаться от участия в издании собрания романов Тургенева, Степняк предложил Констанс поручить эту работу либо Эдмунду Госсу, либо Джорджу Муру. Однако это предложение только укрепило желание Эдварда Гарнетта самому взяться за написание предисловий. На протяжении всей своей жизни Эдвард испытывал едва скрываемое презрение к «академическим критикам», к которым он справедливо относил и Эдмунда Госса. К тому же, у Гарнеттов уже имелся опыт неудачного сотрудничества

именно с этим критиком. Незадолго до того в переводе Констанс Гарнетт вышла в свет «Обыкновенная история» И.А. Гончарова. Хайнеманн считал нужным, чтобы Госс написал к ней предисловие, однако Госс не испытывал никакого интереса к материалу, а следовательно, его предисловие не могло пробудить интерес к новому автору и у читателя. Хайнеманн не мог не заметить этого, и, в конце концов, повесть Гончарова была напечатана без предисловия Госса. По этому поводу Олив Гарнетт заметила: "Mr, Gosse made a greater fool of himself than usual" - Г-н Госс оказался в более нелепом положении, чем обычно [2. С. 142].

Когда речь заходила о Джордже Муре, Констанс Гарнетт всегда вспоминала отзыв о нем своего свекра Ричарда Гарнетта, который видел в Муре «немного простофилю и немного гения» (a bit of a goose and a bit of genius). В целом же Гарнетты считали, что творчество Мура, за исключением одного-двух романов, значительно уступает по своим достоинствам современным французским и русским романам.

В то же время Констанс справедливо опасалась потерять часть своей независимости, если Эдвард станет автором предисловий к ее переводам Тургенева. Помимо этого опасения имелось и еще одно обстоятельство: Эдвард был очень загружен работой в издательстве Анвина, и Констанс считала, что эта занятость не позволит ему со всей серьезностью подойти к написанию предисловий. Она была готова пойти на жертву и вообще отказаться от предисловий, если Хайнеманн откажется от сотрудничества со Степняком. Однако Хайнеманн убедил Констанс в необходимости предисловий, и ей пришлось смириться с мыслью о том, что вместо Степняка ей придется продолжать работу над романами Тургенева вместе с Эдвардом. К октябрю 1894 года Эдвард завершает предисловие к роману «Накануне».

Как оказалось, Эдвард Гарнетт как нельзя лучше подходил на роль интерпретатора творчества Тургенева. Степняк видел свою цель в том, чтобы посредством романов Тургенева английский читатель смог лучше узнать Россию. Эдвард Гарнетт понимал свою миссию иначе. Он хотел показать и английским читателям, и английским писателям художественные достоинства романов Тургенева. Предисловия Эдварда были хорошо приняты критикой и помогли ему упрочить репутацию знатока русской литературы.

К 1895 году положение Констанс Гарнетт также упрочилось. Перевод романа «Накануне» должен был выйти в марте, она заключила выгодное соглашение с издательством Анвина. Благодаря своей невероятной работоспособности она перевела всего лишь за год шесть томов произведений Тургенева и других русских авторов. Степняк продолжал редактировать ее переводы, что значительно повышало их качество.

Гарнетты впервые смогли позволить себе уехать из Лондона, где Констанс немедленно погрузилась в работу. Однако напряжение было настолько велико, что примерно через шесть месяцев ей пришлось отложить в сторону переводы и дать отдых измученным глазам. Кстати, Констанс искренне верила в то, что ее усталость объясняется еще и особенностями русского алфавита, который превращал печатный текст в череду трудно различимых блоков. В то время как в латинском алфавите многие буквы выступают над строчкой, в русском алфавите таких букв гораздо меньше. И Констанс вполне серьезно говорила о необходимости реформирования графики некоторых букв.

Вышедший в марте 1895 года перевод романа «Накануне» показался блестящим Эдварду и Олив Гарнетт, но Констанс к своему ужасу обнаружила в тексте огромное количество опечаток, которых было особенно много во второй половине перевода. В то время она уже заканчивала правку перевода романа «Отцы и дети» и приступила к работе над двумя томами «Записок охотника», изобиловавших описаниями и полных, как ей казалось, причудливых слов и выражений. Констанс чувствовала, что без активной помощи Степняка ей не удастся преодолеть постоянно возникающие трудности. Степняк стал консультировать Констанс регулярно, но эти встречи носили все более и более деловой характер.

В мае 1895 года в торжественной обстановке начинается строительство семейного гнезда Гарнеттов, получившего название «Сеарн» (просека), осенью Гарнетты и Степняки переезжают в Лондон, а 23 декабря Сергей Степняк погибает под колесами поезда. Его друзья объясняли позднее, что Степняк, будучи узником турецкой тюрьмы в Герцеговине, выработал в себе способность совершенно отключаться от внешнего мира в минуты раздумий.

Смерть Сергея Степняка стала страшным ударом для Констанс, от которого она долгое время не могла оправиться. Однако, как

отмечает в своих воспоминаниях Дэвид Гарнетт, гибель Степняка еще более укрепила дружбу Констанс с Фанни Степняк, а также с другими русскими эмигрантами, близко знавшими Степняка. Эта трагедия наполнила Констанс решимостью продолжать начатые переводы Тургенева, работу над которыми она не прерывала ни на один день, несмотря на бесконечные хлопоты, связанные с предстоящим переездом в «Сеарн». Теперь Констанс Гарнетт готовила к изданию два тома романа «Новь». Но работа над романом практически остановилась, когда Эдвард заболел тифом, и Констанс, забыв обо всем, приложила огромные усилия и фактически превратилась в сиделку, чтобы спасти ему жизнь.

С выходом в свет романа «Новь» весной 1896 года работа над романами Тургенева была завершена, однако Констанс предстояло еще перевести пьесы и стихотворения в прозе, что было для нее особенно трудной задачей. Последний том собрания сочинений Тургенева, несмотря на недовольство Хайнеманна, Констанс Гарнетт посвящает Степняку, а в 1900 году выдающиеся достижения Гарнетт в области перевода (прежде всего перевода романов Тургенева) были отмечены престижной премией “Awards to Authors”. Отметим, что наряду с Гарнетт премию получили Йейтс и Дж. М. Тревелиян. Очевидно, что этой премией она была обязана не только своей настойчивости и трудолюбию, но и сотрудничеству со Степняком.

Библиографический список

1. Mirsky D.S. A History of Russian Literature. London: Routledge, 1949. P. 184.
2. Garnett R. Constance Garnett: A Heroic Life. London, 1990.
3. Jefferson G. Edward Garnett. A Life in Literature. London: Jonathan Cape, 1982. P. 19–21.

Сведения об авторе

Феклин Михаил Борисович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики английского
языка и перевода НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: mbfeklin@yahoo.com

УДК 81'255.4:821.133.1

РОМАНЫ АНДРЕЯ МАКИНА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

С.М. Фомин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена исследованию романного творчества современного французского писателя Андрея Макина, имеющего русские корни. Исследуются причины отказа писателя-билингва переводить на русский язык романы, написанные им на французском. Кроме «биографических» причин, связанных с трудностями продвижения первых книг на французском рынке, нежелание А. Макина завоевать российский книжный рынок объясняется как спецификой переводческой практики, так и особенностями ментальности и различиями французской и русской концептосфер.

Ключевые слова: перевод, писатель-билингв, этнокультуры, лубочная литература, перевод-интерпретация, перекодирование, лирическая проза.

Andrei Makin's Novels: Problems of Translation

Sergey Fomin

The article is a study of novels by Andreï Makine, a modern French writer of Russian descent, with a particular emphasis on the reasons behind the bilingual author's refusal to have his French novels translated into Russian. Along with "biographical" reasons, connected with the challenge of promoting his first books in French, Andreï Makine's reluctance to break into the Russian book market is explained by peculiarities in translation practices as well as differences in the two national mentalities and French and Russian concept-spheres.

Key words: translation, bilingual writer, ethnic cultures, lubok literature, interpretative translation, re-coding, lyrical prose.

Казалось бы, никакой проблемы перевода ныне здравствующих и плодотворно работающих в литературе писателей-билингвов не существует в принципе. Никто лучше самого автора, способного творить на языке второй родины, не сможет в полной мере передать авторскую интенцию и особенности ее стилистического оформления. Однако беллетристике известны случаи, когда никакие уговоры и гонорары не способны заставить писателя взяться за перевод своего же художественного произведения. Во Франции примером такого отношения к собственным текстам на французском языке может служить популярный писатель Андрей Макин.

Художник, чье творчество совмещает две этнокультуры, - пример писателя, чей текст возникает на пересечении двух и более концептосфер. Этот факт, как справедливо замечает автор

исследования «Художественный перевод: история, теория, практика» В.С. Модестов, «требуется дополнительно учитывать личность автора (воспитание, образование, вероисповедание и др.) и среду формирования его как писателя (этнокультура быта, языки общения и др.)» [1. С. 96]. Однако о себе А. Макин рассказывает очень скупое, неизменно оставаясь в рамках *curriculum vitae*. Историю его жизни последнее время дополняют многочисленные интервью, в одном из которых он признался, что до сих пор не нашел хорошего переводчика, а собственные произведения не переводит из принципа, имея и в России около 250 тысяч человек, неплохо владеющих французским.

Прежде чем попытаться понять истоки такой принципиальности, следует представить художника, который открыто черпает материал из своей биографии. Родившись в Сибири, А. Макин получил блестящее образование в Московском университете, где защитил кандидатскую диссертацию. В качестве преподавателя французского языка в 1987 году отправился работать ассистентом русского языка в парижский лицей «Декур», где через год остался в надежде получить литературное признание. Оно неожиданно, хотя и вполне заслуженно, пришло к нему в 1995 году с романом «Французское завещание». Сегодня А. Макин – признанный мэтр французской литературы, автор более десятка произведений, изданных большими тиражами. Последний роман «Имя твое неизвестно» (*La Vie d'un Homme Inconnu*, P. Seuil, 2009) лишний раз доказал, что А. Макин – достойный продолжатель традиций великих русских классиков. Очевидно, что и переводческая деятельность принесла бы автору «Французского завещания» заслуженные лавры.

Уместно предположить, что в случае с Андреем Макиным издатели дважды обращались к нему с просьбой перевести себя самого. Первый раз – в начале литературной карьеры во Франции, когда еще никому неизвестный писатель пытался пристроить в каком-нибудь издательстве свои первые литературные опусы. Когда молодой автор представлял им французский вариант, они были уверены, что имеют дело с переводом, которого, как утверждает А. Макин, в природе не существовало: тексты сразу писались по-французски.

Для того, чтобы редакторы хотя бы взяли в работу его романы «Исповедь поверженного знаменосца», «Дочь героя Советского

Союза» и «Во времена реки Амур», А. Макину пришлось срочно переводить их на родной язык, хотя авторские варианты этих книг в России так никогда и не были опубликованы. Насильственное обращение к переводческой практике может, кстати, служить довольно веским экстралитературным объяснением поведения автора. Оно, понятно, не единственное.

Ситуация кардинально поменялась после романа «Французское завещание» (*Le Testament Français*. P. Mercure de France, 1995), получившего во Франции восторженный прием и критики, и читателей, а также самые престижные Гонкуровскую премию и премию Медичи. Похоже, автор не откликнулся на предложения российских издателей, и единственный перевод на русский язык сегодня уже обширного наследия был выполнен известными переводчиками для «Иностранной литературы». Вместе с тем, этот роман постигла та же судьба: от Макина глава издательского дома «Галлимар» потребовала русский вариант, который, похоже, все же существует, но который сам автор обнаружить отказывается.

Изданный огромным тиражом во Франции, роман этот в России получил скорее отрицательный отклик. К книге был приклеен уничижительный и очевидно оскорбительный ярлык «лубочной литературы». Автора упрекали в том, что он «прикидывается французом», оперирует избитыми штампами – Сибирью, русским сексом, степью, картонным Сталиным, картонным Берией (как же без него), картонными лагерями [2. С. 309].

Более глубокий анализ отыскивается в, пожалуй, самом первом отклике на роман у нас в стране, который принадлежит М.М. Владимировой. Она увидела и оригинальность, и несомненный талант молодого литератора, назвав его достойным учеником М. Пруста [3. С.11]. А также в статье профессора А.Н. Таганова, который справедливо замечает, что «лубочность» прозы А. Макина - не слабость, но вынужденное обращение к подобной форме, вызванное его двойственным положением: «Билингвизм и порожденная им бивизуальность создают и особого рода стилистику: необходимость использования форм максимально емких, доступных, порой примитивизированных для погружения в вещи сложные и неоднозначные» [4. С.187].

Сегодня, после пятнадцати лет успешной литературной карьеры, талант А. Макина уже не подвергается сомнению. Такие его

«знаковые» романы, как «Реквием по Востоку» (Requiem pour l'Est. P.: Mercure de France. 2000), уже названный «Имя твое неизвестно», и уж тем более сборник публицистических текстов «Франция, которую забывают любить» (2006 г.), свидетельствуют о высочайшем уровне писательского мастерства. Кстати, было бы интересно узнать, как перевел бы это заглавие сам автор: «La France qu'on oublie d'aimer». В них А. Макин выступает продолжателем исконно русской традиции, рассматривающей мастера слова в качестве нравственного ориентира поколения, чье творчество призвано улучшить его нравы.

Проницательный художник, А. Макин ожидает своего русского интерпретатора, так как понимает специфику переводческой деятельности, которая всегда предполагает «утраты» при прохождении аутентичного текста через «сумерки перевода» (В. Набоков). Знакомство с полным корпусом произведений А. Макина позволяет предположить, что если бы он занялся переводческой практикой, то, очевидно, разделил бы взгляды тех мастеров, которые рассматривают свой труд как «перевод-перевоплощение» (например, переводчики кашкинской школы). Или как интерпретацию, которую можно было бы сравнить «с музыкальным исполнением», когда «человек, когда переводит, расписывается, словно пишет свой портрет», когда «чувствуется, каков он есть» [5. С.259]. Так поступают сторонники Л.З. Лунгиной и участники ее семинара. Как бы то ни было, трудно предположить, что А. Макину ближе так называемый «буквальный» перевод, следование форме, а не содержанию.

Известно, что переводчик с французского на русский должен соблюсти правила, ставшие в практической деятельности почти общим местом. О них, среди прочих, подробно рассказала в своей книге «Слово живое и мертвое» великая Нора Галь: «В речи француза причастия, деепричастия и отглагольные существительные – естественны, легки, изящны... Русские слова обычно длиннее, у причастий сложные, не всегда благозвучные (шипящие суффиксы), длинные окончания». Поэтому приходится перестраивать фразу, «прибегая к самой живой и динамичной части русской речи – глаголу». Известно также, что переводчик должен отказаться от обильных в любом французском художественном тексте вспомогательных глаголов: «без них русская проза становится более ясной, гибкой, прозрачной, интонация – более непосредственной и

достоверной» [6. С.239]. Иногда переводчика с французского на русский в тупик может поставить даже род существительного. Случай этот хорошо известен в связи с переводом русской песни о рябине, мечтающей перебраться к дубу: во французском «рябина» - дерево мужского рода.

Но, понятно, не такие сложности заставляют А. Макина упорно отказываться от переводческой деятельности. Он понимает, что русский вариант «Французского завещания» станет в его руках уже совершенно иной книгой в силу специфики процесса перевода. В творческой цепочке «действительность – автор – произведение – переводчик – перевод – читатель» последний играет значительную роль, так как реципиент, к которому обращен оригинал, может кардинально отличаться от аудитории, к которой будет адресован текст перевода.

Очевидно, что «Французское завещание», чтобы стать успешным, должно было быть не просто «красиво» написано по-французски. Оно имело целью «подкупить» французскую публику желанием через отречение от национальных корней приобщиться к великой французской цивилизации, от которой, по замечанию повзрослевшего А. Макина к концу XX века, остались лишь «жалкие осколки» [7. Р 11]. Таковы были правила игры, предложенные советскому диссиденту. А потому автору пришлось оперировать темами и образами России и СССР, которые могли бы стать понятными на новой родине. Описания «серой» советской действительности, представленной скудной провинциальной жизнью, бесконечными похоронами генеральных секретарей, убогими вокзалами и картинками из жизни членов политбюро, не могли заинтересовать бывших соотечественников. Как, впрочем, и те страницы, которые восхитили французов тонкостью наблюдений и пикантных замечаний. Мало кого из российских читателей вдохновило бы описание походов Пруста по кафе, где на столе красуется кисть винограда и стакан воды. И уж тем более их не захватило бы описание меню обеда русской монаршей четы, путешествующей по Франции. Кстати, презентация монаршего меню на русском языке не может не вызвать у переводчика очевидных трудностей: Potage, bisque de crevettes, cassolettes Pompadour, Truite de la Loire brisée qu sauternes, Filet de Pré-Salé aux cèpes cailles de vignes à la Lucculus, poulardes du Mans Cambacérès, granités au Lunel, Punche à

la romaine, bartavelles et ortolans truffés rôtis, pâté de foie gras de Nancy, salades, asperges en branches sauce mousseline, glaces succès, dessert [8. P.46.]

Когда журналист «Известий» задал вопрос, была ли проба пера А. Макина на русском языке первой, писатель практически уклонился от ответа. Он заявил, что выбор языка не главное, что «есть что-то более тонкое и глубинно личное, чем язык в его чисто лингвистическом понимании» и что сохранить индивидуальность – основная задача писателя. Переводчику же, если он пытается создать удачный вариант, как справедливо заявляет российский исследователь, «следует отказаться от собственного, личностного восприятия текста...» [9. С. 191]. А это явно противоречит природе художественного дара А. Макина, писателя ангажированного и страстного.

Трудно не согласиться с А. Макиным, который в том же интервью полагает, что «язык – лишь шифр, форма записи вашего внутреннего мира. Мира неповторимого, уникального» [10]. Однако, очевидно, что «форма записи внутреннего мира» автора на ином языке будет расходиться с исходным материалом переводчика, который должен не только сохранить индивидуальные характеристики оригинала и автора, но и сделать свой вариант доступным для иноязычной читательской аудитории. Если бы создатель «Французского завещания» стал переводчиком своего же детища на русский язык, он оказался бы перед стеной, сотканной из иных фоновых знаний, иного культурного багажа и мировоззренческих установок, и здесь коммуникативные потери в переводе неизбежны, каков бы ни был талант интерпретатора. А потому автор умышленно перекладывает на плечи переводчика-профессионала все трудности перехода из одной культуры в другую и необходимости «перекодировки» своего произведения.

Проблема перевода романов А. Макина на русский язык усугубляется еще и тем, что он – мастер лирической прозы, в которой эпическое начало «ущемлено» ради передачи душевных переживаний художника, вызванных событиями внешними, социально-историческими. В такой литературе внешний фактор – лишь повод для эмоционального высказывания художника, а коль скоро перед нами проза чувственная, она требует и особого арсенала художественных приемов, почти всегда усложняющих задачу

переводчика. Такая литература изобилует тропами, подразумевает сложные синтаксические структуры и особую модальность высказывания. Чаще всего при переводе эта эмоциональность утрачивается безвозвратно.

Понятно, что не «технические» сложности, которые ожидают автора «Реквиема по Востоку» в процессе «перекодирования» собственных произведений, останавливают нашего бывшего соотечественника от переводческой практики, но осознание невозможности примирить «картезианское» начало французского духа и его аналитизм с эмоциональностью русской души, искренней, эксцентричной и парадоксальной одновременно. И пока А. Макин «не встретил человека, который смог бы хорошо перевести его книги, а самому себя переводить очень трудно», следует надеяться, что его проза наконец-то обретет переводчика, столь же талантливую, как, например, Николай Любимов, Нора Галь или Лилиана Лунгина [11].

Библиографический список

1. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Изд-во Литературного института, 2006. 462 с.
2. Толстая Т. Русский человек на randevу // Толстая Т. День: Личное. М.: Эксмо, 2004. 224 с.
3. Владимирова М.М. Две Атлантиды: образ Франции и образ России в романе А. Макина «Французское завещание» // Норма. Интерпретация. Диалог культур: Материалы Межд. научной конференции. Нижний Новгород: НГЛУ, 1998. С. 9-11.
4. Таганов А.Н. Лубочные формы в раннем романном творчестве Андрея Макина // Художественное слово в пространстве культуры. Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность. Иваново: ИГУ, 2008. С. 184-194.
5. Лунгина Л.З. Подстрочник. Жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею самой в фильме Олега Дормана. М.: Астрель, 2009. 384 с.
6. Галь Нора. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2007. 592 с.
7. Makine A. Cette France qu'on oublie d'aimer. P.: Flammarion, 2006. 112 p.
8. Makine A. Le testament Français. P.: Mercure de France, 1995. 345 p.
9. Сдобников В.В. Проблема оценки качества перевода // Проблемы языка, перевода и межкультурной коммуникации. Нижний Новгород: НГЛУ, 2002. С. 184-194.

10. Макин А. Духовный максимум // Известия. 23.04 2010.
11. Макин А. Французы воплотили в жизнь советскую модель // Известия. 10.02.2011.

Сведения об авторе

Фомин Сергей Матвеевич
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: semafor1952@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378:37.035

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ВУЗЕ: СРЕДОВОЙ АСПЕКТ

Е.Г.Виноградова

*Нижегородский филиал Негосударственной автономной некоммерческой
организации ВПО «Институт бизнеса и политики», Нижний Новгород*

Статья раскрывает сущность понятия «толерантная личность», специфику студенческого возраста как сензитивного периода в процессе становления толерантной личности, освещает вопрос о влиянии образовательной среды вуза на формирование толерантной личности студента. Раскрываются характеристики толерантной среды вуза в соответствии с положениями средового подхода в педагогике.

Ключевые слова: толерантность, толерантная личность, толерантное поведение, педагогическая среда, толерантная среда.

Formation of Tolerance in University Students: Environment Aspect Elena Vinogradova

The article reveals the essence of the notion “tolerant personality”, the peculiarity of the student age as the sensitive period in the tolerant personality development, the problem of the influence of the educational environment of the higher educational establishment on the tolerant student personality formation is considered. The characteristics of the tolerant environment of the higher educational establishment are revealed in accordance with the notions of the environmental approach in pedagogy.

Key words: tolerance, tolerant personality, tolerant behavior, pedagogical environment, tolerant environment.

Переход к постиндустриальному информационному обществу, расширение масштабов межкультурного взаимодействия, процессы глобализации и интеграции, происходящие в современном мире, оказывают противоречивое влияние на характер взаимодействия стран, культур, национальных сообществ, личностей. С одной стороны, наблюдается стремление к согласию и взаимопониманию на всех уровнях взаимодействия (культурном, политическом,

экономическом, межличностном), с другой – все более привычными становятся проявления агрессии, насилия, шовинизма, социальной нетерпимости в повседневной жизни. Усложняет ситуацию то обстоятельство, что эту гуманитарную проблему невозможно объяснить невежеством человека, так как количество гуманных и конструктивных идей, знаний и рецептов социального переустройства общества и развития человеческих отношений очень велико и с развитием новых средств передачи информации стало доступным значительным группам людей. Очевидно, что источником современных социальных катаклизмов становится сам человек, особенности его отношения к другим людям, сопряженные с его отношением к самому себе. Понятие толерантности сегодня распространяется не только на ситуации «встречи культур», но и на всю жизнедеятельность личности и социума. Следствием этого является теоретический и практический интерес к явлению толерантности как одному из возможных путей преодоления различных форм социальной напряженности.

В настоящее время толерантность стала предметом изучения многих наук – психологии, социологии, философии, педагогики, политологии, этнологии. Толерантность рассматривается как личностная ценность и установка (Р.Г. Апресян, А.Г. Асмолов, С.Л. Братченко, Д.А. Леонтьев и др.), как способ принятия решений, исключающий ксенофобии и конфронтации (Г.У. Солдатова, Г.П. Чистяков и др.), как фактор конструктивного общения (А.М. Байбаков, Т.П. Скрипкина, К.М. Шилихина и др.). Несмотря на все разнообразие работ, раскрывающих явление толерантности, остается некоторая неопределенность педагогического осмысления данного понятия, имеет место недостаточная разработанность его возрастного аспекта.

Анализ научных публикаций, посвященных вопросам толерантности, позволяет отметить, что сложилось многозначное представление о толерантности как качестве социума и личности, характеризующееся множеством показателей. В ряду известных определений толерантности личности выделим трактовку, данную В.А. Лекторским с обоснованием четырех её моделей: толерантность как безразличие; толерантность как невозможность взаимопонимания; толерантность как снисхождение; толерантность

как расширение собственного опыта и критический диалог [1]. Из приведенных моделей наиболее актуальна для современной ситуации последняя, так как в отличие от первых трех, основывающихся на дистанцировании, снисхождении, «уважении без взаимодействия», она предполагает уважение в сочетании с установкой на взаимодействие, принятие и диалог. К данной трактовке присоединяется целый ряд исследователей (Р.Г. Апресян, Р.Р. Валитова, Л.В. Скворцов и др.), развивая мысль М.М. Бахтина о человеческой потребности в диалоге, соизмерении «себя с Другим», проявляющейся в качестве толерантности. Отношение к другому можно рассматривать как фундаментальный, системообразующий компонент понятия толерантности. Именно в отношении к другим людям выявляется и проявляется толерантность.

Внутренний мир, отношения личности неразрывно связаны с ее внешними, поведенческими проявлениями. Более того, деятельностное начало личности составляет ее суть. Согласно обоснованной позиции С.Л. Рубинштейна, поведение – это не только присущее живым существам взаимодействие со средой, но и особая форма деятельности, которая становится поведением именно тогда, когда мотивация действий из предметного плана переходит в план личностно-общественных отношений [2].

Таким образом, толерантность – это активное отношение к Другому, основанное на уважении и принятии, связанное со способностью личности сознательно подавлять чувства неприязни и неприятия. Толерантная личность характеризуется способностью к данному отношению и подавлению названных чувств в пользу взаимодействия, познания и расширения собственного опыта. Соответственно, под толерантным поведением мы понимаем особую форму деятельности, которая характеризуется активным отношением к Другому, основана на уважении, принятии уникальности каждого и связана со способностью сознательно подавлять чувства неприятия. Исходя из характеристики толерантности, мы выделяем следующие значимые характеристики толерантного поведения личности: активность, осознанность, то есть, способность к рефлексии, уважение к Другому и его принятие, самообладание.

Формирование толерантности в студенческом возрасте имеет принципиальное значение для становления личности молодого

человека. Юношеский возраст традиционно считается одним из важнейших периодов в онтогенезе личностных структур человека (А.В. Дмитриев, И.С. Кон, В.Т. Лисовский). В это время интенсивно развивается внутренний мир человека. Качественный скачок происходит в мотивационно-смысловой сфере личности, в самосознании, в мотивационно-волевой сфере. Интересы, стремления, установки в студенческом возрасте конкретизируются и, что особенно важно, закрепляются в реальных действиях и поступках. Этот период характеризуется как возраст устойчивой концептуальной социализации, когда вырабатываются устойчивые свойства личности, стабилизируются все психические процессы, а личность приобретает выраженный характер.

Говоря о психолого-педагогической характеристике студенчества, Д.В. Зиновьев выделяет две тенденции, определяющие этот возрастной период: повышенный интерес к собственной личности, самопознанию и самовоспитанию и стремление к расширению социальных связей [3]. Исследования К.А. Абульхановой-Славской и Б.Б. Коссова позволяют утверждать, что студенческий возраст является наиболее сензитивным к развитию рефлексивных способностей, осмыслению себя и окружающих, развитию конструктивной рефлексии.

Исследование характерных черт личности молодого человека студенческого возраста свидетельствует, что они являются благоприятной субъектной основой для формирования толерантности и толерантного поведения в период обучения в вузе. Решающее воздействие на формирование толерантности личности оказывает социальное окружение, социальная общность, то есть, как отмечают ученые, тот мир человека, который существует в его общении, взаимодействии, взаимосвязи, коммуникации и других процессах.

В данной статье проблема формирования толерантности рассматривается в контексте положений средового подхода в педагогике, позволяющего обнаружить социально-педагогические механизмы формирования и развития толерантной личности студента вуза.

Идея создания толерантной среды образования поддержана в «Национальной доктрине образования в России», где отмечается, что

вопросы воспитания подрастающего поколения в нашей стране должны решаться средствами построения дружественной образовательной среды вокруг самоопределяющейся личности [4].

Понятия «образовательная среда» и «развивающая среда» становятся в современных условиях ключевыми для разработки личностно ориентированных педагогических систем на всех уровнях образования. Педагогическая наука признает, что среда выступает одним из решающих факторов формирования и развития личности (Н.М. Борытко, Ю.С. Мануйлов, В.И. Панов, И.Г. Полищук, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, А.Н. Тубельский, В.А. Ясвин и др.).

Согласно хрестоматийному определению, в понятие «окружающая среда» входят материальные и духовные условия существования и развития общества. Социальная среда трактуется как окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования и деятельности [5]. Этот термин понимают как в широком смысле – макросреда, то есть окружение, охватывающее все социальное пространство, так и в узком – микросреда, то есть непосредственное окружение человека. При этом подразумевается, что среда и человек находятся в отношениях взаимовлияния и взаимозависимости.

Частью социальной среды является образовательная среда, формируемая в обществе на разных уровнях (общемировом, федеральном, локальном...) с целью влияния на молодое поколение.

Понятия «образовательная среда» и «развивающая среда» стали активно разрабатываться в педагогической науке в 90-х гг. XX века. Это связано с изменением социальной ситуации в России, создавшей предпосылки переосмысления и развития педагогической теории и практики в русле гуманистических идей. Таким образом, новое время выдвинуло на первый план личностно-формирующую, развивающую функцию образования, объединив понятия «среда», «образование», «развитие». В педагогике образовательная среда характеризуется:

- как специально организованное образовательное пространство, где обучающийся осваивает разные виды и формы человеческой деятельности, овладевает знаниями, опытом эмоционально-ценностных отношений, общения, взаимодействия, что позволяет ему самому определять направление собственного развития;

- как существенный элемент механизма развития личности, определяющийся в границах содержания образовательной среды между двумя полюсами – предметностью культуры и внутренним миром человека;

- как постоянно расширяющаяся сфера жизнедеятельности развивающегося человека, включающая в себя все большее богатство опосредованных культурой его связей с окружающим миром;

- как система влияний и внешних условий формирования личности, а также возможностей для саморазвития личности, содержащихся в ее окружении.

В последние годы среди характеристик образовательной среды вуза преобладает выделение социально-культурной сущности, детализация которой позволяет рассматривать ее как взаимодействие ценностей, смыслов, отношений, коммуникаций, в совокупности представляющих собой существенный фактор воспитательного воздействия на личность.

Формирование толерантности у студентов требует создания особой среды, для характеристики которой целесообразно ввести понятие толерантной среды вуза. Она, безусловно, обладает признаками и свойствами социально-культурной среды, но при этом акцентирует те из них, которые свидетельствуют о возможности влиять на формирование толерантности. Одним из таких существенных свойств толерантной среды является ее гуманитарность. В русле идеи гуманитаризации образования (В.М. Шепель, В.Д. Шадриков, В.М. Мендель и др.) актуальность данного свойства видится в следующем: гуманитарность образования способствует развитию эмоциональной полифоничности людей, их открытости разнообразной информации. Решая задачу формирования толерантности, необходимо активизировать информационную деятельность студентов, обеспечить ее понимание, субъективную интерпретацию и презентацию в разных формах взаимодействия (учебных и внеаудиторных).

Педагогическая сущность толерантной среды как фактора формирования толерантности состоит в создании условий для организации активного взаимодействия со средой, положительного межличностного взаимодействия, культивирования ценностного отношения к личности. Включение механизмов активного

межличностного взаимодействия происходит в условиях безопасности (отсутствие насмешек, кличек, жестких отрицательных оценок в адрес личности студента, отрицательного отношения по национальному признаку и т.п.). В связи с этим для создания толерантной среды в вузе необходимо обеспечить:

- уважительное отношение к каждому субъекту образовательной среды вуза вне зависимости от его статуса;
- условия для самореализации личности молодого человека в интеллектуальной, коммуникативной, общественной, профессиональной и иных видах деятельности;
- свободу выбора (содержания деятельности, социально одобряемых форм самовыражения, путей решения возникающих проблем и проч.) в сочетании с ответственностью за него;
- полноценную социально-культурную адаптацию и идентификацию;
- культивирование нравственных ценностей и нетерпимость к проявлениям безнравственного поведения;
- установление единых для всех норм поведения и правил внутренней жизни вуза.

Существенное значение для создания толерантной среды имеет культура педагогического взаимодействия в вузе, в частности, таких его составляющих, как коммуникативная культура и интерактивная культура. В связи с этим в образовательном процессе вуза необходимо решать следующие задачи, относящиеся и к деятельности преподавателя, и к деятельности студента в ситуациях взаимодействия:

- в области формирования коммуникативной культуры педагогического взаимодействия развивать способность эмпатийного и рефлексивного восприятия, необходимых для диалогического общения; формировать навыки культуры вербальной и невербальной коммуникации; формировать умение адекватно воспринимать высказывание партнера и точно формулировать собственное высказывание в соответствии с коммуникативной задачей; обучать технологическим приемам выражения собственного отношения в процессе коммуникации;
- в области формирования интерактивной культуры (или культуры педагогического влияния на личность) формировать

приемы выражения оценочной реакции, адекватной ситуации педагогического взаимодействия; обучать приемам создания ситуации успеха; развивать навыки информационно-демонстрационного воздействия; формировать навыки этической защиты в процессе педагогического взаимодействия.

Базовый принцип в создании толерантной среды вуза – это принцип диалогизма. Принцип диалогизма обеспечивает полноценное общение, установление эмоционально благоприятной среды взаимодействия. Диалогическая позиция - это позиция «открытой ладони», готовности принять, понять, помочь. Эмпатия и рефлексия - основные механизмы диалогического взаимодействия. Диалог как форма взаимодействия в системе «преподаватель – студент» способствует: а) созданию атмосферы духовной общности, взаимного доверия, откровенности, доброжелательности; б) наилучшему узнаванию студента как партнера по общению, пониманию его внутреннего мира, личностного опыта; в) тонкому влиянию на партнера, при котором отсутствует прямое давление, а имеет место помощь в душевной работе, обеспечивая эмоциональную поддержку, признание; г) оказанию помощи в саморазвитии, осознании, понимании себя, прояснении, становлении личностной позиции, в понимании «себя в мире» и «мира в себе». Диалогическое взаимодействие предполагает способность слушать и слышать партнера.

Таким образом, ключевое значение в создании толерантной среды вуза имеют ее социальный и психолого-дидактический компоненты.

Обобщая сказанное, отметим, что под толерантной средой вуза правомерно понимать все окружение студента, которое обладает педагогическим потенциалом положительного влияния на развитие личности, ее потребностей в общении и познании, способностей к социальной перцепции и рефлексии и, в целом, способствует актуализации диалогических качеств личности студента в активном взаимодействии.

Библиографический список

1. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46-54.

2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Просвещение, 1989.
3. Зиновьев Д.В. Социально-психологический портрет студента в контексте толерантности // Электронный ресурс Интернет: <http://res.krasu.ru/paradigma/cont2.htm>
4. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Официальные документы в образовании. 2001. № 24. С. 3-13.
5. Слободчиков В.И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: культурные модели школ. Вып.7. М.: Инноватор-Bennet, 1997. С. 402.

Сведения об авторе

Виноградова Елена Геннадьевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии,
директор Нижегородского филиала
Института бизнеса и политики
E-mail: vinogradova-e.62@mail.ru

УДК 378.147:81'253

ПЕРЕВОД С ЛИСТА В ПРЕПОДАВАНИИ И ПРАКТИКЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Бенуа Делатр

*Институт перевода и международных отношений, Страсбургский
университет, Страсбург, Франция*

В статье рассматриваются проблемы преподавания перевода с листа. Данному виду перевода необходимо обучать как отдельной дисциплине, поскольку перевод с листа имеет большое значение для практикующих устных переводчиков.

Целенаправленное обучение переводу с листа облегчает овладение основами синхронного перевода и обеспечивает эффективную подготовку студентов к профессиональной деятельности. В статье дается развёрнутый перечень релевантных принципов устного перевода, которые возможно активизировать на занятиях по переводу с листа.

Ключевые слова: перевод с листа, профессиональная подготовка, принципы устного перевода, методика обучения переводу, синхронный перевод

At-Sight Translation in Teaching Interpreting and in Simultaneous Translation Practice Benoît Delatre

The article highlights the problems of teaching at-sight translation. This type of translation should be taught as a separate discipline since it is of paramount importance for interpreters.

The goal-oriented teaching of at-sight translation facilitates the process of mastering simultaneous translation skills and ensures effectiveness of training students in their professional activity. The author gives a detailed list of relevant interpreting principles that can be assimilated in a class of at-sight translation.

Key words: at-sight translation, professional training, interpreting principles, methods of teaching translation, simultaneous translation.

Традиционное использование перевода с листа в обучении

Перевод с листа нередко предлагается в качестве учебного упражнения в школе и в вузах, но не рассматривается как отдельный предмет. Преподаватель не представляет его учащимся как особый вид переводческой деятельности и не раскрывает его специфику. Обычно перевод с листа осуществляется на занятиях в следующих ситуациях: а) студент не подготовил письменный перевод дома, но рвётся ответить; б) преподаватель предлагает новый текст и требует приблизительного

спонтанного перевода, поскольку времени на подготовку письменного отредактированного варианта у студентов не имелось.

Однако перевод с листа может быть включён как в курс письменного перевода, так и в курс устного перевода на начальном этапе, чаще на первом курсе магистратуры, реже – в рамках подготовки бакалавров. Зачастую преподаватель не является профессиональным устным переводчиком, и обучение переводу с листа строится как обучение письменному переводу. Крайне редко оно становится отправной точкой для обучения устному переводу.

Перевод с листа на экзаменах

Впервые, как утверждают студенты первого курса магистратуры по курсу «Основы устного перевода» и второго курса магистратуры по курсу «Конференц-перевод», они сталкиваются с переводом с листа на вступительных экзаменах. Об этом свидетельствуют данные ежегодного опроса, проводимого в Институте перевода и международных отношений (ITIRI/UdS).

Приёмные испытания состоят из двух частей – общей и специальной. Общая устная часть включает устный перевод печатного текста объёмом не более десяти строк. Абитуриенту предоставляется несколько минут, чтобы он ознакомился с текстом, сделал записи, сформулировал варианты перевода. Варианты можно записать, чтобы в момент выполнения перевода выбрать лучший. При этом разрешается вернуться к тому или иному варианту и исправить ошибки.

Это испытание позволяет оценить языковые умения и навыки поступающего: глубину понимания оригинального текста, умение переходить на переводящий язык без ущерба стилю и без искажений, выявить уровень владения синтаксическими конструкциями, синонимией и т.п. Обычно экзамен проводят профессиональные письменные переводчики. Используемые тексты по типу и жанру аналогичны текстам, переводимым с листа в реальной переводческой практике

Специальная часть вступительного экзамена на отделении устного перевода заключается в переводе короткого текста (газетной заметки) по актуальной тематике. Продолжительность ответа варьируется от двух до четырех минут в зависимости от качества перевода (не больше двух минут, если перевод некачественный, и четыре минуты при

хорошем переводе). Несмотря на то, что на нашем интернет-сайте даны подробные разъяснения, непосредственно перед испытанием абитуриенты часто спрашивают, разрешается ли им прочитать текст, прежде чем приступить к переводу. Это показывает, что такое упражнение им непривычно. Они берутся за дело без особого энтузиазма, понимая, что их главная задача – показать свою способность переводить спонтанно.

Основная цель вступительного экзамена состоит, естественно, в оценке способности абитуриента анализировать текст, точно передавать информацию, успешно преодолевать трудности, справляться со стрессом и постоянно контролировать качество транслята. Обеспечение коммуникационного контроля с аудиторией на данном этапе не проверяется, поскольку этой технике студент будет обучаться в дальнейшем; данное испытание призвано лишь выявить имеющийся потенциал.

На переводном экзамене на второй курс студентам предлагается несложный текст на перевод во всех языковых комбинациях. Перевод с листа позволяет протестировать сформированность необходимых компетенций: он прекрасно выявляет уровень владения синтаксическими, грамматическими, лексическими и фонетическими средствами изучаемых языков.

Эта часть экзамена не представляет особых трудностей, но существенно влияет на итоговую оценку, поскольку позволяет выявить ряд общих моментов, таких, как словарный запас студента, его осведомленность и эрудицию, определенные личностные характеристики.

Перевод с листа в профессиональной подготовке

Перевод с листа занимает важное место в обучении на обоих курсах магистратуры. Первоначально его принципы и задачи подробно излагаются, разъясняются и рассматриваются на занятиях по методологии устного перевода. В дальнейшем данное упражнение берут на вооружение преподаватели практических курсов, принимая во внимание языковую специфику, поскольку общие принципы устного перевода не всегда отражают особенности работы с той или иной языковой парой.

В конце первого семестра первого курса магистратуры проводится промежуточное испытание, а экзамен в конце учебного года служит пропуском на второй курс. На этом этапе подготовки студентам предлагается перевести статью или речь продолжительностью звучания около четырёх минут. Результат их работы оценивается по успешности применения переводческих стратегий, выявляющей степень усвоения учащимися основных принципов устного перевода и его качества в целом. При этом предполагается, что на втором году магистратуры у студентов будет возможность улучшить свой результат, приобрести бóльшую выносливость и уверенность в себе.

По этому образцу используются формы контроля и в первом семестре второго курса магистратуры: промежуточное испытание в конце его и выпускной экзамен. На выпускном экзамене студенты выполняют перевод пятиминутного выступления во всех своих языковых комбинациях. Преимущество данного испытания в том, что оно позволяет выявить сильные и слабые стороны студентов, проверить, насколько они соответствуют профессиональным требованиям.

Перевод с листа в переводческой практике

Важнейший этап обучения – ознакомление с переводом с листа как видом переводческой деятельности. Немногие студенты чётко представляют, с какой целью и в каких ситуациях он может использоваться. Отдельные переводчики и/или преподаватели сомневаются в его полезности для профессиональной подготовки, особенно в целесообразности его включения в экзамен.

Некоторые письменные переводчики международных организаций (например, Совета Европы) считают перевод с листа полезным для активизации навыков и ускорения темпа работы. Но все признают, что первая версия текста при этом получается неудовлетворительной и её необходимо корректировать. Своего рода отрицательным примером может служить один знакомый мне переводчик, который для экономии времени переводил текущую документацию с листа, а нанятая им секретарь-машинистка печатала за ним под диктовку. Таким образом ему удавалось ежедневно переводить большое количество страниц, но это заметно сказывалось на качестве.

Письменный и устный перевод хотя и пересекаются, но имеют слишком много различий.

Нередко оратор просит переводить текст непосредственно перед аудиторией (в частности, на пресс-конференции). Порой при этом у переводчика нет времени на подготовку: с текстом он знакомится в последний момент, когда он отображается на экране проектора, и тут же необходимо озвучить его на переводящем языке. При благоприятном стечении обстоятельств переводчик получает текст незадолго до выступления (именно поэтому следует приходить на мероприятие заранее) и располагает временем на подготовку и на вопросы выступающему. В некоторых случаях требуется не точный перевод, а резюме документа, но данный вид языкового посредничества не входит в круг вопросов, рассматриваемых в настоящей статье.

Иногда синхронный переводчик получает текст в последнюю минуту: оратор уже начал говорить, переводчик ищет в тексте соответствующее место и по своему выбору выполняет перевод с опорой на текст или без неё. Некоторые переводчики категорически отказываются следить за печатным текстом, чтобы не рассеивать внимание, и переводят только на слух. Но и они признают полезность письменного текста как источника имён собственных, цифр, цитат и т. п. Студенты, уже начавшие осваивать технику устного перевода, легко распознают синхронистов, которые переводят с опорой на текст, и могут сказать, читают ли они готовый перевод или переводят с листа. Если переводчик завершает перевод раньше, чем замолчал оратор, это означает, что он располагал текстом заранее. Но уместно сделать и другой вывод: технике перевода с листа необходимо специально учиться, здесь нет места импровизации.

Автор настоящей статьи использует перевод с листа для подготовки к конференциям. Речь или иное выступление озвучивается с прогнозированием ситуации. По мере сил перевод выполняется с расчётом на аудиторию. Затем он может быть прослушан в записи и прокомментирован для более эффективной и реальной подготовки (тренировка выносливости, контроль дикции). На полях делаются пометки, что-то зачеркивается, иногда между строк вписывается черновой вариант перевода. Подготовительный перевод текста с листа позволяет обнаружить лакуны в терминологии и восполнить их в спокойной обстановке, до выступления оратора. Имеющийся запас

времени и повторение материала позволяют усвоить все знания, которые потребуются переводчику непосредственно на конференции. Это весьма эффективный способ подготовки к работе в кабине.

Основные принципы устного перевода

После того, как студенты осознали, каково место перевода с листа в переводческой практике, следует переходить к обучению самой технике. Существуют две методики обучения переводу с листа. Одни преподаватели требуют от студентов точного перевода, предельно близкого к тексту оригинала, без искажений и опущений. Приверженцы другой методики считают, что упражнения должны быть приближены к реальностям переводческой деятельности, и ставят во главу угла передачу смысла и прагматическую адаптацию. В данной ситуации студент сам решает для себя, каким требованиям следовать и в какой мере, поскольку в реальности ему в любом случае придется считаться с запросами заказчика.

Существуют различные подготовительные упражнения психолингвистической направленности, например, запоминание, устный последовательный (пофразовый) перевод. Они облегчают понимание сути данного вида переводческой деятельности и приобретение необходимых навыков, но преподаватели используют их далеко не всегда: они зачастую представляются слишком легкими, и, по мнению многих, отнимают время, необходимое для занятий собственно переводом с листа.

Некоторые преподаватели не затрагивают или мало затрагивают теорию. Им важен прежде всего результат и выработка практических навыков. Другие предлагают студентам упражнение и лишь потом разъясняют ошибки или дают образец его выполнения. Автор придерживается следующего порядка: сначала раскрывается принцип работы, а точнее – основные принципы устного перевода, а затем иллюстрируется применение этих принципов на примере одного текста. На следующих занятиях преподаватель либо напоминает релевантные принципы, либо просто убеждает, что студенты помнят, о чём идёт речь. Мы предлагаем нижеследующий перечень принципов устного перевода.

Он актуален не для всех языков (существуют, в частности, языки с инвертированным порядком слов), и конкретные рекомендации должны

быть уточнены. Всякий преподаватель (и студент) выстраивает свои приоритеты в отношении данных принципов в соответствии со своим образом мышления, с тем, как он привык осуществлять анализ текста, со своим стилем работы, а также с учетом своего рабочего языка.

1. *«Мозговой штурм»*. Позволяет по ключевым словам быстро восстановить в памяти полезные факты, цифры, термины, относящиеся к теме текста. Практикующий устный переводчик может использовать этот приём, приступая к работе: это поможет ему подобрать заранее слова и обороты, которые, вероятно, встретятся в тексте. Тем самым он настраивает себя на «многозадачность», свойственную синхронному переводу.

2. *Быстрое прочтение (по вертикали или по диагонали)*. Обычное горизонтальное (линейное) чтение требует больше времени. Беглый же просмотр текста позволяет быстро проанализировать его форму и содержание, понять логику автора, вычленив логические коннекторы, а затем – выявить предполагаемые трудности. Аналогично действует и переводчик в кабине.

На этом этапе у студентов нередко возникают проблемы: они «не умеют читать». Так называемый «метод обучения глобальному чтению» в начальных классах, использующийся во французских школах (обучение чтению целыми словами) позволяет отработать определенный автоматизм при обучении технике чтения, но при его использовании слабо развиваются умения, связанные с анализом, прогнозированием и запоминанием прочитанной информации. Эти и другие недостатки проявляются уже на вступительных испытаниях, а устранить их непросто.

Студент может делать пометы в тексте, вычёркивать ненужные фрагменты, обводить или подчёркивать слова, рисовать стрелки и тому подобное – всё это поможет ему в процессе выполнения перевода.

3. *Прогнозирование*. Задача состоит не только в том, чтобы прогнозировать логику речи оратора, но и в том, чтобы вперёд продумывать собственные фразы и не запинаться. Но важнее всего осознать, что читать, анализировать, перекодировать – переносить в другой язык и в другую культуру, – выстраивать каждую фразу нужно уже в момент произнесения предшествующей фразы. Это действительно самый сложный для понимания и реализации принцип. Как правило, требуется несколько недель, чтобы стал заметен результат,

но навык прогнозирования крайне необходим как подготовка к «отставанию от оратора» в синхронном переводе.

4. *Адаптация.* Выполняя перевод с листа, необходимо учитывать особенности оратора, его интенцию, тональность сообщения и то, кому оно адресовано (рецепторов перевода), чтобы не исказить смысл сообщения.

5. *Порядок слов.* Классический пример: «Ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, заставляют меня умирать от любви». Фразу, разбитую на несколько смысловых, значимых речевых единиц, можно многократно перекомпоновывать.

6. *Утвердительная / отрицательная форма, антонимический перевод.* Позволяет избежать громоздких конструкций, добиться точности в контексте или, например, выразить мысль более дипломатично.

7. *Синонимы.* Студент должен подбирать как можно больше возможных синонимов, даже если на практике он остановится на одном. Это упражнение полезно для развития памяти и навыка подбора эквивалента.

8. *Стиль.* Нужно владеть как нейтральным регистром языка, так и книжным и разговорным, чтобы при необходимости уметь переключаться с одного стиля на другой.

9. *Образность.* Метафоры полезно использовать для облегчения восприятия, так как они делают сообщение более наглядным.

10. *Экспликация.* Некоторые сокращения или иностранные реалии требуют пояснений или комментариев, разумеется, в пределах имеющегося запаса времени.

11. *Лаконичность.* Передавая как можно больше информации минимальными средствами, можно сэкономить время и придать сообщению ясность. Упражнение на лаконичную передачу мысли очень полезно, так как прямо готовит к синхронному переводу.

12. *Разбиение длинных предложений.* Длинные предложения можно разбивать на два или три. Чрезмерно длинные предложения затрудняют понимание и способствуют нарушению связности текста, в частности, ошибкам в согласовании, поскольку подлежащее слишком далеко отстоит от конца фразы.

13. *Логические коннекторы.* Студенты должны умело использовать коннекторы для передачи структуры сообщения, а иногда и добавлять новые логические связки для облегчения восприятия.

14. *Темп / беглость речи.* Следует придерживаться среднего темпа: при слишком быстрой речи студент не сможет реализовать свою переводческую стратегию. Замедленный темп речи категорически неприемлем!

15. *Нежелательность возврата к сказанному, исправлений.* Когда студент хочет улучшить свой первый вариант перевода, он возвращается к уже сказанному; когда он понимает, что сказал нечто абсурдное, пытается исправиться. Иногда действительно лучше поправить себя самого во избежание серьёзной ошибки. Но все эти поправки выдают неумение прогнозировать и неумение владеть собой. Отсюда следует необходимость тренировать навыки прогнозирования собственной речи.

16. *Нежелательность повторов.* Предпочтительно избегать повторов слов (если, конечно, это не риторический приём) и звуков (ассонансов и аллитераций), особенно невольных.

17. *Отказ от калькирования.* Калькирование – это паллиатив, особенно если между исходным и переводящим языками есть сходство. Использование калек препятствует варьированию и может даже привести к смысловым ошибкам (особенно при наличии в оригинале так называемых «ложных друзей переводчика»).

18. *Прямая / косвенная речь.* Вполне допустимо переходить от прямой речи к косвенной, например, в случае, если необходимо дистанцироваться от провокационных высказываний оратора.

19. *Активный / пассивный залог.* Дополнение становится подлежащим и наоборот, чтобы подчеркнуть тот или иной аспект ситуации.

20. *Конвертация единиц измерения.* Для облегчения восприятия иностранную валюту, проценты, даты можно переводить в систему, привычную получателям перевода. В относительно сложных условиях синхронного перевода минимальное требование – дать рецептору представление о порядке величин (например, округляя цифры).

21. *Опущения.* Студенту разрешается опускать в переводе повторы и отступления оратора, которые могут помешать передаче сообщения.

22. *Восстановление забытой информации.* Как и при синхронном переводе, недостаточный запас времени на анализ текста может привести к тому, что отдельные слова или фрагменты фраз будут упущены, но в дальнейшем данную информацию можно ввести в транслят. Если студенту удалась такая компенсация, можно считать это его маленькой победой.

23. *Выносливость.* Учитывая, что экзамен, кроме перевода с листа, включает целый ряд других заданий, рекомендуемая длительность звучания текста, предлагаемого на перевод с листа – пять минут. Но в качестве тренировки полезно выполнять и более объемные переводы, поскольку в реальной практике приходится делать переводы с листа и гораздо более пространственных выступлений.

24. *Обеспечение коммуникационного контакта с аудиторией.* Некоторые преподаватели просят класть переводимый текст на стол. На наш взгляд, предпочтительнее держать его несколько приподнятым, чтобы не терять визуальный контакт с аудиторией (эффект присутствия переводчика), и одновременно производить проверку перекодируемой информации. Однако при переводе с листа, в отличие от последовательного и синхронного перевода, за отсутствие визуального контакта баллы не снимаются. Эффект присутствия переводчика и его постоянная готовность войти в контакт с аудиторией должны передаваться самим уверенным звучанием его голоса.

25. *Постоянный самоконтроль.* Необходимо постоянно контролировать себя, что, например, делает переводчик-синхронист, работая с одним наушником – он не только слушает оратора, но и следит за своей речью (за интонацией, темпом, связностью и т. д.). Преподаватели ITIRI/UdS требуют от студентов записывать себя, а затем прослушивать, чтобы привыкнуть к собственному голосу (это необходимый этап на пути к развитию самоконтроля в процессе синхронного перевода). Во время перевода студент всегда должен быть сосредоточен.

Для подготовки студентов к профессиональной деятельности используются самые различные типы текстов (газетные статьи, доклады, речи, заметки и пр.). На выпускном экзамене на втором курсе магистратуры предлагаются, как правило, выступления.

Начать можно с одного предложения, затем предложить на перевод абзац и, наконец, целый текст длительностью звучания

примерно шесть минут. В идеале ответ студента следовало бы записать, а затем прослушать в группе. Первостепенное значение имеет профессиональная самооценка: студент должен учиться видеть свои ошибки, понимать их причины и знать способы их устранения. Затем эта оценка дополняется замечаниями и предложениями других студентов группы. Анализ представленного перевода завершает преподаватель, который вносит последние коррективы и поясняет оставшееся непонятным.

Если студент не справился с заданием, допустимо попросить его выполнить перевод повторно. Использование этого приема часто осуждают, но он весьма эффективен, поскольку естественной реакцией студента, пережившего только что момент стресса (выполнение упражнения на публике) и выступившего объектом критики со стороны преподавателя и коллег, является попытка «все забыть» и переключиться на что-либо другое. Тем не менее, преподаватель должен соблюдать чувство меры и такта, чтобы не демотивировать студента. Можно также сделать повторный перевод текста несколько недель спустя либо на уроке, либо после занятий: если студенты сталкиваются с теми же трудностями, что и в первый раз, это значит, что сложные моменты не были отработаны и им следует уделить должное внимание, прежде чем идти дальше.

Дабы облегчить восприятие текста, предъявляемого на экзамене, т.е. в стрессовых условиях, его следует распечатать в удобном формате: это может существенно помочь студентам в выполнении задания. Разумный выбор, на наш взгляд, - шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал. Однако существует и противоположное мнение, согласно которому студентов следует ориентировать на реалии профессиональной среды: зачастую переводчик получает на руки, уже непосредственно перед выступлением оратора, нечитабельный текст, набранный мелким шрифтом, а иногда просто наброски или черновики.

Роль перевода с листа в обучении синхронному переводу

Значимость перевода с листа для овладения навыками синхронного перевода и для реальной переводческой практики кажется нам очевидной.

Перевод с листа помогает мозгу настроиться на «многозадачность»: один участок занят поиском информации, другой

прогнозированием и так далее. Иными словами, студенты учатся распределять внимание между несколькими задачами, как это и происходит при синхронном переводе.

Под прогнозированием в переводе с листа понимается обычно предугадывание мысли автора. Но при этом существует риск угадать неверно, риск ошибки, как и риск того, что завершать перевод до того, как оратор умолкнет, войдет в привычку. Фактически прогнозирование предоставляет переводчику запас времени для оптимизации как самого процесса прогнозирования, так и процессов анализа, понимания текста и конструирования фразы. Это сложный механизм, который заслуживает более детального рассмотрения.

Перевод с листа позволяет студентам выработать необходимую быстроту реакции при поиске эквивалента из «рабочего» словника, учит чётко формулировать мысль (подбирая подходящий синоним, умело структурируя фразу).

Если перевод с листа записывается, то это даёт возможность слушать себя, постепенно привыкая к собственному голосу, что крайне важно для текущего самоконтроля (на предмет повторов, плохой дикции, оговорок и т.п.). Кроме того, регулярные занятия переводом с листа повышают выносливость будущего переводчика.

Важно уже в процессе обучения ставить студентов в реальные переводческие ситуации, которые требуют умения быстро находить информацию в тексте, просматривая его по вертикали или по диагонали, отмечая для себя фрагменты, содержащие прецизионную информацию, такую как цитата или цифры.

Думается, перевод с листа совмещает максимум принципов, важных для устного переводчика; приведённый список не является исчерпывающим и легко может быть дополнен. У студентов, которые успешно справляются с переводом с листа, обычно не возникают проблемы и с синхронным переводом. Некоторые переводчики регулярно выполняют его для тренировки, готовясь к конференции, или непосредственно перед тем, как войти в кабину.

Хотя перевод с листа всё ещё редко используется на учебных занятиях, это очень полезное упражнение для будущих устных переводчиков на всех этапах обучения. Вдумчивый, всесторонний подход к этой дисциплине позволит преподавателю углубить её

предметное содержание и передать свой профессиональный опыт студентам, одновременно повышая свою квалификацию.

(Перевод Е.В. Гавриловой и Е.В. Колотилкина)

Сведения об авторе

Бенуа Делатр
конференц-переводчик,
заведующий отделением устного перевода
Института перевода и международных отношений (ITIRI/UdS),
Страсбургский университет, Франция
E-mail: eporshneva@gmail.com

УДК 378.147:811

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ИНТЕРАКТИВНОЙ СТОРОНЕ ОБЩЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ (ПРОДВИНУТЫЙ ЭТАП)

Л.П. Загорная, Е.А. Щепеткова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

Вопросы обучения устному иноязычному общению по-прежнему находятся в центре внимания специалистов образовательных учреждений, в том числе высшего профессионального образования. Анализ проблем, связанных с повышением уровня коммуникативной компетентности выпускников лингвистических вузов, позволяют выделить необходимые и достаточные условия для организации интерактивного общения на иностранном языке на продвинутом этапе обучения.

Ключевые слова: интерактивное общение, рядоположенное изучение культур, тренинг, интерактивные технологии, невербальное поведение.

The Organization of Interactive Communication for Advanced Students of Foreign Language at Linguistic Universities

Lilianna P. Zagornaya, Evgeniya A. Shchepetkova

The issues of teaching oral communication in a foreign language are still in the focus of attention for specialists in educational institutions including those of higher professional education. The analysis of the problems of communicative competence and possible ways to develop it allow to define the conditions necessary for the organization of interactive foreign language communication at advanced level.

Key words: interactive communication, interrelated culture study, training, interactive technologies, nonverbal behavior.

Для развития темы интерактивного общения необходимо определить понятие «интеракция». В психологии интеракция трактуется как «способность взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с чем-либо (например, с компьютером) или кем-либо (человеком)» [1. С.216]. С социологических позиций интеракция рассматривается как «процесс, при котором индивиды в ходе коммуникации в группе своим поведением влияют на других индивидов, вызывая ответные реакции» [2. С.31]. Из определений можно выделить те специфические черты, которые характеризуют «интерактивность». Во-первых, общение подразумевает

взаимодействие людей, взаимную связь между ними, а во-вторых, взаимовлияние, или взаимное воздействие друг на друга.

Общение, по мнению М.С. Кагана [3. С.134], определяется как субъектно-субъектное взаимодействие с целью установления и поддержания контакта между людьми, обмена мыслями и чувствами, осуществляемого языковыми средствами, порождаемого потребностью в совместной деятельности и нацеленного на качественное изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёров по общению.

Из определения следует, что важной составляющей общения является интерактивная составляющая (интерактивное общение), которая подразумевает взаимодействие сознаний общающихся и воздействие сознания одного на сознание другого (обратная связь) с целью достижения такого уровня взаимопонимания, при котором формируется готовность к сотрудничеству, толерантность, терпимость к чужому мнению, умение вести диалог, искать и находить содержательные компромиссы.

Таким образом, чтобы усилить эффект воздействия общающихся друг на друга, необходимо создать мотивационную, информационную и операционную готовность к общению.

Мотивационная готовность состоит в наличии интереса к предмету общения («Я хочу говорить на эту тему») и необходимости вызвать аналогичный интерес к предмету общения у собеседника («Он хочет говорить на эту тему»).

Информационная готовность требует увеличения информированности общающихся относительно предмета речи и обогащения их сознаний понятиями и средствами выражения этих понятий. Предметом высказывания на старших курсах являются такие сложные социально-организованные материальные и духовные системы, как человеческое общество, сам человек, политические, экономические, правовые, экологические, педагогические, эстетические, научные процессы и явления, а также проблемы развивающегося общества в восьми сферах общественной жизни [4. С. 82], [5]. И для того, чтобы подготовить индивидуальное сознание общающихся к интеракции в рамках общественно и профессионально значимой тематики, их необходимо вооружить системой знаний разного уровня обобщения и иноязычными средствами их выражения.

Для оценки и интерпретации конкретных явлений и процессов общественно-исторической практики студенту необходимы: 1) теоретические знания об основных закономерностях той или иной сферы общества и наиболее актуальных проблемах и языковые и речевые средства для реализации данных знаний в процессе общения; 2) конкретные факты и лексико-грамматические средства для иллюстрации теоретических положений и аргументации при решении проблем.

Приобретение экстралингвистических знаний (понятий) различного уровня и лингвистических знаний (обогащение словарного запаса абстрактной лексикой, терминами, нейтральной лексикой, словами-реалиями и т.д.) создает достаточные и необходимые условия для организации интерактивного общения на иностранном языке.

Увеличение уровня информированности предполагает системное и цикличное проектирование предметного содержания иноязычного общения и иноязычных средств его выражения. Многолетняя практика преподавания на старших курсах позволила нам сделать вывод: системный подход к организации учебного материала (система текстов и учебный тезаурус для 3-х, 4-х, 5-х курсов) расширяет возможности студентов к самовыражению и созданию собственных текстов (высказываний), а не воспроизведению уже имеющихся, и совершенствует умения аргументации и отстаивания своей позиции [6].

Увеличение уровня информированности тесно связано с ещё одним важным условием интеракции, а именно умением в условиях социальных ситуаций транслировать образ родной страны, её культурных ценностей и менталитета носителей родного языка. Из этого можно сделать важный вывод: при обучении студентов-лингвистов интерактивному общению необходимо рядоположенное изучение культур страны изучаемого языка и родной страны [7], [8]. Соблюдение этого условия обеспечивает равноправное общение в рамках межкультурного диалога. Сопоставительный анализ национальных культур англоговорящих стран и России способствует, с одной стороны, воспитанию терпимости к непохожести культур, пробуждению интереса и уважения к чужой культуре, а, с другой стороны, формированию чувства гордости за свой народ, свою

культуру и свой язык [9. С. 98]. Изучение иностранного языка это не только цель приобретения нового кода для общения с носителями иноязычной культуры, но и цель/средство повышения мировоззренческого, общекультурного и профессионального уровней овладения будущей профессией.

Операционная готовность к общению состоит в выработке тактики и стратегии взаимодействия и организации совместной деятельности обучающихся, для чего необходимо сформировать/совершенствовать следующие интерактивные умения [10. С.89]:

- ориентироваться в социокультурных условиях общения с учетом контекста и ситуации (половозрастные и национальные характеристики собеседника, его социальный статус, уровень информированности, стиль общения (формальное/неформальное);
- определить собственную стратегию развития речевого взаимодействия;
- перестраивать свое речевое поведение в зависимости от изменения логики развития взаимодействия;
- уточнить смысл используемых понятий и привести их к общему смысловому знаменателю;
- прогнозировать развитие содержания общения в зависимости от собственной линии поведения и линии поведения партнера;
- адекватно применять нормы речевого этикета;
- корректно и уместно использовать невербальные средства общения;
- проводить коррекцию и самокоррекцию своего речевого поведения.

Одной из форм активного обучения интерактивному общению является форма социально-психологического тренинга. Основными отличиями тренинга от традиционного обучения являются следующие: 1. Активность его участников. Вовлечение как можно большего количества учащихся в иноязычную деятельность – непереносимое требование к уроку иностранного языка. Однако максимальный охват возможен только при наличии у обучающихся сознательной вовлеченности в учебный процесс, устойчивой мотивации к выполнению действий, предлагаемых преподавателем.

Традиционный подход к организации обучения в лингвистическом вузе лишь подразумевает такую сознательную вовлеченность, но не вызывает ее намеренно подобранными для этой цели заданиями. В отличие от традиционного обучения в тренинговой группе исключается пассивное присутствие участников. Большинство упражнений подразумевает включение в процесс всех участников. Но даже если упражнение носит демонстрационный характер или подразумевает индивидуальную работу в присутствии группы, все участники имеют безусловное право высказаться по завершении упражнения.

2. Другое отличие заключается в характере роли преподавателя. В тренинговой группе преподаватель выступает с позиции стороннего наблюдателя, а не «изнутри», что позволяет ему объективно рассмотреть разворачивающуюся на занятии ситуацию и направить группу на решение поставленных задач. Преподаватель ненавязчиво контролирует процесс обучения, помогая учащимся фиксировать полезную модель поведения. Педагог создает для учащегося условия, чтобы тот сам увидел необходимость качественного изменения в навыках, умениях и личностных образованиях, сам вызвал в себе потребность в изменении, сам искал пути прихода к новому состоянию, сам строил траектории своего изменения. В традиционном обучении преподаватель выступает в качестве эксперта, носителя знаний, его задача – передать знания, сообщить информацию. Даже на уроках иностранного языка в вузе, имеющих свою специфику, иноязычная деятельность студентов в большой степени обусловлена ведущей ролью преподавателя, его активностью, инициативностью. Преподаватель-тренер, однако, это организатор, фасилитатор, консультант, помощник, задача которого – организовать учебный процесс так, чтобы студенты становились не только соучастниками, но и соавторами процесса собственного обучения. Обучающийся рассматривается как ответственный участник процесса обучения, инициатор собственного обучения, как субъект, который контролирует степень достижения поставленных целей.

3. В течение тренинга происходит интенсивный обмен опытом. Шире используется опыт обучающихся (речевой, неречевой, поведенческий, когнитивный), который подвергается значительному осмыслению и упорядочиванию. Участники тренинга взаимно обогащают друг друга. Это дает возможность, во-первых, критически

пересмотреть собственный опыт, определить, что в нем продуктивно, а что является деструктивным и неэффективным; во-вторых, познакомиться с опытом других участников тренинга, позаимствовать новые приемы и подходы к решению поставленных задач и, в-третьих, развивать профессиональные умения. 4. Существенным отличием традиционного занятия от тренингового является принцип «здесь и сейчас». Этот принцип ориентирует участников тренинга на то, чтобы предметом их анализа постоянно были процессы, происходящие в группе в данный момент, чувства, переживаемые в данный конкретный момент, мысли, вербальные и невербальные реакции, вызываемые теми или иными стимулами. Принцип акцентирования на настоящем способствует глубокой рефлексии участников, обучению сосредотачивать внимание на себе, своих мыслях и чувствах, развитию навыков самоанализа. 5. В отличие от традиционного обучения тренинговый подход в полной мере реализует принцип исследовательской позиции. В ходе тренинга участники не воспроизводят ранее усвоенные знания, а добывают новые. Знания возникают в результате обобщения и систематизации работы группы и уже в ходе тренинга становятся навыками. 6. Различия в постановке целей обучения. Традиционное обучение ориентировано на общие цели, такие как «освоение», «формирование», «изучение». Для тренинга характерна предварительная оценка потребностей в обучении, ориентация на формирование конкретных умений и навыков, компетентностей, необходимых для решения четко поставленных задач. 7. Тренинговый подход заостряет внимание на том, как учить, на процессуальной стороне обучения, в отличие от традиционного обучения, в котором ведущая роль все же отводится содержательному компоненту. 8. Тренинг, как и традиционное занятие по практике языка, носит обучающий характер, поскольку в нем присутствует когнитивный компонент. Однако, в отличие от традиционного обучения, тренинг не сводится к приращению знаний и формированию навыков и умений практической деятельности. Тренинг нацелен на получение эмоционального опыта. Это прежде всего развивающее обучение в широком смысле. «Основное в учении не конкретный навык или знание, а развитие сил, участвующих в процессе учения» (Д.Н. Узнадзе).

Формат тренинга так же позволяет существенно экономить аудиторное время, что как нельзя более актуально в связи с изменением соотношения «аудиторные часы/самостоятельная работа» в сторону последней. Кроме того, тренинг имеет ряд преимуществ психологического свойства: раскрепощенность участников группы, снятие психологической напряженности. Тренинг дает возможность расширить диапазон режимов работы в учебной группе и облегчает процесс управления учебной деятельностью обучающихся во время занятия. Область применения социально-психологического тренинга ограничивается малой группой, что делает возможным использование этого вида тренинга в учебном процессе лингвистического вуза, где занятия практикой иностранного языка проходят в группах по 12-15 человек.

Тренинговый подход к обучению может быть реализован в двух видах: а) традиционные занятия по практике речи содержат в себе элементы тренинга и б) аудиторное занятие представляет собой организованный тренинг конкретных умений.

В процессе тренинга интерактивные умения развиваются путем отработки ряда техник, а именно: 1) *техники активного слушания*, к которым относятся а) техники формулирования вопросов (прежде всего открытых); б) техники формулирования ответов; в) техники резюмирования; г) техники малого разговора (small talk), подразумевающие цитирование собеседника, информирование, позитивные констатации. Необходимо отметить, что тренинг не только развивает умение вести «правильный» малый разговор (small talk), но и умение избегать типичных ошибок, таких как «насилованное интервью» (допрос); «инвентаризация жизни»; превращение в большой разговор; «русский негатив». В этом смысле тезис о рядоположенном изучении культур стран изучаемых языков как никогда актуален; 2) *техники, способствующие пониманию*, такие, как а) техники повторения (дословное воспроизведение полученной информации или цитирование сказанного партнером); б) техники перефразирования (краткое повторение сути высказывания партнера своими словами); в) техники интерпретации (высказывание предположений об истинном значении сказанного или о причинах и целях высказывания партнера); д) техники развития идеи; 3) *техники снижения эмоционального напряжения*, включающие: а) техники

вербализации своих чувств и ощущений; б) техники вербализации чувств партнера по общению; в) техники регуляции напряжения; г) техники подчеркивания общности (целей, личностных характеристик, ощущений и т.п.); техники подчеркивания значимости собеседника, его мнения, вклада в общее дело; 4) *техники реализации невербального поведения*, состоящие из: а) техник ориентирования в неречевом репертуаре собеседника; б) техник интерпретации невербальных сигналов; в) техник реагирования на невербальные стимулы.

Языковой и речевой материал, необходимый для отработки перечисленных техник, состоит из речевых клише (Conversational Formulae); глаголов, передающих коммуникативное намерение говорящих; наиболее употребительных выражений общего характера; вводящих, связующих и заключающих высказываний (Communicative English); речевых средств выражения эмоций, волеизлияния и оценки; связующих слов (Linking Words); формул этикетного характера; устойчивых оборотов речи, систематизированных по функциональному признаку; функциональных грамматических конструкций - они представляют собой тот инструментарий, который предъявляется студентам в виде списков, таблиц, схем, и которым они овладевают в процессе тренинга.

Образцы тренируемого поведения в виде учебных записей, видеофильмов, отрывков из кинофильмов, представляющих собой диалоги персонажей, удачно или неудачно применяющих указанные техники, дают представление не только об экстралингвистическом и лингвистическом содержании интерактивного общения, но и невербальных средствах общения (интонации, жестах, мимике, выражении глаз и других невербальных сигналах). Важным является тот факт, что в процессе тренинга участники группы имеют возможность для компаративного и контрастивного изучения невербальных средств общения, используемых русскоговорящими и англоговорящими людьми.

В рамках тренинга применяются такие технологии, как: презентация, моделирование ситуаций, ролевые игры (диагностические, учебные), инсценирование. Эффективным приемом является визуализация, наглядная демонстрация тренируемого невербального поведения, либо же намеренное нарушение тех или

иных его норм с целью распознать допущенные ошибки и проанализировать их дальнейшее влияние на ход общения.

Тренинговый подход к организации обучения позволяет использовать обширный арсенал дискуссионных и игровых приемов развития указанных интерактивных умений [11. С. 186]. К дискуссионным относятся такие, как: дискуссия (групповая, межгрупповая, послеигровая); разбор случаев из практики (традиционный анализ конкретных ситуаций); ситуационный анализ; моделирование практических ситуаций; кейс-стади. Каждый из этих приемов имеет свои особенности, однако, их объединяет проблемный характер заданной ситуации или поставленной задачи, необходимость группового обсуждения и выработки совместного решения, наличие обратной связи.

Среди игровых приемов можно выделить следующие: дидактические, имитационные и творческие игры; проигрывание ролей (инсценировки, драматизации); ролевые игры (интонационно-речевой и видеотренинг); мозговой штурм; контр-игра (анализ осознания коммуникативного поведения). Эффективность применения игровых приемов на практических занятиях в языковом вузе обусловлена интенсивностью межличностного общения, которое разворачивается в процессе тренинга, а так же их диагностическим, прогностическим и психокоррекционным потенциалом.

Тренинговый подход к организации обучения английскому языку так же позволяет развивать механизмы перцепции, без которых невозможно достичь аутентичности в межличностных взаимоотношениях; понимание себя (рефлексию), формирует навыки конструктивного вмешательства в деятельность группы. Это достигается за счет ориентации студентов на работу в команде и сотрудничество, вовлекающее в групповой процесс всех его участников.

Одним из главнейших факторов в обучении является мотивация. Мотивацию нужно непременно создавать. Для этого прежде всего нужно создать условия для удовлетворения потребностей. Мотивационный потенциал тренинга превращает занятие по английскому языку в занятие по реализации коммуникативных потребностей студентов. Это происходит за счет увеличения количества стимулов, побуждающих студентов к коммуникативной

деятельности, к общению на английском языке. Все задания должны быть обеспечены мотивацией, в них должны быть встроены стимулы интереса. Для тренинга мотивации используются три типа ролевых игр, в ходе которых каждый участник испытывает на себе действие мотивационных сил: игры-омнибусы по гипотетическому сценарию преподавателя; ролевые игра по гипотетическому сценарию участников; самостоятельно разработанные участниками инсценировки. Широко используется командная работа, предполагающая выполнение заданий или решение кейсов в подгруппах с последующим объединением всех участников в целостную группу. Ролевые игры и командная работа могут завершаться общей дискуссией, нацеленной на рефлекссию по поводу результатов, вызванных реакций, наблюдений за чужими словами и действиями, неудачами или достижениями. Какую бы форму ни принимало общение в ходе занятия, оно неизменно протекает на иностранном (английском) языке, который становится средством для развития коммуникативной личности.

Все эти способы и приемы решают задачи: 1) мотивации; 2) создания благоприятного психологического климата в учебной группе; 3) увеличения объема понятий по предметной области; 4) усвоения и дальнейшего самостоятельного употребления лингвистических и паралингвистических средств в приближенных к естественному общению ситуациях.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что создание достаточных и необходимых условий обучения интерактивному общению ведет к развитию и совершенствованию личности обучающегося, способного эффективно взаимодействовать в рамках общественно-значимых социально-ориентированных разговорных тем.

Библиографический список

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2004. 743 с.
2. Гуляева И.В. Формирование субъектности студента в интерактивном обучении // Вестник ОГУ. 2006. №10.
3. Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

4. Зеленов Л.А. Становление личности. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1989. 167 с.

5. Загорная Л.П. Роль предметного содержания иноязычного общения в процессе социализации личности средствами иностранного языка // Реформирование школьного и вузовского образования и новые тенденции в преподавании иностранных языков: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию научно-педагогической деятельности профессора Г.В.Роговой. М., 2002. С.107-109.

6. Загорная Л.П. Технология создания тезауруса на основе системы учебных текстов (для порождения самостоятельных высказываний) // Когнитивные процессы в иноязычном словоупотреблении и слововосприятии на уроках иностранного языка в школе и вузе. Нижний Новгород, 2004. С.18-24.

7. Загорная Л.П. Рядоположенное изучение российской и англоязычной культур // Коммуникативно-когнитивный подход в реализации целей обучения иностранным языкам в школе и вузе. Нижний Новгород, 2007. С.386-390.

8. Загорная Л.П., Птушко С.В. Трансляция имиджа страны в процессе овладения иностранным (английским) языком // Вестник университета Российской академии образования. 2010. №1. С.62-65.

9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

10. Линченко Е. В. Обучение устному иноязычному общению студентов старших курсов языковых факультетов на материале средств массовой информации (Английский язык как второй иностранный): Дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2003. 301 с.

11. Панфилова А.П. Тренинг педагогического общения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.

Сведения об авторах

Загорная Лилианна Павловна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: jane_sh@inbox.ru

Щепеткова Евгения Александровна
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: jane_sh@inbox.ru

УДК 378.147:81'25

ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА ЛИНГВИСТИКИ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Р. Поршнева, И.Ю. Зиновьева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается роль бакалавриата как основы профессионального переводческого образования, формирующего специалиста в области межкультурной коммуникации и владеющего основами переводческой профессии.

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт, бакалавриат, базовое переводческое образование, языковая подготовка, компетенции.

Bachelor of Linguistics Program as a Foundation of Professional Training Interpreters and Translators

Elena Porshneva, Irina Zinovyeva

The article discusses the role of the Bachelor's Degree being the foundation of professional education in the field of interpreting and translation which allows to train a specialist in the sphere of intercultural communication who has mastered the basics of the interpreter's profession.

Key words: federal state educational standard, Bachelor's Degree, basic education in the field of interpreting and translation, linguistic training, competencies.

Образование в области лингвистики находится сегодня в стадии реформирования: с 2011 года вводится новый Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) высшего профессионального образования (ВПО) по направлению подготовки 035700 Лингвистика (степень «Бакалавр»). На протяжении многих лет стандарты по переводу и переводоведению претерпевали различные изменения: менялось название специальности, но, тем не менее, она оставалась общей: 022600 – *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Разной была лишь присваиваемая выпускникам квалификация – *Лингвист. Переводчик* и *Лингвист. Преподаватель* соответственно. В 1996 году появилась отдельная специальность 022900 – *Перевод и переводоведение*, но в рамках общего с подготовкой преподавателей направления 620100 – *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. А в 2000 году вышел еще один ГОС

по направлению подготовки 520500 – *Лингвистика*, квалификация *Бакалавр лингвистики*. Несмотря на то, что разделение на специальности и профили этот стандарт не предусматривал, большинство вузов готовило бакалавров-переводчиков, а впоследствии и магистров. Данный стандарт практически дублировал стандарт по направлению *Лингвистика и межкультурная коммуникация*.

Первые стандарты содержали жесткий перечень дисциплин, практик и форм отчетности, отступить от которых вуз не имел права. Стандарты также контролировали объем (выраженный в академических часах) и содержание каждой из дисциплин, закрепленное в перечне указываемых после ее названия «дидактических единиц» – основных разделов учебного курса. И все же доля самостоятельности вуза при создании учебного плана (за счет так называемых «региональных» компонентов образовательной программы и курсов по выбору студента) в 1990–2000-х гг. постепенно росла и составляла в Госстандартах первого поколения 15–20 %, второго поколения – около 30 % [1. С. 15].

В стандартах нового поколения предусмотрено дальнейшее расширение свободы вузов. Каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную), устанавливаемую вузом. Вариативная (профильная) часть дает возможность расширения и (или) углубления знаний, умений и навыков, определяемых содержанием базовых (обязательных) дисциплин (модулей), позволяет студенту получить углубленные знания и навыки для успешной профессиональной деятельности и (или) для продолжения профессионального образования в магистратуре [2. С. 3]. Соответственно, вузы могут самостоятельно определять образовательную программу при условии, что основным компонентом являются формируемые у студента в результате изучения соответствующего цикла дисциплин компетенции.

Содержательное наполнение второй (вариативной, или профильной) половины образовательной программы становится прерогативой вуза, в помощь которому учебно-методическими объединениями или иными компетентными группами экспертов создаются ориентировочные «примерные основные образовательные программы» по конкретным направлениям подготовки.

Предполагается, что подобный принцип построения стандарта позволит вузам разрабатывать новые образовательные программы с учетом потребностей местного (регионального) рынка труда, научных и образовательных традиций, собственных методических наработок.

Новый стандарт создан на основе базовых принципов Болонского процесса: с ориентацией на образовательные цели студентов, выраженные в формате компетенций, с учетом задач профессиональной деятельности переводчика, и трудозатрат в кредитных (зачетных) единицах. Важно, что в новом ФГОСе понятие «образование» трактуется не как результат усвоения определенных знаний, умений и навыков, а как *процесс развития личностного потенциала, личностных ресурсов*, а система целеполагания приобретает личностно ориентированный характер. При такой постановке цели образования *целью обучения* становится создание оптимальных психолого-дидактических условий для развития целостной профессиональной личности высокого уровня квалификации, ориентированной на свою будущую профессиональную деятельность, самообразование и самосовершенствование в ней в соответствии с реальными потребностями и возможностями. При этом возрастает роль преподавателей в управлении учебной деятельностью студентов, в уточнении их образовательных целей.

Переход на двухуровневую систему («бакалавр – магистр») ставит перед преподавателями сложную задачу – обеспечить профессиональную языковую и переводческую подготовку за четыре года. В таком случае оптимизировать подготовку переводчиков можно только за счет пересмотра приоритетов, систематизации и построения целостного междисциплинарного содержания языкового образования, направленного на формирование основ профессиональной культуры будущего переводчика. Парифразируя слова Ю.Н. Караулова, можно сказать, что сквозной идеей, объединяющей отдельные дисциплины, может стать лишь идея *формирования профессиональной языковой личности*, отражающей накопление жизненного и речевого опыта, усвоение научных знаний о мире, развитие профессионального мышления и выстраивание языковой картины мира в соответствии с национальной спецификой. Поскольку освоение иностранного языка и культуры представляет

собой освоение социокультурных контекстов, то и становление личности профессионального переводчика невозможно без создания контекста профессии.

Профессиональная направленность языковой подготовки проявляется, прежде всего, в её ориентации на формирование профессионального мышления (интеллекта в действии). Осознание студентами своих будущих профессиональных функций, отражение их в процессе обучения языком придает личностный смысл учебной деятельности, повышает их ответственность за качество усвоения знаний.

Компетентную языковую личность переводчика отличает профессиональная культура речи на родном и изучаемом языках. Эта культура заключается в знании нормы, владении узусом и базируется на четком представлении о языковой системе и законах ее функционирования. Её основными параметрами являются: языковая, функциональная, информационная, текстовая грамотность и готовность к межкультурному общению. Её профессионализм определяется уровнем сформированности *ключевых профессионально значимых компетенций*, необходимых для осуществления профессиональной деятельности и способствующих дальнейшему саморазвитию.

Интеллектуальная продуктивность профессиональной личности переводчика характеризуется эффективной организацией знаний, их разнообразием, гибкостью и легкодоступностью в долговременной памяти, способностью к переносу знания в новую ситуацию, способностью концентрироваться на ключевых, существенных для понимания текста элементах. Развитие данных качеств в процессе базового многоязычного обучения обеспечивает формирование конкретных умений, необходимых для овладения профессиональным переводом.

В связи с этим программы практических курсов первого и второго иностранных языков должны разрабатываться в русле взаимодополняющих методологических подходов: контекстно-компетентностного, межкультурного и коммуникативно-когнитивного. Языковая подготовка выстраивается на принципах организации ориентировочной деятельности, постепенного моделирования содержания профессиональной деятельности,

обогащения субъектного лингвистического опыта и личностно-ориентированного общения.

Цель обучения приобретает междисциплинарный характер — обучить студентов стратегиям освоения иностранных языков, методологическим основам текстовой деятельности, профессионально значимым действиям на родном и иностранных языках. Меняются и образовательные цели студентов: при изучении языков овладеть не только лингвистической компетенцией, но и научиться воспринимать и удерживать в памяти смысловое содержание сообщения, выделять его смысловые единицы, объединять их в более крупные информативные блоки, формулировать и переформулировать смысл сообщения, осознавать и сохранять при передаче смысла типовую и жанровую специфику текста, адекватно интерпретировать смысл речевого и неречевого поведения представителей иноязычной культуры, ориентироваться в социокультурном контексте конкретной коммуникативной ситуации.

Особую важность при подготовке переводчиков-профессионалов приобретает развитие межкультурной компетенции, поскольку осознание роли и взаимодействия культур влияет не только на использование языка в непосредственном реальном общении, но и является основой профессиональной переводческой деятельности. Являясь базовым условием межкультурной коммуникации, *межкультурная компетенция* заключается в высокоразвитой способности мобилизовать систему знаний, умений, необходимых для декодирования и адекватной интерпретации смысла речевого и неречевого поведения представителей разных культур и ориентирования в социокультурном контексте конкретной коммуникативной ситуации.

Обладая данной компетенцией, участник межкультурного общения способен выявлять национальную, социальную и психологическую специфику речи вступающих с ним во взаимодействие других личностей, и использовать специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми он пользуется при общении внутри одной культуры. Для переводчика — это, в первую очередь, установка на адресата сообщения, это умение предотвращать или компенсировать не(до)понимание сторон межкультурного общения и способствовать

их взаимодействию. Очень важно так строить обучение родному и иностранным языкам, чтобы студенты с самого начала «присвоения» иностранных языков осознавали необходимость создавать свое высказывание в расчете на «активное понимание» собеседником, представляющим иную культуру.

В европейских переводческих школах эта проблема ощущается менее остро, поскольку языковую практику ведут только носители языка, что вынуждает обучаемых строить свою речь, учитывая её восприятие представителем другой культуры. В российских условиях преподаватель и студент находятся в рамках одной культуры, поэтому формирование межкультурной компетенции остается одной из самых сложных задач в обучении языкам. Многочисленные исследования В.Г. Гака доказывают, что восполнить этот пробел можно, лишь постоянно обращаясь к сопоставительно-типологическому анализу речевого акта. Этому способствует интеграция в содержание обучения «сопоставительной прагматики», строящейся на сопоставлении речевого поведения как аспекта национальных культур: «1) невербальные элементы поведения и реакции; 2) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; 3) общие тенденции речевого поведения» [4. С. 28]. Систематическое сопоставление языков (родного и иностранного) как в структурном, функциональном аспектах, так и в организации высказывания, помогает в практическом овладении языками, а при обучении переводчиков это становится профессионально необходимым.

Придание деятельностного характера преподаванию родного и иностранных языков, ориентация на решение коммуникативных и квазипрофессиональных задач должно стать ещё одним важным моментом в организации процесса языкового образования переводчиков. Большое значение приобретают активные формы обучения. Использование ролевых, интеллектуальных игр, построенных по правилам иноязычной игровой культуры, позволяет создавать условия реального общения, способствует развитию лексико-грамматических навыков, совершенствованию профессионально значимых компетенций, личностных качеств, приобщает к культурным традициям страны изучаемого языка. Особая роль в создании профессионального образовательного

контекста должна отводиться имитационно-игровому обучению. Моделирование профессиональных ситуаций при обучении всем видам речевой деятельности, тренинги, сочетание элементов ролевых, имитационных и деловых игр дают возможность студентам ознакомиться со всеми аспектами переводческой деятельности. Это позволяет радикально сократить время накопления профессионального опыта, формируя у будущих специалистов целостное представление о работе переводчика в ее динамике.

Не менее важным условием эффективности языковой подготовки является отбор текстовых материалов. Отличительной чертой базовой лингвистической подготовки переводчика является использование в учебном процессе только аутентичных, либо квазиаутентичных (созданных носителем языка для учебных целей), текстов. Обучение устным и письменным формам общения строится на образцах литературно-разговорной нормы, принятой в официальных и неофициальных ситуациях общения. Отбирается корпус текстов различного функционального назначения (письменные образцы монологической речи, информативные заметки, записи интервью, объявления, расписания, программы, тесты, рекламные тексты, выдержки из молодежных прессы, современные художественные тексты), отвечающие следующим критериям: нормативность, насыщенность социокультурной и лингвострановедческой информацией, коммуникативная целесообразность и достаточность, широкие функциональные возможности. Таким образом, при изучении родного и иностранных языков у студентов складывается определенная модель естественного общения, включающая минимум речевого материала, подлежащего усвоению, отвечающая нормам речевого поведения носителей языка, вступающих в международные контакты и формирующая основные умения, которые должен иметь профессиональный переводчик для успешной работы по своей специальности. Эти умения охватывают не только базовые принципы восприятия и построения монологического и диалогического текстов, но и профессиональное отношение к усвоению всех языковых уровней, фонетического (орфоэпия, орфография), лексического (сочетаемость слов, синонимия, полисемия и др.), грамматического (грамматические концепты).

Как видим, новый ФГОС дает студентам больше возможностей для самостоятельного выстраивания образовательной траектории сообразно своим задаткам, способностям и возможностям, а пересмотр целей обучения и разработка системы профессионально направленного языкового обучения позволяют уже в процессе языковой подготовки формировать основу профессиональной компетентности как способности эффективно осуществлять переводческую деятельность.

Новая организация учебного материала, четкое определение целей, согласование программ языковых дисциплин и требований при переходе с этапа языкового обучения на этап специализации, активизация игровых форм обучения усилят роль бакалавриата как основы профессионального переводческого образования, формирующего специалиста в области межкультурной коммуникации, способного к самосовершенствованию, инновациям, прогнозированию развития профессии в будущем.

Библиографический список

1. Ковтун Е.Н., Родионова С.Е. Образовательные программы «болонского» типа и возможность их реализации в России (на примере направления подготовки ВПО «Филология») // Материалы Международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств». Ижевск, 2008.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт подготовки 035700 Лингвистика (квалификация (степень «Бакалавр»). Москва, 2010.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. 264 с.
4. Гак В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранному языку. М., 1987. С.26-37.

Сведения об авторах

Поршнева Елена Рафаэлевна
доктор педагогических наук,
зав. кафедрой теории и практики
французского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: eporshneva@gmail.com

Зиновьева Ирина Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка и перевода,
декан переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zinovieva@lunn.ru

УДК 378.147:81'25

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ЛЕКСИКОН ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Т.С.Серова, Л.П.Шишкина

Пермский государственный технический университет, Пермь

В статье рассматриваются проблемы формирования переводческого билингвизма на основе лексикона тезаурусного типа, а также описывается структура и содержание лексикона-тезауруса и словарно-понятийных статей.

Ключевые слова: внутренний лексикон, лексикон-тезаурус, билингвизм, словарно-понятийная статья.

Bilingual Lexicon of Thesaurus Type as a Means of a Translator's Bilingualism Formation

Tamara Serova, Larisa Shishkina

The article deals with translation bilingualism formation on the basis of lexicon-thesaurus type. The structure and contents of lexicon-thesaurus in general and dictionary entries in particular are described.

Key words: internal lexicon, lexicon-thesaurus, bilingualism, dictionary entries.

Переводчик в процессе профессиональной подготовки формируется как билингв, что предполагает не только знание двух языков, но, прежде всего, умение находить и соотносить коммуникативно равноценные средства данных языков для выражения мыслей с учетом особенностей конкретного акта общения [1. С. 80].

Оба языка переводчика как билингва обладают словарным составом и грамматическим строем, служат средством формирования мыслей и передачи их в процессе речевого общения с другими людьми. Прежде всего, лексические средства обоих языков используются для выражения одних и тех же понятийных категорий времени, места, качества, модальности и других; для обозначения класса предметов, отдельных объектов и их признаков, процессов и состояний, которые связаны с единством человеческого мышления и окружающего мира. В этом случае возникает необходимость подключать обучаемого к когнитивному уровню языковой личности

[2. С. 69] или по Ю.Н. Караулову [3], к тезаурусному уровню формируемого лингвокогнитивного сознания.

В связи с этим важно было бы решить вопросы, в какой иерархической системе должен быть представлен лексикон памяти, чтобы были сформированы понятия и значения слов, в какой степени кратным должно быть представление лексических систем в текстовых материалах до полного их запоминания и дальнейшего сохранения.

Внутренний лексикон обуславливает уровень полноты, глубины и точности понимания учебных материалов по определенной теме той или иной области знаний (А.М. Сохор, Ю.Н. Караулов, И.Ю. Доброхотов, И.И. Халеева и др.).

Только при условии сформированности в сознании обучаемого системы понятий можно говорить, что он овладел орудием познания ценной и важной информации, т.е. может воссоздать сформулированные в тексте мысли.

Однако чтобы сформировать в сознании систему понятий, обеспеченных языковыми средствами, которая стала бы надежной информационной возможностью обучаемого, необходимо отобрать и организовать понятия, языковые средства и, прежде всего, лексику, выражающую эти понятия по любой проблеме.

Оптимальным для обучения способом иерархической организации совокупности понятий той или иной области знаний со всей относящейся к ним лексикой, образующей вокруг них особое множество (семантическое поле), является тезаурус. Он же является достаточно компактным способом обобщения и упорядоченного представления уровня развития той или иной области знаний. Тезаурус как научный термин появился в лингвистике, а именно в лексикографии, при составлении идеографических словарей, задачей которых была смысловая классификация лексики, группировка ее по смысловым гнездам. Такие словари предназначены для поиска нужных языковых средств с целью выражения того или иного понятия.

Под тезаурусом понимается либо а) некий семантический словарь как способ организации лексики, в явном виде фиксирующий все «семантические отношения между составляющими его единицами»; либо б) семантический словарь как издание, представляющий собой упорядоченный набор терминов, содержащий

перечень понятий вместе с их интерпретацией и отношениями; либо в) модель мира, отраженный и упорядоченный в сознании «лексикон», «идеальная картина мира».

Есть еще и другое понимание тезауруса (А.М. Сохор, Г.Г. Воробьев, Ю.Н. Караулов, В.З. Коган, С.Е. Злочевский и др.): как универсальной обобщенной системы знаний; как данной конкретной области знаний; как тезаурус автора текстов; как тезаурус системы знаний, извлекаемых из массива текстов, и как тезаурус читателя.

Поскольку все слова для обучаемого предстают в процессе обращения его к учебным текстам в тесной взаимосвязи с другими словами, то предполагается, что организация и подача лексики по принципу тезауруса, понятийного словаря-минимума, в котором понятия были бы воплощены в точные словесные формы и определения, принятые в той или иной области знания, в котором каждое понятие представало бы со всеми многообразными связями, может стать наиболее эффективным путем передачи знаний.

Тезаурусно-целевой подход к отбору и организации лексики [4] стал функцией ряда научных аргументов с психологической точки зрения.

Л.С. Выготский доказал, что испытуемый, решая задачи на образование новых понятий, устанавливает новые связи. Подыскивая к предмету ряд других, он ищет связи между ними. И знание о предмете обогащается потому, что испытуемый изучает его в связи с другими: «Развитие понятия (знания) предполагает его движение как в смысле постоянного изменения его объема, так и углубления его содержания» [5. С. 11]. В развитом понятии, по словам Л.С. Выготского, можно обнаружить всю совокупность его отношений. Если человек оперирует отдельным понятием, то он оперирует всей системой понятий, с ним связанных. Ученый показывает [6. С. 122], что если нет системы понятий, то возможно установление только эмпирических связей, при этом господствует логика восприятия. И только «вместе с системой возникают отношения понятий к понятиям, опосредованное отношение понятий к объектам через их отношения к другим понятиям». В этом случае имеет место логика мысли» [6. Т.1 С. 284].

Однако чтобы понятие развивалось и заняло определенное «место в мире», необходима производящая сила, движущий фактор,

на который указывает Л.С. Выготский. «Понятие невозможно без слов, мышление в понятиях невозможно вне речевого мышления: новым существенным, центральным моментом всего этого процесса, имеющим все основания рассматриваться как производящая причина созревания понятий, является специфическое употребление слова, функциональное применение знака в качестве средства образования понятий» [6. С. 133].

Обратимся к исследованию Л.С. Выготским закономерностей обобщения и его значения для развития мышления: «Обобщение означает не только осознание, но и систематизацию понятий» [6. С. 222]. И объясняется это тем, что, обобщая, мы за данным понятием ставим высшее, которое предполагает существование не одного, а целого ряда соподчиненных понятий. А высшее понятие, в свою очередь, невозможно без иерархической систематизации низших по отношению к нему, ему подчиненных понятий.

Фактически Л.С. Выготский дает ответ на очень важный вопрос: почему понятие в психологическом рассмотрении проблемы его образования становится все более общим и, относясь ко все большему количеству предметов, богаче по содержанию, а не беднее, как следует из формальной логики.

Л.С. Выготский на основе этого делает вывод, что «обобщение понятия приводит к локализации данного понятия в определенной системе отношений общности, отношений, которые являются самыми основными, самыми естественными и важными связями между понятиями» [6. С. 221].

Исходя из указанных выше положений Л.С. Выготского об особенностях связей понятий и их развития, полагаем, что для обучения экологическим дисциплинам а) нужно составлять структуры логико-семантического содержания их тем, денотатные карты, словарные понятийные статьи, учитывая в них все связи слов, в том числе и ассоциативные; б) следует организовывать общение, используя новые технологии обучения, в которых осуществлялось бы постоянное обобщение, «движение по линии отношений, общности к высшему понятию» [6. С. 283].

Все это имеет большое значение:

– для отбора лексики, последующей ее организации и введения в процесс обучения;

- для выбора ведущих лексических единиц, представляющих основные понятия темы;
- для определения уровня их обобщения;
- для представленности всех связей в текстах учебных материалов с помощью языковых знаков;
- для решения вопроса о достаточном количестве текстов, чтобы состоялось письменное вербальное общение, обобщение и как результат этого – развитие понятия и значения слова.

Для формирования понятий очень важна связь активности умственной деятельности студента и степени сформированности систем ассоциативных связей. При различных уровнях систем ассоциативных связей лексических единиц в процессе встречи с ними в читаемых текстах необходимо учитывать, в каком количестве текстов по данной теме и другим темам, в связи с какими другими словами функционирует данное слово.

Перечисленные характеристики мышления, его формы и операции позволили нам еще раз подтвердить целесообразность выбора тезаурусного подхода к организации лексикона для обучения экологическим наукам, так как именно последний учитывает особенности формирования понятий и психологических значений слов, важность ассоциирования, ассоциативных связей слов, всех видов операций и, в первую очередь, операций обобщения, деления, определения понятий.

В связи со сказанным, для формирования переводческого билингвизма большую дидактическую значимость приобретает проблема разработки и создания двуязычных лексиконов-тезаурусов [7].

Построение и развитие лексикона-тезауруса с методическими целями, основанное на исследовании семантической структуры текстов, позволяет упорядочить терминологию по теме и специальности и выявить систему понятий данной области знаний.

Тезаурус следует рассматривать, во-первых, как способ описания и организации смысловой структуры знаний по теме, в соответствующей области в виде системы лексических средств с их взаимосвязями и отношениями.

Во-вторых, это словарь-справочник в печатном или электронном виде, в котором представлены ключевые лексические единицы

данной темы, отрасли знаний вместе с их взаимосвязями: синонимия, родовидовые, ассоциативные отношения, словосочетания, классифицируемые тематически, обобщенные в схемах, с помощью которых студент может находить различные семантические характеристики текста, видеть его логическую структуру.

В-третьих, используемый в качестве инструмента для быстрой ориентации в текстах, поиска и извлечения релевантной целью и задачам деятельности студента информации, он формируется, в конечном счете, как отраженный, упорядоченный в сознании обучаемого, как достояние его долговременной памяти.

Теоретически обосновано и проверено на практике, что наиболее оптимальной структурой лексикона для целей обучения является четырехкомпонентная структура:

- 1) классификационная часть с логико-семантическими структурами тем (ЛССТ) и ведущих подтем;
- 2) контекстная часть с дефинициями ключевых понятий;
- 3) идеографическая часть, в которой представлены словарные понятийные статьи (СПС) ведущих слов-понятий темы;
- 4) алфавитный указатель слов (возможно, с отнесением каждого слова к теме, к подтеме первого уровня ЛССТ, к понятийной словарной статье).

В логико-семантических структурах тем, её подтем всегда представлены слова, словосочетания как ключевые, выражающие только парадигматические связи лексических единиц по отношению к основным, если говорить о развитии темы вглубь, по вертикали, например, подтемы «Экологическое право» (рис.1).

Рис. 1.

Дефиниции ключевых понятий по той или иной теме, например, «Сохранение чистоты воздуха» – «Luftreinhaltung», включают не только парадигматические, но и синтагматические связи ключевого слова со всеми другими лексическими единицами в контексте на исходном языке и языке перевода.

Luftreinhaltung *f*- ist das Ziel aller Maßnahmen zur Erhaltung der natürlichen Zusammensetzung der Luft. Die Maßnahmen müssen bereits an der Quelle (z.B. Maschine) ansetzen; hier sind Schadstofffreisetzungen zu vermeiden oder erheblich zu verringern. Darüber hinaus sind, soweit notwendig, nachgeschaltete Techniken einzusetzen. Dazu werden in die Schornsteine der Fabriken und der Wärmekraftwerke Filter eingebaut, mit denen die luftverunreinigenden Stoffe (Rauch, Staub, Gas, Dämpfe, Geruchstoffe) in unterschiedlichem Ausmaß zurückgehalten werden.

Поддержание чистоты воздуха является целью всех мер по сохранению природного состава воздуха. Меры должны приниматься уже на месте возникновения (например, машина); здесь должны предотвращаться или значительно уменьшаться выделения вредных веществ. Кроме того, по мере необходимости следует использовать дополнительные методы и технологии. Для этого устанавливаются на дымовых трубах фабрик и тепловых электростанций фильтры, с помощью которых удерживаются в различных объемах загрязняющие воздух вещества (дым, пыль, газ, пары, вещества с запахом).

Такие дисциплины ключевых понятий как тип текстов позволяют накапливать контекстные фрагменты и необходимое количество актуализируемых вербальных гипотез сочетаемости лексических единиц, принятых в изучаемом иностранном языке. На основе этого контекста можно решать вопрос усвоения и накопления валентных отношений любой лексической единицы в двух языках, когда особенности сочетаемости могут совпадать полностью, частично или вообще не совпадать.

Функционально значимыми в лексиконе тезаурусного типа становятся словарно-понятийные статьи ключевых лексических единиц, представленных в текстах дефиниций. Ключевое слово в них дается со всеми парадигматическими связями с другими словами.

Например, ключевое слово «Deponie» – «Полигон» представлено в СПС многочисленными связями, актуализированности в аутентичных текстах: виды, формы, части полигона как парадигматические отношения, субъектные, объектные, динамические (действия), качественные, временные,

пространственные, причинно-следственные как синтагматические связи.

Завершает лексикон-тезаурус двуязычный алфавитный список лексических единиц с их системными значениями.

Таким образом, основные ключевые слова-понятия, представленные в дефинициях и словарно-понятийных статьях, обладают многими ассоциативными связями, которые выражены в текстах языковыми средствами. Увидеть и услышать быстро это слово со всеми связями в тексте, а значит, быстро прочитать, услышать и понять информацию можно только при условии сформированности в сознании переводчика набора этих связей, наличия их в его долговременной памяти как билингва и способности воспроизводить их в процессе аудирования и чтения, т.е. извлечение информации из долговременной памяти в оперативную на время чтения или аудирования, извлечение и запись этой информации. А это значит, что формирование лексикона как основного компонента содержания постоянной памяти должно происходить через активную речевую деятельность чтения, говорения, аудирования и письма как вербального общения.

Subjekte	Handlungen	Deponie	Handlungen	Objekte
<ul style="list-style-type: none"> - Anlieferer - Betreiber - Gemeinde - Inhaber - Behörde - Hersteller - Abfallerzeuger 	<p>abschließen, abladen, abdichten, ansehen, aufbauen, abdecken, ändern, anlegen, Anforderungen stellen, abschirmen, an das öffentliche Straßenetz anschließen, aufgliedern, ausstatten, achten, aufbringen, abkippen, in Ordnung bringen, bewerten, betreiben, bezeichnen, behandeln, bebauen, bauen, belasten, betrachten, definieren, entgiften, einbauen, errichten, einrichten, errichten, erkennen, favorisieren, genehmigen, kontrollieren, in die Landschaft integrieren, unschädlich machen, nachsorgen, nutzen, prüfen, planen, rekultivieren, reparieren, sanieren, stilllegen, überwachen, überlassen, überlagern, verteilen, verdichten, verwahren, vollenden, verwerten, wenden, vermeiden, verhindern</p>	<p>Arten</p> <p>Sondermülldeponie, Hausmülldeponie, Bau-schuttdeponie, Übergangsdeponie, Reststoffdeponie, Verdichtungsdeponie, gesteuerte Interstoffdeponie, trockene Deponie, Monodeponie, Altablagerung</p>	<p>abschirmen, sich ausbilden, abnehmen, konstant bleiben, sich befinden, bieten, basieren, belasten, zur Belastung führen, befriedigen, beeinflussen, dienen, darstellen, einhalten, entsorgen, enthalten, einwirken, erschöpfen, erodieren, erreichen, fehlen, Folgen haben, gewährleisten, ge-fährden, gerecht werden, isolie-ren, konzentrieren, Langzeitfolgen und -risiken haben, liegen, produzieren, eine Rolle spielen, stattfinden, schützen, sich unterscheiden, überschreiten, umfassen, unabhängig sein, verfügen, zur Verfügung stehen, vorhanden sein,</p>	<ul style="list-style-type: none"> - üble Mischungen von Abfallstoffen - organisch verunreinigte Abfälle - aussortierter sauberer Bauschutt - zugelassene Abfälle - gemischte Baustellenabfälle - Hauskehricht - Klärschlamm - (un) behandelte Abfälle - wenig lösliche Rohstoffe - Siedlungsabfälle - Asche - Problemstoffe - Schlacke - Sonderabfälle
<p>Zeit</p> <ul style="list-style-type: none"> - auf sehr lange Dauer - festgelegte Frist - über kurze, mittlere und lange Zeiträume - ursprünglich - zukünftig 	<p>Formen</p> <p>Grubendeponie, Haldendeponie, Hangdeponie, offene Grubendeponie, oberirdische Deponie, Untertagedeponie</p>	<p>Bestandteile</p> <ul style="list-style-type: none"> - Deponiedach - Deponiekörper - Deponiebasisabdichtung - Endabdeckung - Deponiesohle - Schüttkannte - Hangkannte - Deponiebasis - Deponieabdeckung - Eingangsbereiche - Fahrwege - Oberflächendichtung - Sickerwasserableitung 	<p>Ort</p> <ul style="list-style-type: none"> - wilde Kippen in Feld, Wald oder Wiese - homogener u. wasserundurchlässiger Untergrund - außerhalb dicht besiedelter Gebiete - in tektonisch stabilen Bereichen - am Rande der Stadt - Grundwasserschutzzone - ausgewählte Stellen - ungeordnete Deponie - aufgelassene Steinbrüche - kleine Taleinschnitte - ausgebeutete Baggerseen - geologisch u. hydrogeologisch geeigneter Ort - Erdoberfläche - Hohlraum 	<p>Folgen</p> <ul style="list-style-type: none"> - Sickerwasser - Umweltverschmutzung - Grundwasserverschmutzung - Bodenbelastung - Luftverschmutzung - Deponiegas - Geruchsbelästigung - Verwehen von Papier, Plastikfetzen - Belastung des Grund- und Oberflächenwassers
<p>Eigenschaften</p> <ul style="list-style-type: none"> - Festigkeit - langfristig sichere - genehmigte 	<p>Bedingungen</p> <ul style="list-style-type: none"> - keine Verbindung zum Grundwasser - Vermeiden der Auswaschung von Schwermetallen und organischen Schmutzstoffen 			

Библиографический список

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
2. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
3. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
4. Серова Т.С. Тезаурусно-целевой подход в организации и введении лексики при обучении профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке в вузе // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 18. М.: Высшая школа, 1985. С. 109–116.
5. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 1, 2.
7. Серова Т.С., Шишкина Л.П. Экологический немецко-русский лексикон-тезаурус: Словарь. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 358 с.
8. Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. Томск, № 4(12), 2010. С. 44–56.

Сведения об авторах

Серова Тамара Сергеевна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного
технического университета
E-mail: serova@pstu.ru

Шишкина Лариса Петровна
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного
технического университета
E-mail: shishkina@pstu.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 141(470)

ПРОБЛЕМА «ВОСТОК-ЗАПАД» В ТВОРЧЕСТВЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Ю.А. Гуторов

*Нижегородский государственный педагогический университет,
Нижний Новгород*

В статье рассматриваются взгляды евразийцев на проблему взаимоотношения России и Европы, Востока и Запада, а также на место России во всемирной истории, специфику ее государственности, истории и культуры с учетом особого, срединного положения.

Ключевые слова: Россия, Евразия, Азия, евразийство, Восток, Запад, государство, история, культура, народ.

Russia and Problem “East-West” in Creativity Eurasians

Yury Gutorov

The article deals with the views of the Eurasians on the problem of inter-relationships between Russia and Europe, East and West, as well as Russia's place in the world history, the specifics of its nationhood, history and culture with regard to the its particular middle position.

Key words: Russia, Eurasia, Asia, Eurasian, East, West, state, history, culture, people.

Евразийство возникло в самом начале становления культуры русского зарубежья как форма самосознания русской эмиграции первой волны и как способ преодоления национальной трагедии, какой были для большинства русских эмигрантов Октябрьская революция и большевистская диктатура. Евразийцы ставили своей целью объяснить и в значительной степени оправдать культурные и политико-идеологические изменения, которые происходили в Советской России после Октября. Русская революция рассматривалась ими как логическое продолжение и завершение трагедии общеевропейской войны, ознаменовавшей собой глубокий и

непреодолимый кризис европеизма, не осознанный до конца в самой Западной Европе. Октябрьская революция для евразийцев - суд над петербургским периодом русской истории, над основными тенденциями развития новоевропейской культуры.

Революционная трагедия, обнажившая трещину в русской и европейской культурах, явилась тем катарсисом, который, с точки зрения евразийства, поднял Россию на новую ступень исторического самосознания, оказавшуюся недоступной европейцам, что и предопределило духовное избранничество русских эмигрантов по отношению к их инокультурному западно-европейскому окружению. Российская цивилизация поэтому предстает в контексте новоевропейского развития не столько как европейская «периферия», мировой культуры, а как «магистраль» всемирно-исторического культурного развития, представляющая собой своего рода «равнодействующую» европейских и неевропейских факторов мировой культуры. Именно на пересечении европейских и неевропейских культурно-исторических тенденций, согласно евразийству, разрешается общеевропейский кризис, т.е. совершается «исход к Востоку».

Восток, по мысли евразийцев, отличает от Запада вера и культура, пронизанная идеей православия или – «идеей-правительницей», которая формирует своим воздействием весь строй духовной жизни, создает в себе государственность особого, идеократического типа. Идеократичность требует жертвенности. Но эта жертвенность осуществляется не во имя расплывчатого понятия «народ» или отвлеченного – «человек», а во имя срединного понятия «особый мир», под которым мыслится «Россия-Евразия». Целое мировой культуры ими мыслится как совокупность различных картин мира, выражающих локальные культуры, взаимодействующие между собой или борющиеся друг с другом; из этих процессов складывается морфология мировой истории.

Культура трактуется как «организм», развивающийся по законам своей внутренней формы; и одновременно как «первофеномен» всякой истории; в каждой культуре различаются ее потенциальные возможности и ее чувственное проявление в истории как постулат, осуществление этих возможностей. Исчерпанность внутренних возможностей европейской культуры означает

выдвижение на первый план мировой истории внутренних возможностей иных, незападных культур и восстановление мирового культурного баланса за счет внеевропейских ориентиров и критериев развития и совершенства.

Национальная самобытность русской цивилизации, сформировавшаяся в результате «туранизации» византийской традиции, во всем противостоит западно-европейской цивилизации: континент противоположен океану; кочевническая степь – неподвижной оседлости; близость к природе и ландшафту – европейскому отчуждению от естественности и техницизму европейской цивилизации; вера– западному экономизму; «вертикаль» напряженных духовных исканий православия – «горизонталь» властных амбиций католицизма; коллективизм и «соборность»– индивидуализму и эгоизму; душевная стойкость и верность национальной традиции – размытости и неопределенности; государствоцентризм и идеократия – аморфному демократическому плюрализму и идейному либерализму.

Для евразийства Россия – наследница не только Византии, но и кочевой империи Чингисхана, облагороженной православием. «Под названием Евразии, – указывал Г.В. Вернадский в работе «Начертание русской истории», – здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, – но именно Срединный Материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии» [1. С. 7]. Так как Евразия сама по себе представляет особое целое, то отсюда с необходимостью вытекает и неизбежность ее политического единства. Первыми всю ее объединили монголы. «...Чингисхану, – писал Н.С. Трубецкой, – удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, – задачу государственного объединения всей этой части света» [2. С.215].

В последующем эту задачу взяла на себя Российская империя, которая стала преемницей монгольской. «История русского народа, – утверждал Г.В. Вернадский, – с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом (...) русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть в сущности история Евразии» [1. С. 12].

Идеологи евразийства акцентировали внимание на духовной близости России и Азии. Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» на основе анализа языка, музыки, устной поэзии, права и религии выделил общие черты туранского психологического типа. По его словам, типичный представитель туранской психики «характеризуется душевной ясностью и спокойствием, отсутствием «разлада между мыслию и внешней действительностью, между догматом и бытом» [3. С. 141]. Рассматривая роль туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, Трубецкой указывает, что эта роль была положительной. После публикации этой работы евразийство стало восприниматься, как попытка философски обосновать «азиатский» облик России и связанную с этим ее уникальность.

Евразийцы по-новому посмотрели на этническую историю России. Это выразилось в идее Трубецкого о синтетической природе русских. Русские – не славяне и не тюрки, не арийцы и не азиаты, из двух этнических компонентов – арийско-славянского и туранского – появился уникальный синтез. Трубецкой подчеркивал, что «если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев» [3. С. 141].

В таком подходе евразийцы были не единственными. Современник и оппонент евразийцев Н.А. Бердяев, определяя особенности русского характера, признавал, что народ русский по душевной структуре народ восточный, что Россия – это христианский Восток, который в течение столетий подвергался сильному западному влиянию. «В России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [4. С. 44].

Евразийцы, как и славянофилы, подчеркивали, что нельзя считать Россию «отсталой частью Европы», она особое «месторазвитие». Евразийцы считали, что Россия не есть Европа с ее романо-германской цивилизацией, но не есть она и Азия, быт и

культура которой дали известные элементы в сокровищницу русской культуры. Россия есть как бы синтез, сопряжение этих двух культур в культуре третьей, которую они называли «евразийской». История мира знает такие мощные культуры: это, например, культура эллинистическая, сочетавшая в себе культуру Греции, с культурами Востока, и, как ее продолжение, культура византийская.

Восприятие Востока у евразийцев во многом было связано с пониманием сущности византийской культуры. «Сущность византийской культуры определяется сочетанием многообразнейших элементов. Токи религиозных, художественных и др. импульсов, шедших с Востока, из Палестины, Сирии, Армении, Персии, Малой Азии, а также из некоторых частей Африки, сопрягались здесь с восприятием западной государственной и правовой традиции. Также соприкосновение со степными культурами, столь определительное для образа русской культуры, не прошло в свое время бесследно для Византии», - писал Савицкий [5. С. 105]. Таким образом, понимание византийской культуры как евразийской расширило представление об основах русской культурно-исторической традиции. Византийская культура является тем основанием, на котором создавалась русская цивилизация. Влияние Византии надолго установилось в культурной истории России. Но евразийцы, наряду с этим влиянием, подчеркивали и влияние степной цивилизации.

Евразийцы считали, что эта степная цивилизация сыграла крупную роль в деле строительства русской государственной хранины и отразилась на бытовом укладе русского народа, его языке и т.д. «Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими царями, а туранскими монголами» [6. С. 59]. Россия сложилась как самостоятельная цивилизация при сочетании собственно славянского начала с туранским. Наследие монголо-татарского периода было, по мнению евразийцев, тем важнейшим элементом русской истории, который превратил несколько периферийных раздробленных восточно-славянских княжеств в остоу мировой империи. Те сектора Киевской Руси, которые подпали в XIII веке под европейское влияние, постепенно растворились в нем, утратив политическую и культурную самостоятельность. Те земли,

которые вошли в состав Орды, позже стали ядром континентальной империи. Евразийцы считали, что монголы во многом сохранили духовную самобытность Древней Руси, которая воскресла в Московском Царстве.

Вслед за Трубецким и Савицким Вернадский, в статье «Два подвига св. Александра Невского», обосновал евразийскую интерпретацию монгольского ига. Таким образом, истоки единства России-Евразии восходили, по мысли Вернадского, Савицкого, Трубецкого, к империи Чингисхана, сыгравшей важную роль в государственном строительстве и сохранении православной веры в условиях идейной и военной угрозы со стороны Запада. Напротив, европеизация России, начатая Петром I и продолженная его преемниками, привела к извращению самобытности России, замутнению национального самосознания интеллигенции, бездумно воспринимающей западные образцы, что привело к расколу культуры на «низы» и «верхи», а в конечном итоге – к революции.

Трубецкой обвиняет Петра в том, что, заменив патриарха Синодом, он унизил церковь. Приглашенные им чужаки-иностранцы воспитали революционную интеллигенцию. Военная служба и крепостное право были, – заключает Трубецкой свои размышления, – и в допетровской России, но милитаристической и крепостнической страной Россия стала только в эпоху европеизации. Считая русскую революцию порождением романо-германского ига, Трубецкой даже приходит к заключению, что «татарское иго было вовсе не так уж плохо». Более того, и в революции евразийцы находили нечто полезное для России. Они считали, что революционная стихия способствовала очищению России от поверхностного европейского налета. Но при этом, как писал Г. Флоровский, «...евразийцы неоднократно разъясняли, в каком смысле они не то, что "приемлют", а учитывают революцию, и, конечно (...) не следует ни в каком случае преуменьшать одичания, вырождения, разврата... Однако нет никаких оснований утверждать, что все в России подлежит искоренению. Растут и там благодатные побеги. Русская душа еще не истощилась» [7. С. 132]. Далее Флоровский выражает надежду, что именно в эту эпоху гонений на Церковь в горниле мученичества закалится и очистится русская душа.

Исходя из такого необычного видения истории России, евразийцы намечали особую политическую концепцию: «...Для того чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым» [7. С. 98]. При этом классовый субстрат способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно только при наличии этнического субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Следовательно, национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная, евразийская нация.

Итак, одно из основных положений евразийства гласит, что Россия не может следовать всецело по пути европейского культурного развития, потому что она входит в состав особого мира, представляющего собою своеобразное совмещение европейских и азиатских жизненных стихий. «Русская культура сочетает элементы европейской и азиатской культуры, сводит их к некоторому единству», – читаем мы в статье Савицкого «Евразийство» [3. С. 103]. Однако сказав, что русская жизнь в своем историческом развитии представляла синтез европейских и азиатских начал, евразийцы не совершили принципиального открытия, – и географы, и историки, и экономисты всегда учитывали то, что Россия сложилась на стыке Европы и Азии. Новое в том, как евразийцы толкуют понятие синтеза. По их мнению, синтез различных начал состоит во взаимном столкновении синтезирующихся начал. Притом в результате этой борьбы Азия должна восторжествовать над Европой по той причине, что душа русского народа, по сути более азиатская, чем европейская, и весь русский европеизм представляет собою не что иное, как внешний налет, искусственно навязанный русскому народу властью Петра I и его преемников. И потому он должен исчезнуть, лишь только Россия вновь проявит со всей силой свою истинную азиатскую

духовную природу. Таким образом, евразийство есть призыв к борьбе против европейских элементов в русской культуре.

Итак, можно сказать, что евразийцам не удалось однозначно разрешить проблему Востока и Запада, однако, во многом их опыт систематизации знаний относительно российского общества в области культурологии, географии, экономики, лингвистики, истории и социологии и других отраслях научного знания принес свои плоды. Им принадлежит немало научных открытий в различных областях науки. Их теории, если и не во всем получили подтверждение, то, несомненно, послужили стимулом к развитию научной и философской мысли.

Библиографический список

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. 264 с.
2. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
3. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Наука, 1990.
5. Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
6. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
7. Флоровский Г.В. Окамененное безчувствие: По поводу полемики против евразийства // Путь. №2. 1926.

Сведения об авторе

Гуторов Юрий Александрович
аспирант кафедры философии
Нижегородского государственного
педагогического университета
E-mail: gytorov@bk.ru

УДК 1:008

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МИФА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИАЛЬНОСТИ

Е.И. Кузнецова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье систематизированы философские взгляды отечественных и зарубежных исследователей на миф в контексте проблемы медиальности. Показано, что медиальный анализ мифа как социокультурного феномена способствует выявлению его структурных элементов, посреднических функций в постижении социального бытия, а также раскрытию связи мифологических форм традиционного общества с характером медиационных процессов, протекающих в современных формах мифотворчества.

Ключевые слова: миф, медиальность, мифологическое пространство, медиация, символическая форма.

Philosophical Conceptions of the Myth in the Light of the Mediacy Problem Elena Kuznetsova

The arrangement of philosophical approaches to the myth by national and foreign researchers in the context of mediacy problem is represented in the article. It's indicated that the medial analysis of the myth as a social-cultural phenomenon is conducive to the identification of its structural elements, mediatorial functions in the comprehension of social being and to the connection between the mythological forms of traditional society and the character of mediation processes proceeding in the modern forms of myth coinage.

Key words: myth, mediacy, mythological space, mediation, the symbolical form.

В ходе цивилизационного развития человечество использовало для выражения социальных смыслов постоянно усложняющийся комплекс различных символических посредников. В этом историческом процессе формировались модели медиакультуры, необходимые для осуществления духовно-практической деятельности человека. Одним из социально-культурных феноменов, который осуществлял медиацию в процессе духовного постижения человеком социального бытия, выступал миф. Миф представляется одной из самых сложных реальностей культуры, в которой сообщается о некоем «творении», когда «мы стоим у истоков существования этого “чего-то”» [1. С.352]. Исследовательская ситуация, сложившаяся в изучении мифа к началу XX века, свидетельствовала скорее о

существовании не теории мифа, а теорий мифа: конструктивной, натуралистической, анимистической, символической, рационалистической и ряде других.

Целью данной статьи является анализ философских концепций мифа, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях, сквозь «призму» медиальности. В контексте возрастающего внимания социогуманитарного знания к мифу и неомифологическим формам медиальный анализ рассматриваемого феномена способствует выявлению эволюционных аспектов медиакультуры и более полному пониманию ее системности, что обуславливает актуальность предлагаемой работы.

В концепции мифа русского философа А.Ф. Лосева отправным пунктом анализа феномена является его рассмотрение исключительно «с точки зрения самого мифа, мифическими глазами», с позиций мифического сознания «наивысшей по своей конкретности, максимально интенсивной и в величайшей мере напряженной реальностью» [2. С.396]. Тогда миф всегда и обязательно есть «реальность, конкретность, жизненность и для мысли – полная и абсолютная необходимость, нефантастичность, нефиктивность» [2. С.397]. Несколько иначе, через семантизацию реальности, выражает функцию мифа О.М. Фрейденберг: «Человеческое сознание перерабатывает, семантизирует реальную действительность и само является одной из форм выражения реальной действительности... Ничего иного, кроме истолкования реальности и, следовательно, реалистической фактуры, не может заключаться ни в содержании, ни в морфологии мифа» [3. С.54]. Миф, как мы видим, представляет в этих подходах довольно «свернутую» систему медиации, которая выступает практически на уровне элементов медиакультуры, то есть является формой объективации чувственно-конкретного способа познания мира. Вместе с тем, если речь идет о семантизации реальности, это уже предполагает признать семантический уровень в структуре развертывания медиакультурного процесса. Несмотря на это, в данных концепциях посреднические функции элиминируются из структуры предмета исследования.

А.Ф. Лосевым вводится понятие «мифической отрешенности». Следуя положению, что миф не содержит ни смысла поэзии, ни ее структуры, и мифический образ можно конструировать *без помощи*

(курсив наш – *Е.К.*) поэтических средств, Лосев отстаивает непосредственность мифически-отрешенного образа, выключая из его структуры «все богатство ее форм и содержания, всю стихию выразительности, словесности, картинности, эмоциональности и т.д.» [2. С.451]. Миф предстает в интерпретации мыслителя «как только общее, простейшее, до-рефлексивное, интуитивное взаимоотношение человека с вещами» [2. С.454], и в этой интерпретации словно бы снова ускользают любые структуры опосредования. Тем не менее в следующих за этим выводах миф определяется как «живое, выразительное и символически-выразительное, интеллигентно-выразительное бытие» [2. С.456], «символически данная интеллигенция жизни» [2. С.458], при этом появляющиеся символические формы, конечно же, возводят о структурах опосредования, оставляя всю непосредственность мифического бытия самому мифическому сознанию. Более того, Лосев делает само понятие мифической отрешенности своего рода медиумом, утверждая, что «все на свете вообще, все существующее, начиная от мельчайшей и ничтожнейшей вещи и кончая миром в целом, есть та или иная степень или качество мифической отрешенности» [2. С.455]. Таким образом, символический характер мифа проявляется даже в тех концепциях, которые утверждают «непосредственность» мифического.

Думается, что наибольшая сложность в анализе медиальности мифа обусловлена синкретичностью мифологического мироощущения, мирочувствования, миропонимания архаического человека. Миф как первооснова и вместе с тем универсальная форма законосообразности и упорядоченности познания мира раскрывается в символических концепциях, получивших развитие в немецком романтизме и классической немецкой философии (И.В. Гете, Й.Г. Гердер, Ф. Шеллинг) и нашедших продолжение в философских концепциях неокантианства в XX веке (Э. Кассирер). Природа медиальности мифа, по Кассиреру, состоит не только в том, что его посредством запечатлевается налично-данное, но и создаются идеальные значения, особые символические формы, в которых конституируется своя особая сторона действительности. Отмечая, что вопрос о «происхождении языка» неразрывно сплетен с вопросом о «происхождении мифа», и что оба они могут быть поставлены только во взаимосотнесенности друг с другом, Э. Кассирер утверждает, что

миф не может остаться неразгаданной загадкой, если мы хотим понять происхождение отдельных специфических образований духа: «проблема истоков искусства, истоков письменности, истоков права и науки возвращает нас к той стадии, на которой все они еще покоились в непосредственном и нерасчлененном единстве мифологического сознания» [4. С.15].

Пользуясь выражением Гете «точная чувственная фантазия», немецкий философ раскрывает зарождение образного мира мифа, мира, который «по своим непосредственным качествам все еще носит чувственную окраску, но в действительности представляет собой уже сформированную и, стало быть, покоренную духом чувственность» [5. С.15]. В таком понимании в чувственном пространстве мифа находит свое конкретное воплощение «чистая функция духовного». Понимая миф как конкретный способ духовного воззрения, Кассирер видит его функции в том, что благодаря этому способу конституируется своя особая сторона «действительности», путь, проторяемый духом в его объективации, или самооткровении. При этом объективация действительности «есть опосредование и опосредованием должна остаться» [5. С.24].

Миф, по Кассиреру, - не продукт каприза или случая; в нем действуют собственные фундаментальные законы формообразования, проявляющиеся во всех его особых выражениях. В контексте изучения проблемы медиальности мифа акцентируем внимание на выделяемых философом таких категориях-посредниках, как пространство и время. В ряду фундаментальных отношений, конституирующих единство сознания как таковое, Кассирер представляет пространство и время как противостоящие друг другу самостоятельные и самобытные способы «связи»: момент рядоположенности представлен в форме пространства, момент последовательности представлен в форме времени. Мифологическое пространство, по Кассиреру, занимает своеобразную среднюю позицию между чувственным пространством восприятия и пространством чистого познания, пространством геометрического созерцания. Таким образом, самое мифологическое пространство выступает уже как среда опосредования, создающая условия «работы» мифа.

О развитии системы медиации в пространстве мифа можно говорить, сравнивая структуру архаических мифов и более поздних, встречающихся в гомеровском эпосе. Сущность мифологического сознания в архаических мифах характеризуется подвижностью, текучестью, непрерывным и непосредственным переходом от одной формы к другой. Функции мифа здесь сводятся к тому, чтобы собирать мир в единстве символического образа, и функциональная сфера опосредования еще не развита в той степени, как в более поздних мифах. Думается, именно слабость «каркаса» опосредования не способна удержать текучесть, поточность, несхватываемость мира мифическим сознанием архаического человека. Постоянство формы, ее всеобщность, стабильность и длительность достигаются, когда сфера медиации разворачивается благодаря силе языка, когда образ, по Кассиреру, становится представлением, когда моментальное воздействие не исчерпывает бытия в целом. «Сквозь конкретную индивидуальность образа мы видим его целостную силу, остающуюся той же самой, хотя и скрывающуюся в тысячах форм. Она обладает прочной “природой” и сущностью, улавливаемой посредством тех форм, что ее “репрезентируют”» [7. С.24]. Миф создает свои знаки как необходимый шаг на пути объективного познания сущности, при этом в нем определяется и выделяется нечто устойчивое. Через знак, связанный с каким-либо содержанием, само это содержание приобретает новый статус и большую продолжительность жизни. «Деятельность символической функции сознания в языке, искусстве, мифе выражается в том, что из потока сознания сначала извлекаются конкретные устойчивые основные формы, наполовину понятийной, наполовину чувственно-созерцательной природы – и в текущем потоке содержаний образуется островок замкнутого на себя формального единства» [5. С.25]. Новым содержательным моментам миф противостоит как общее. В выводах Кассирера нам интересно выявление медиационных функций мифа: миф наряду с языком, искусством, наукой поставляет материал, из которого мы строим, с одной стороны, мир «действительности», а с другой, – духовности, мир Я, и эти формы следует понимать как *функции* самобытного формирования бытия, особые способы его разграничения и структурирования. Таким образом, мы можем констатировать, что

развитие мифологической реальности происходит посредством развития медиальных форм в структуре мифа.

Проблемы медиальности мифа исследуются в трудах французского антрополога К. Леви-Строса. Миф, следуя его взгляду, представляет собой язык, который работает «на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если так можно выразиться, отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [7. С.218]. Подвергнув миф структурному анализу, ученый выявил способы упорядочения мифологического хаоса на принципах медиации. Коммуникативное пространство мифа основано на совокупности бинарных оппозиций. Вместе с тем миф не только оперирует противоположностями, но и стремится к их постепенному снятию – медиации. Леви-Строс предложил переходную, медиативную структуру, в рамках которой функция медиатора состоит в том, чтобы дать возможность мифологическому сознанию осуществить переход от одного члена оппозиции к другому, заменив его третьим, переходным. Исследователь увидел в структуре мифа возможность ввести медиаторов первой, второй, третьей и т.д. степени, поскольку с помощью оппозиций и корреляций из каждого члена можно породить следующий [7. С.218]. Таким медиатором выступает трикстер, персонаж американской мифологии. Этим методом, сравнивая различные варианты мифов, Леви-Строс выявил серию посреднических («медиативных» в терминологии автора) функций в структуре мифа. Эти функции были подтверждены и другими исследователями мифа, подчеркивавшими, что миф создает коммуникативный феномен особого рода иллюзорной медиации, «прогрессивного посредничества, то есть последовательного нахождения мифологических медиаторов (героев и объектов), символически сочетающих признаки полюсов» [8. С.169]. При этом коммуникативные функции мифа выражаются в установлении и трансляции в его структуре системы ценностей.

На структурообразующую роль мифа в представлении о реальности обращают внимание социологи П. Бергер и Т. Лукман, рассматривая миф как концептуальный механизм поддержания символического универсума. Мифология выступает архаичной формой легитимации социального порядка вообще, и все другие древнейшие концептуализации поддержания универсума, такие как

теологическая, например, являются мифологическими по форме. Понимание мифологии как «концепции реальности, которая полагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта» [9. С.179-180], дает возможность рассмотреть медиальность мифологического пространства в его динамике.

Подводя итог сказанному, необходимо выделить следующее. Изучение философских концепций мифа в контексте проблемы медиальности обращает наше внимание на современные коммуникативные процессы. Взгляд на миф сквозь призму медиальной структуры позволяет выявить природу его коммуникативности, поскольку посредством мифа человек не только осознавал бытие в целом, самого себя и свои границы, но и способы связи с другими людьми в мире повседневности. Победы, которые на протяжении человеческой истории одерживал в массовом сознании архаический миф и более поздние мифологические формы, объяснимы тем, что все духовные формы жизнедеятельности человека обусловлены и опосредованы определенными формами чувственной активности.

В представлениях о пространстве и времени во все исторические периоды отражался сложный комплекс духовного мира человека, на основе которого возникала идея упорядоченности мира, отражавшаяся в культуре эпохи. Усложнение структуры медиационных процессов в современном мире приводит к тому, что многое в восприятии социальной реальности вновь редуцируется к чувственному восприятию, и мифологическое пространство возвращает себе посреднические функции в процессах познания и коммуникации. Медиальный анализ мифа помогает, на наш взгляд, приблизиться к разгадке его «неразгаданных» тайн.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.,1996.
2. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
3. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II. Мифологическое мышление. М.–СПб.: Университетская книга, 2001.

5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. I Язык. М.–СПб.: Университетская книга, 2001.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. III. Феноменология познания. М.- СПб.: Университетская книга, 2001.
7. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Сведения об авторе

Кузнецова Елена Игоревна
кандидат политических наук,
доцент кафедры философии, социологии и
теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tvelena@mail.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 14

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 15.04.2011

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 15,5

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а